

**МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

Кафедра немецкого языка и современных технологий обучения

АЛЕКСАНДЕР ЛАРА-ЛЮБОВЬ-ВИКТОРИЯ ЙОРДАНОВНА

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЭПИСТОЛЯРНОГО ДИСКУРСА
(НА ПРИМЕРЕ ПИСЕМ КОМПОЗИТОРОВ
Л. ван БЕТХОВЕНА И Р. ВАГНЕРА)**

Специальность 10.02.04 — Германские языки

Диссертация

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель –

кандидат филологических наук

профессор Беляева М. В.

Москва – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	1
ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ЖАНР, ДИСКУРС И ТЕКСТ КАК ОСНОВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ РАЗВИТИЯ ЭПИСТОЛОГРАФИИ В ГЕРМАНИИ	14
1.1. Жанр, дискурс и текст с позиции эпистолографии	14
1.1.1. Понятия «жанр», «дискурс» и «текст» в лингвистике	14
1.1.2. Соотношение понятий «жанр», «дискурс» и «текст» в контексте эпистолографии	20
1.2. Эпистолярный дискурс на рубеже XVII-XIX вв. в Германии	24
1.2.1. Этапы развития эпистолярного дискурса в Германии и их лингвокультурологические особенности	24
1.2.2. Становление эпистолярного дискурса как одной из форм эпистолярного жанра	30
1.2.3. Правила составления письма. Письмовники	34
1.2.4. Развитие эпистолярного дискурса в Германии	37
1.3. Практика письма и теория эпистолографии К.Ф. Геллерта	40
1.3.1. Начало новой культуры письма	41
1.3.2. Научная оценка теории эпистолографии К.Ф. Геллерта	44
1.3.3. Жанр письма и письмовники в XIX-XX в.	47
1.4. Функциональные проявления эпистолярного дискурса как специфичной формы коммуникативно-речевой практики и их соотношение с теорией К. Ф. Геллерта	50
1.4.1. Функциональная специфика эпистолярного дискурса	50
1.4.2. Значимость культурологических особенностей в языке эпистолографии	55
Выводы по первой главе	57
Глава 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ ЛЮДВИГА ВАН БЕТХОВЕНА И РИХАРДА ВАГНЕРА	60

2.1. Лингвистическая ценность эпистолярного наследия Людвиг ван Бетховена.....	60
2.1.1. Лексико-стилевые отличительные черты «Бетховенского» письма .	64
2.1.2. Психолого-антропологический аспект эпистолярного наследия Людвиг ван Бетховена	74
2.1.3 Социологический аспект эпистолярного наследия Людвиг ван Бетховена	80
2.1.4 Лингвоэстетический аспект эпистолярного наследия Людвиг ван Бетховена	85
2.1.5 Исторический аспект эпистолярного наследия Людвиг ван Бетховена.....	88
2.2 Лингвистическая ценность эпистолярного наследия Рихарда Вагнера и понятие «Письмо Вагнера» («Wagner'scher Brief») в контексте эпистолографии	91
2.2.1 Проблема доступности эпистолярного наследия Рихарда Вагнера ...	91
2.2.2 Психолого-антропологический аспект эпистолярного наследия Рихарда Вагнера.....	94
2.2.3 Социологический аспект эпистолярного наследия Рихарда Вагнера .	99
2.2.4 Лингвоэстетический аспект эпистолярного наследия Рихарда Вагнера.....	103
2.2.5. Исторический аспект эпистолярного наследия Рихарда Вагнера	108
Выводы по второй главе.....	110
Глава 3. КОМПОЗИЦИОННЫЕ И КОММУНИКАТИВНО ЗНАЧИМЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ ЛЮДВИГА ван БЕТХОВЕНА И РИХАРДА ВАГНЕРА.....	112
3.1. Эпистолярное наследие Людвиг ван Бетховена и Рихарда Вагнера с позиций концепции Ганса-Йозефа Клаука об эпистолографии.....	112
3.2 Коммуникативная стратегия в письмах Людвиг ван Бетховена и Рихарда Вагнера	119

3.3. Значение когерентности в письмах Людвига ван Бетховена и Рихарда Вагнера	124
Выводы по третьей главе.....	130
Библиография	139
Электронные ресурсы	157
Журналы.....	158
Словари.....	158
ПРИЛОЖЕНИЕ	159

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено изучению эпистолографического наследия двух великих немецких композиторов Людвиг ван Бетховена и Рихарда Вагнера с позиций лингвистического, прагматического и культурологического аспектов, что позволяет определить лексико-стилистическое своеобразие и основные черты эпистолографии начала – середины XIX века.

Актуальность темы исследования определяется возросшим интересом к эпистолярному дискурсу с позиции приоритета антропоцентрического подхода в современных лингвистических исследованиях, и, как следствие – необходимостью исследований, сочетающих лингвистический анализ с коммуникативно-прагматическим и лингвокультурологическим.

В европейском языкознании вопросы эпистолографии в лингвистическом и культурологическом аспектах рассматриваются учеными Германии, Швейцарии, Великобритании. Большое внимание уделяется не только исследованию частных писем в междисциплинарном филологическом поле, но и возможности научного исследования эпистолярного наследия в смежных научных сферах: философии, истории, социологии, психологии и др.

Вместе с тем, несмотря на интенсивное изучение различных аспектов эпистолографии вне поля зрения остаются вопросы лингвистического анализа эпистолярного жанра многих отдельных эпистолярных текстов. Так, в частности, письма Л. ван Бетховена и Р. Вагнера, образующие значительную часть эпистолярного дискурса, где языковая личность композиторов находит наиболее полное отражение, не подвергались специальному комплексному изучению с позиций их лингвистических, лингвокультурологических и лингвопрагматических особенностей. Эпистолярное наследие этих композиторов не являлось

предметом специального диссертационного исследования с целью определения языковых особенностей писем – лексических и лингвостилистических средств, являющихся маркерами коммуникативных стратегий эпистолярного дискурса.

Степень разработанности проблемы. Многоаспектность эпистолографии всегда привлекала внимание ученых разных научных направлений и специальностей, поскольку с древних времен письмо было транслятором информации о культуре, языке и речевых особенностях того или иного народа.

Последние десятилетия отмечены возросшим интересом к различным жанровым разновидностям писем, что нашло отражение в исследованиях как отечественных, так и зарубежных филологов. Объектом анализа становится частное неофициальное письмо как разновидность эпистолярных текстов: исследуются частное неофициальное письмо (Данкер, 1992; Попова, 1992; Ковалева, 1992; Папян, 1992; Григорьева, 1981; Виденеева, 1988; Прокуровская, 1993; Бухаркин, 1982; Кормилицына, 1996; Захарова, 1986; Шейнова, 1988; Никитина, 1999; Летутина, 1999; Гиндин, 1989 и др.); художественное письмо (Виноградова, 1991; Жанэ, 1979; Ковалева, 1993; Обухова, 1990 и др.); дружеское письмо как жанр художественной литературы (Степанов, 1966; Степанов, 1926; Маркин, 1989; Лазурчук, 1972); профессионально ориентированное письмо (Цыцарина, 1991; Чуркина, 1995); публицистическое (Бельчиков, 1988; Колпакова, 1989; Максимова, 1995; Чепкина, 1993 и др.); деловое (Викторова, 1994; Веселое, 1990; Сурмоница, 1981; Зорина, 1971; Багрянцева, 1986 и др.); бытовое письмо (Казеко, 1989). Внимание исследователей привлекают как общие, так и частные вопросы эпистолярия. Письмо в русле лингвистики текста рассматривают Л. В. Нижникова (1991), Т. С. Каирова (1989), А. И. Паперно (1977), Беттузия Нажуа (1984); в лингвостилистическом аспекте — О. Н. Седова (1985), Т.П.Зорина

(1971), Л. Н. Кецба (1974), И. А. Иванчук (1986), А.Д. Васильев (1982), А.С.Григорьева (1981); в лингвопрагматическом аспекте — Т. В. Ковалева (1993); в социолингвистическом — З.М. Данкер (1992); письмо как источник изучения истории русского языка — Е. Г. Виденева (1988), Т. Г. Шейнова (1988) и др.

Комплексный подход к изучению письма осуществляют О. Ф. Цыцарина (1991), Е. В. Виноградова (1991), исследуя письмо в русле лингвистики текста и функциональной стилистики; И. П. Лысакова (1971) — в историческом и социолингвистическом аспектах; Ю. М. Папян (1992) рассматривает эпистолярный жанр в русле жанровой типологии с учетом его композиционной и диалогической структуры. Н.Ю. Чигридова (1999), О.Ю. Подъяпольская (2007) обращаются к функционально-прагматическому аспекту эпистолярного жанра. Более конкретным вопросам – метафорам в языке писем, структуре и стилистическим функциям обращений в письмах, заимствованию лексики в письмах – посвящены работы Е.В.Захаровой (1976), Н.В.Климовой (1970), Н. И. Гайнулиной (1973), И. А. Иванчук (1986).

Многоаспектность исследований в области эпистолярного жанра предоставляет возможность учитывать такие важные параметры, как обстановка, время и место написания письма, предмет и цель коммуникации, социальные, этнические, индивидуальные характеристики участников речевого общения, ролевые и личностные отношения между адресантом и адресатом, что позволяет определить комплексный подход к изучению писем как наиболее продуктивный.

В европейской лингвистике вопросами эпистолографии с лингвистической и культурологической позиции активно занимаются многие ученые. Так, частное письмо исследуется с точки зрения аутентичности языка (Widdowson, 1973; Becker-Cantarino, 1999), лингвистических особенностей языка письма (Mann, 1991), проекции личностных черт характера автора на лингвистические особенности

языка письма (Anton, 1995). Рассматриваются проблемы, касающиеся статуса письма в социуме (Arto-Hausmacher, 1995), теории коммуникации в письмах (Brandt, Koch, Motsch, Rosengren, Vieweger, 1983; Ritzer, 1999; Vellusig, 2000), стилистических особенностей языка письма (Schöttker, 2008). Исследуются и более глобальные вопросы, например, письмо XVIII-XIX вв. как средство массовой информации (Anderegg, 2001), проблематика культуры письма в XIX в. (Baasner, 1999), специфика письменной коммуникации на протяжении веков и ее отражение на письмовниках (Ettl, 1984), проблема классификации стиля писем (Ermert, 1979). Принципы составления письмовников и различные подходы к пониманию письмовника находят живой интерес как в немецкоговорящей, так и общеевропейской среде ученых (I. Kording, R. Nikisch, S. Richter).

Более конкретные вопросы и проблемы эпистолярного наследия являются предметом исследования В.Брайга (Breig, 1993), Р.Г. Делихан (Delilkhan, 1991), В. Файгса (Feigs, 1982). Эпистолярное наследие известных личностей относится к сфере научных интересов Г.Й. Фортмюллера (Fortmüller, 1977), Б. Хан (Hahn, 1990), И. Хёсли (Hoesli, 1948), И. Ланге (Lange, 1993).

Логика диссертационного исследования потребовала обращения к изучению работ К. Нихольма (Nyholm, 1995), чьи критерии классификации эпистолярного дискурса берутся в данном исследовании за основу; концепции К.Ф. Геллерта (1715-1769), имеющей определённое значение для выявления лексико-стилистического своеобразия писем начала – середины XIX века; теории коммуникативной стратегии М. Грегор-Деллина (Gregor-Dellin, 1995: 619); концепции индивидуальных композиционных характеристик писем Г.-Й. Клаука (Klauck, 2008).

Объектом исследования являются тексты писем Л. ван Бетховена и Р. Вагнера, так как именно их письма представляют ту жанровую

разновидность эпистолярных текстов, в которых наиболее ярко раскрывается значение языковой личности в создании эпистолярного дискурса. К исследованию также привлечены некоторые письма партнеров композиторов по переписке для уточнения контекстов их писем, некоторые письма известных личностей XVIII-XIX вв., считающиеся эталоном эпистолярного текста при жизни композиторов. Для осмысления и описания особенностей эпистолярного наследия привлечены немецкоязычные письмовники конца XVIII – середины XIX вв.

Предметом исследования выступают лексические и лингвостилистические особенности исследуемых писем, а также их композиционно-жанровое и структурное своеобразие.

Целью диссертационного исследования является анализ лексических, грамматических и функционально-стилевых средств актуализации маркеров коммуникативных стратегий эпистолярного дискурса на примере писем двух композиторов одной эпохи, выявление и описание индивидуальных отличительных черт письма Л. ван Бетховена и Р. Вагнера на фоне общепринятых канонов составления писем в XIX веке.

В основе исследования лежит **гипотеза** о выработке и использовании авторами-композиторами определенного инвентаря коммуникативных стратегий, с помощью которых создается особый тип частного письма композиторской среды, фокусирующий внимание на особенностях личности (личностно-центрированное письмо) в исследуемом типе дискурса.

В соответствии с поставленной целью и выдвинутой гипотезой в работе решаются следующие **задачи**:

1) уточнить понятия *дискурс, жанр, текст* для эпистолографии, выявить их взаимодействие с коммуникативной ситуацией;

2) описать процесс становления немецкоязычного письма как эпистолярного текста и системно представить его конституирующие признаки;

3) выявить и описать основные композиционные компоненты письма, его функциональные проявления как специфичной формы коммуникативной практики, соотнести данные компоненты и их функциональные проявления;

4) уточнив значимость лингвокультурологических особенностей в языке эпистолографии, определить специфику лингвистической составляющей эпистолярного наследия Л. ван Бетховена и Р. Вагнера;

5) проанализировать языковые особенности эпистолярного наследия Л. ван Бетховена и Р. Вагнера и выделить схожие и отличительные черты их писем;

6) определить композиционные особенности писем Л. ван Бетховена и Р. Вагнера и выделить индивидуальные композиционные характеристики их писем;

7) определить коммуникативную стратегию и признаки когерентности в письмах Л. ван Бетховена и Р. Вагнера.

Материалом исследования являются уникальные письма композиторов Л. ван Бетховена и Р. Вагнера, некоторые письма их партнеров по переписке для создания более полной картины эпистолографии и некоторые письма известных личностей XVIII-XIX вв., считающиеся образцовыми при жизни композиторов. К исследованию привлечены также немецкоязычные письмовники конца XVIII – середины XIX вв. для осмысления и описания особенностей эпистолярного наследия.

Цель и задачи исследования определили использование следующих **методов и приемов работы**: лексического, синтаксического и стилистического анализа реальных текстов; описательно-

аналитического метода, дедуктивного метода, методов дискурсивного и контекстуального анализа.

Научная новизна работы заключается в том, что рассмотрение эпистолярных текстов Л. ван Бетховена и Р. Вагнера осуществляется в рамках новой для изучения письма исследовательской парадигмы с доминантой лингвистической (лексической и стилистической) интерпретации, а также в выявлении лингвистических особенностей эпистолярных текстов, созданных различными композиторами одной эпохи. В значительной степени научная новизна исследования обусловлена осуществлением комплексного сравнительного описания лингвистической и лингвокультурологической специфики «языка письма» представителей композиторской среды.

Комплексное описание обеспечивается тем, что наряду с языковым материалом к анализу привлечен также ряд экстралингвистических категорий, важнейшими из которых выступают фактор адресанта, цели и задачи общения, стратегии речевого поведения партнеров по коммуникации; исследуются собственно лексико-стилистические особенности эпистолярного дискурса представителей композиторской среды на примере эпистолярного наследия Л. ван Бетховена и Р. Вагнера.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что диссертационная работа вносит вклад в развитие теории эпистолярного дискурса в области исследования индивидуального эпистолярного наследия в рамках лингвокультурного ареала XIX столетия, при этом уточнено соотношение понятий «текст», «жанр» и «дискурс» в применении к исследованию эпистолярного наследия двух композиторов Германии, определены основные лексикостилевые и композиционные особенности писем Л. ван Бетховена и Р. Вагнера на фоне принятых в XIX веке канонов эпистолографии.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные данные и основные выводы исследования могут быть использованы в теоретических курсах по лингвистике текста, по теории дискурса, по жанрово-стилевой типологии текстов, спецкурсах, посвященных языковым особенностям эпистолярного дискурса в Германии, а также при написании курсовых работ и магистерских диссертаций.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Эпистолярный текст, обладая определенной структурой общих социо- и лингвокультурных признаков, характеризуется ориентацией автора на собеседника, присутствием в письме устойчивого «persuasio» (приверженности автора определенной точке зрения), способностью обозначать ситуации или объекты реального мира, наличием у адресанта цели при воздействии на адресата, отражением специфики индивидуального мировосприятия в психо-речевом комплексе.

2. Письма Л. ван Бетховена и Р. Вагнера сочетают в себе черты эпистолярного дискурса, свойственного XIX веку, и сугубо оригинальный собственный стиль, для которого характерно использование не типичных для их времени лексических и грамматических единиц в нарушение общепринятых правил хорошего тона. Язык писем композиторов не во всем подчиняется принятым в обществе канонам, что **выражается в синтаксическом и лексикостилевом оформлении писем.**

3. Письма Л. ван Бетховена и Р. Вагнера отличаются от эпистолярных образцов своего времени по структуре и композиции, но обнаруживают между собой много идентичных черт, что является свидетельством неординарности обеих творческих личностей. Корпусы писем обоих композиторов, содержащие различные по коммуникативным задачам и интенциям письма, раскрывают значение

переписки как средства выражения своего внутреннего мира с помощью языка эпистолярного жанра.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования излагались автором на ежегодных научных конференциях Института иностранных языков Московского городского педагогического университета IV, V, VI, VII Научной сессии "Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения, лингводидактики" (г. Москва, 2010, 2011, 2012, 2013 гг.), V Международной научно-практической конференции «Современная филология: теория и практика» (г. Москва, 2011 г.), XXXII Международной конференции лингвистов и филологов (г. Женева, 2012 г.); Общеввропейском съезде исследователей-лингвистов 2013 г. (г. Клермон-Ферран, 2013 г.); IX Международной научно-практической конференции «Современная наука: тенденции развития» (г. Краснодар, 2015 г.), X Международной конференции науки и технологии Европы (г. Мюнхен, 2015 г.).

Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в 12 публикациях общим объемом 4,6 п. л., в том числе 3 статьи опубликованы в изданиях, включенных в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ».

Структура диссертационной работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложения.

Во **введении** рассматривается степень исследованности проблемы, обосновываются ее актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость. В **первой главе** дается обзор научных концепций, лежащих в основе исследования; приводится исходная информация об истории формирования письма и правил его написания, а также обозначается роль письма в XIX веке. Во **второй главе** исследуются языковые особенности эпистолярного наследия немецких

композиторов XIX века Л. ван Бетховена и Р. Вагнера в отдельности и в сравнении. В **третьей главе** более подробно рассматриваются композиционные и структурные особенности эпистолярного наследия обоих композиторов. В **заключении** подводятся итоги сравнения писем двух композиторов и перечисляются выявленные схожие черты эпистолярного наследия Л. ван Бетховена и Р. Вагнера. В **приложении** даны таблицы, систематизирующие проведенный анализ писем композиторов.

Глава 1. ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ЖАНР, ДИСКУРС И ТЕКСТ КАК ОСНОВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ РАЗВИТИЯ ЭПИСТОЛОГРАФИИ В ГЕРМАНИИ

Обращаясь к эпистолографии, необходимо рассмотреть взаимодействие между такими лингвистическими понятиями, как дискурс, текст и жанр, с тем, чтобы определить сущность эпистолярного дискурса, являющегося ключевым понятием эпистолографии.

1.1. Жанр, дискурс и текст с позиции эпистолографии

1.1.1. Понятия «жанр», «дискурс» и «текст» в лингвистике

Для того, чтобы определить собственное отношение к понятию «дискурс», следует рассмотреть ряд подходов к определению данного понятия. Известно, что существует большое количество концепций как отечественных, так и зарубежных лингвистов, в которых рассматривается понятие дискурса, определяются его характеристики и формы существования. В отечественном языкознании принято считать наиболее универсальным определение дискурса, сформулированное Н.Д. Арутюновой, в котором дискурс рассматривается как текст в совокупности с экстралингвистическими факторами, как текст, взятый в событийном аспекте, или еще шире – как речь, погруженная в жизнь [Арутюнова, ЛЭС, 1990: 136-137]. В концепциях многих других русских лингвистов развиваются и уточняются отдельные аспекты дискурса или дискурсов (Карасик, 1992; Киров, 1989; Макаров, 2003; Чернявская, 2010 и др.).

Современные европейские лингвисты неоднозначно трактуют понятие «дискурс»: так, в представлении Роберта Веллузига дискурс (фр. discours или англ. discourse) – это сложная, многоуровневая система организации и представления реальности [Vellusig, 2000: 62]. В понимании Анетты Антон дискурс, напротив, не является системой представления реальности, но рассматривается как форма существования реальности в целом [Anton, 1995: 27]. Уже эти два

мнения свидетельствуют о различных подходах к интерпретации понятия «дискурс». Чтобы понять сущность феномена «дискурс», проанализируем основные вехи становления данного понятия в лингвистике.

Понятие «дискурс» имеет относительно долгий путь становления. Так, в 1960-е – 70-е годы дискурс понимался как связанная и согласованная последовательность предложений или речевых актов. Это подразумевает некую синонимичность понятий «дискурс» и «диалог», что можно и сегодня встретить в некоторых определениях, так как дискурс, как и любой коммуникативный акт, предполагает наличие двух фундаментальных ролей – говорящего (автора) и адресата. Таким образом, диалог представляет собой частное проявление дискурса.

Г. Манн, один из ведущих современных исследователей эпистолярного дискурса в Германии, анализирует направления в понимании дискурса, представленные в работах известных лингвистов современности [Mann, 1991]. Наиболее отчетливо выделяются три основных направления в понимании дискурса, соотносящихся с различными научными национальными школами и их традициями.

1. К первому направлению относится собственно лингвистическое трактование дискурса, использованное впервые американским ученым З.Харрисом в статье «Дискурс-анализ», опубликованной в 1952 году [Harris, 1952 (1970)]. Лингвистическая интерпретация дискурса представлена, главным образом, в англоязычной научной традиции, но принимается и рядом ученых из стран континентальной Европы. Французский лингвист Э. Бенвенист последовательно использовал термин «дискурс» (*discours*) вместо термина «речь» (*parole*) [Бенвенист, 1974]. Существенной чертой дискурса, понимаемого им в широком смысле, является также соотнесение дискурса с конкретными

участниками акта, то есть говорящим и слушающим, а также с коммуникативным намерением говорящего каким-либо образом воздействовать на слушателя. Структуру разговорного дискурса, в его понимании, составляет ряд этапов (вступление в речевой контакт, выдвижение инициальной темы разговора и ее ратификация, смена ролей в ходе коммуникативного акта, смена темы разговора, выход из коммуникативного акта), каждый из которых обусловлен комплексом внешних и внутренних факторов.

2. Второе направление в интерпретации дискурса восходит к французским структуралистам и постструктуралистам, и, прежде всего, к М. Фуко [Фуко, 2004]. За употреблением этого термина просматривается стремление к уточнению традиционных понятий стиля (в том самом максимально широком значении, которое имеют в виду, говоря «стиль – это человек») и индивидуального языка. Понимаемый таким образом термин «дискурс» (а также производный и часто заменяющий его термин «дискурсивные практики», использовавшийся М. Фуко) описывает способ говорения и обязательно имеет определение (какой, чей дискурс?), поскольку исследователей интересует не дискурс вообще, а его конкретные разновидности, задаваемые широким набором параметров:

1) чисто языковыми отличительными чертами (в той мере, в какой они могут быть отчетливо идентифицированы);

2) стилистической спецификой (во многом определяемой количественными тенденциями в использовании языковых средств);

3) спецификой тематики, систем убеждений, способов рассуждения и т.д.

Дискурс в данном понимании – это стилистическая специфика в сочетании со стоящей за ней идеологией. Более того, предполагается, что способ говорения во многом предопределяет и создает саму предметную сферу дискурса.

3. Третье направление в понимании дискурса, связанное, прежде всего, с именем немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса [Хабермас, 1993], имеет значительную специфику. В рамках данного направления дискурсом называется особый идеальный вид коммуникации, осуществляемый в максимально возможном отстранении от социальной реальности и имеющий целью критическое обсуждение и обоснование взглядов и действий участников коммуникации.

По мнению Голло Манна, дискурс — это социально обусловленная организация системы речи, а также определённые принципы, в соответствии с которыми реальность классифицируется и репрезентируется (представляется) в те или иные периоды времени [Mann, 1991: 257].

С позиций современной лингвистической науки Германии, базирующейся как на концепции Г. Манна, так и дискурсивной теории М. Фуко, дискурс понимается как сложное коммуникативное явление, включающее текст как результат/продукт речевой деятельности и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), обуславливающие понимание текста [Ritzer, 1999: 186]. Данная позиция также находит признание и среди отечественных ученых – «Формирование значений языковых единиц неразрывно связано с процессом познания окружающего мира и представлением его результатов на мыслительном и языковом уровне» [Болдырев, 2001: 24].

Таким образом, «дискурс» в понимании современной немецкоязычной лингвистикой близок по смыслу к понятию «текст», однако подчеркивает динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения; в противоположность этому, текст мыслится преимущественно как статический объект, результат языковой деятельности.

Текст – явление, несомненно, многогранное и разноплановое. Каждый ученый-лингвист толкует это понятие в соответствии с ориентирами направления лингвистики, которым занимается. Поэтому единого понимания и определения текста не может существовать. По мнению А.А. Леонтьева, текст – это «основная единица коммуникации, (...) феномен реальной действительности и способ отражения действительности, построенный с помощью элементов системы языка» [Леонтьев, 1979]. Отражение действительности как одна из составляющих определения текста потому важна, что позволяет найти точки соприкосновения в определениях текста и эпистолярного дискурса, так как именно отражение действительности является одним из определяющих элементов эпистолографии.

Помимо этого, «референция (соотнесенность с соответствующей ситуацией – прим. Л.А.) отличает текст от иных единиц языка; сама же ситуация имеет статус полноправного компонента структуры текста» [Прохоров, 2004: 11]. Ситуация является невербальным компонентом текста, но имеет определяющее значение при его создании, а для эпистолярного дискурса, включающего в себя тексты как лингвистическое явление, важна не столько ситуация как некое событие, сколько коммуникативная ситуация, понимаемая как мотив создания эпистолярных текстов. Таким образом, эпистолярный дискурс представляет собой совокупность текстов и коммуникативных ситуаций.

Любой текст направлен на реципиента и должен быть ему понятен, а, значит, автор должен подобрать соответствующие языковые средства, адекватно отражающие его замысел. Текст – сложное явление не только языковой, но и экстралингвистической действительности, а, значит, выполняет не только коммуникативную и информативную функции, но и является отражением психической жизни индивида, продуктом определенной исторической эпохи, формой существования культуры, отражением определенных социокультурных традиций. Поэтому, с точки зрения современной лингвистики, текст следует рассматривать как «продукт, порожденный языковой личностью и адресованный языковой личности» [Тураева, 1994: 48]. При таком подходе текст и дискурс сближаются друг с другом. Еще в 1973 г. было предложено трактовать дискурс как «текст плюс ситуация», а текст как «дискурс минус ситуация» [Widdowson, 1973; Östman, Virtanen, 1995]; следовательно, эпистолярный дискурс можно представить как совокупность эпистолярных текстов плюс экстралингвистический аспект их формирования.

Не менее существенным понятием в эпистолографии является понятие «жанр». Существует большое количество различных подходов к определению понятия «жанр» (от фр. *genre* — род), что мотивировано интересом к проблеме жанра как в современном литературоведении, так и в современной лингвистике. Теория жанра — одна из наиболее значимых областей теоретической разработки, в частности, в истории литературы. Жанр представляет общее понятие, отражающее наиболее существенные свойства и связи явлений, совокупность формальных и содержательных особенностей произведения [Большая Российская Энциклопедия, 2007: 734]. Понятие жанра пришло из литературоведения в лингвистику и связано со стилистическими особенностями, формирующими специфику той или иной литературной формы.

Существует множество различных подходов к определению жанра. Одним из них является историко-теоретический подход, в рамках которого жанр понимается как аспект исследования художественного произведения. Р. Уэллек и О. Уоррен в ставшем классическим труде «Теория литературы» указывают, что «...жанром условно можно считать группу литературных произведений, в которых теоретически выявляется общая «внешняя» (размер, структура) и «внутренняя» (настроение, отношение, замысел, иными словами — тема и аудитория) форма» [Уэллек, 1978: 248]. Если принять данное определение за основу, то письмо можно условно назвать жанром эпистолярного дискурса, так как письмо репрезентирует «дискурс, обладающий, как правило, четкой структурой, тематикой и адресатом», где адресат приравнивается к «аудитории» [Mann, 1991: 92].

Таким образом, многочисленные письма, каждое из которых представляет частный случай эпистолярного жанра, формируют эпистолярный дискурс. Жанр письма, в свою очередь, понимается как синоним эпистолярного жанра согласно мнению исследователя К.Нихольма, предполагающего взаимозаменяемость этих терминов [Nyholm, 1995: 211]. Существуют разновидности письма, определяемые их жанровой принадлежностью: жанр биографического письма, жанр письма-прошения, жанр дружеского или любовного письма. Часто подобные субжанры не predeterminedены при составлении текста письма.

1.1.2. Соотношение понятий «жанр», «дискурс» и «текст» в контексте эпистолографии

В отличие от лингвистических, лингвокультурологические особенности могут реализоваться только на уровне текста в его взаимосвязи с экстралингвистическим контекстом, что и можно определить уровнем дискурса [Чернявская, 2010: 11]. Если рассматривать текст как единицу общения, которая одна может

полностью отразить цели участников коммуникации, то выявляется связь между понятиями «текст» и коммуникативной ситуацией. Лингвисты, говоря о коммуникативной ситуации, приписывают ей пять экстралингвистических аспектов, ориентированных на адресата/адресанта [Гончарова, 2003: 17], которые, по сути своей, повторяют критерии/аспекты дискурса (психолого-антропологический, социологический, лингвоэстетический, исторический), сформулированные изначально Куртом Нихольмом [Nyholm, 1995: 209]. Далее необходимо понять, в какой степени коммуникативная ситуация и дискурс в нашем понимании являются взаимосвязанными понятиями. Текст является одним из элементов коммуникативного процесса, но при этом одних лингвистических факторов и интралингвистических аспектов (данных той или иной языковой системы) недостаточно для понимания сущности текста. Следовательно, необходимо такое понятие, которое вбирало бы в себя как лингвистические, так и экстралингвистические, в том числе культурологические, особенности какого-либо речевого действия, обозначаемого как коммуникативная ситуация. Дискурс в одном из его возможных пониманий обозначает текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, определяющим все то, что существенно для порождения данного высказывания/текста, в связи с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом [Чернявская, 2010: 20]. Понятием, объединяющим коммуникативную ситуацию и порожденный данной ситуацией эпистолярный текст, является эпистолярный дискурс, что графически можно представить следующей формулой:

Эпистолярный дискурс (ED) =
текст (Т) + экстралингвистический фон (Extralinguistischer
Hintergrund, EH), т.е.

$$ED = T + EH$$

Такая формула отражает, на наш взгляд, любое понимание дискурса и является, следовательно, универсальной. Об этом свидетельствует и тот факт, что германо-австрийское лингвистическое сообщество, основываясь на дискурсивной теории французского ученого Мишеля Фуко, рассматривает дискурс как языковое отражение личной, исторически сложившейся, идеологической или национальной ментальности. Можно с уверенностью предположить, что ментальность формируется на основании именно экстралингвистических факторов, чтобы далее в какой-либо форме систематизироваться и найти свое выражение в дискурсе – в общем, а значит в эпистолярном дискурсе – в частности.

Теперь уточним, насколько правомерно считать эпистолографию эпистолярным дискурсом. Даже без учета критериев дискурсивности Курта Нихольма [Nyholm, 1995: 202-216] можно, рассматривая дискурсообразующие характеристики, сделать вывод о безусловной правомерности термина эпистолярный дискурс в отношении эпистолографии, так как базисом изучения дискурса любого типа являются сферы человеческой коммуникации. Так, «рассмотрение дискурса осуществляется не путем «восхождения» от текста к его экзистенциальному окружению, а путем «нисхождения» от социальной реальности к фактам ее проявления» [Радченко, 2009: 61]. Эпистолография является проявлением человеческой коммуникации вследствие наличия адресата, адресанта, коммуникативно-прагматической ситуации и социокультурных обстоятельств написания письма.

Наряду с понятием «эпистолярный дискурс» важное значение для эпистолографии, как было отмечено выше, имеет понятие «жанр».

В немецкоязычной лингвистике традиционно для обозначения конкретных типов текстов используется понятие «сорт текста» (Textsorte). Отечественные специалисты [Чернявская, 2010: 31], однако,

обращают внимание на интранациональность данного термина, т.е. на его распространение сугубо в немецкоговорящих регионах, и на использование наряду с термином *Textsorte* термина *Genre*. Этот термин традиционно закреплен за сферами литературоведения и призван характеризовать исторически возникшие структурно-организационные формы некоего рода произведения.

Исторически возникшие структурно-организационные формы письма, выступающего в данном случае как «форма произведения», являются для эпистолярного дискурса одним из основных и наиболее существенных факторов. Эпистолярный дискурс находит своеобразно оформленное воплощение в письмовниках.

Следует отметить, что британо-американский подход к понятию *Genre*, отличаясь от немецкого, не противоречит ему, так как в британских и американских работах по лингвистике текста дается определение жанра как «образца, формы организации типа текста» [Gläser, 1990: 31], что подтверждает справедливость выделения «эпистолярного жанра». Основываясь на данном определении, можно представить соотношение между эпистолярным жанром, эпистолярным дискурсом и эпистолярным текстом следующим образом:

Эпистолярный жанр (форма организации письменного произведения) формирует специфику эпистолярного дискурса – совокупности текстов, каждый из которой, в свою очередь, является отдельным эпистолярным образцом – текстом как с общими для всей совокупности текстов характеристиками, так и особенностями индивидуального стиля автора письма.

Соотношение между эпистолярным жанром, эпистолярным дискурсом и эпистолярным текстом можно представить в следующей схеме, где выделен объект нашего исследования, который составляют эпистолярный дискурс и эпистолярный текст как единица эпистолярного дискурса:

Схема 1.

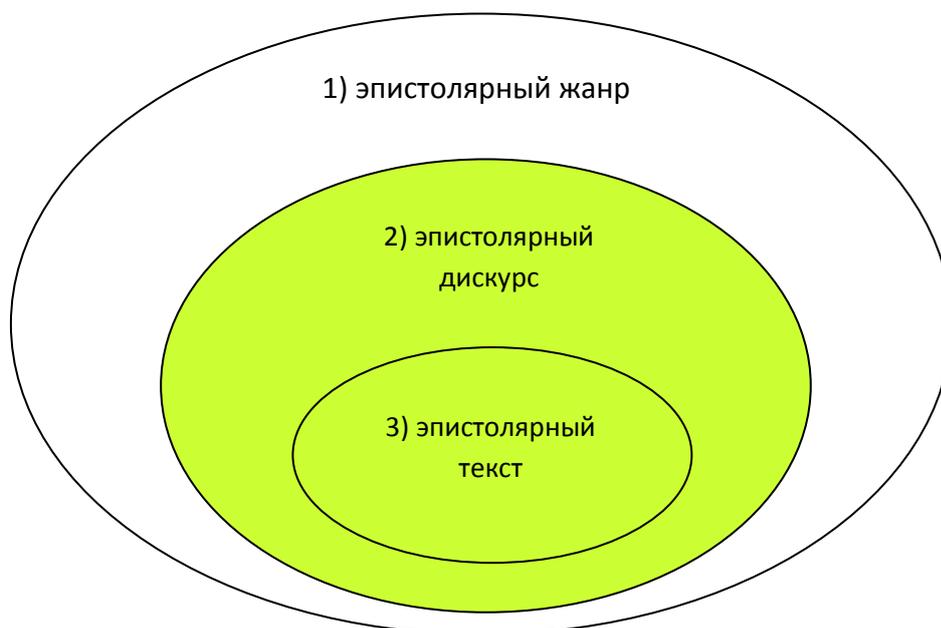

Схема 1. Соотношение между эпистолярным жанром, эпистолярным дискурсом и эпистолярным текстом.

1.2. Эпистолярный дискурс на рубеже XVII-XIX вв. в Германии

1.2.1. Этапы развития эпистолярного дискурса в Германии и их лингвокультурологические особенности

Эпистолярный дискурс в Германии на рубеже XVIII-XIX вв. – новый культурологический и литературный пласт, выработывавшийся годами. Чтобы понять его лингвистическую специфику, следует дать краткий обзор его становления и рассмотреть присущие ему черты на каждом из этапов.

Строгий, формальный канцелярский стиль, господствовавший в любого вида корреспонденции (как деловой, так и частной), был в немецкоязычной среде фундаментально изменен в стилистическом и содержательном аспектах в XVIII веке. Данный процесс весьма тесно связан с общественно-социальным развитием данной эпохи.

Влияние французской манеры личного общения и корреспонденции, отточенной придворными церемониалами и изящно-тонкой речью доминирующих аристократических кругов, оказалось стилеопределяющим для «нового» немецкого письма. Попытка перенять данную манеру письма наблюдалась и немного ранее, в конце XVII века. Об этом свидетельствует, например, произведение Томасисуса «О подражании французам» («Von der Nachahmung der Franzosen»), созданное в 1687 году. Автор рекомендует немцам использовать как «красоту духа» («Beaute d'esprit») и «учтивость» («galanterie»), так и французское «верное/удачное слово» (*bon mot*), иначе говоря – удачно вставленные в текст письма остроты и сатирические высказывания, изменяющие стиль всего письма в целом. Широкое распространение данное явление получило лишь к середине XVIII в., положив, таким образом, начало длящегося весь период с конца XVIII до середины XIX вв. спору о том, какими началами управляется человеческое понимание вкуса – эмоциональным и инстинктивным или рациональным [Becker-Cantarino, 1999: 69].

В становлении эпистолярного дискурса в Германии значительную роль сыграл тот факт, что Германия с большим трудом создавала свою Национальную Традицию, которая естественным образом существовала в других странах, менее пострадавших от крупных войн и мелких междоусобиц, к тому же никогда не бывших наподобие Германии раздробленными. Новая, медленно формирующаяся идея о едином немецком государстве должна была отвоевать себе место в сознании своих граждан, в то время как национальное самосознание в других странах уже существовало на протяжении многих веков. «Воплощение» национального самосознания в личностях исторических героев возбудило бурный интерес к дискурсу биографического характера, что привело в первой четверти XIX века к развитию нового направления в эпистолографии того периода –

эпистолографической биографики. Биография как жанр письма представляет собой некий особый «концентрат» жизни автора писем, повествуя не только о внешнем, видимом развитии событий, но и описывая внутренние переживания личности и подробности частной жизни. Опубликование частных писем, количество которых неимоверно возросло к концу XIX века, способствовали подобному развитию биографики.

Из изданий частных писем образовался новый, смешанный литературный жанр – биография в письмах. Интересным в этом плане представляются попытка Л. Гайгера и Р. Штайга объединить в своих литературных произведениях цитаты из писем описываемых ими людей с прозаическими пассажами, представляющими собой хронику и отчасти их собственные комментарии (жизнеописание Терезы Хубер, первой женщины, работавшей в качестве редактора, предпринятое Л. Гайгером; двухтомное издание Р. Штайга о «Романтиках»).

Образцовым изданием данного жанра стал труд В. Гертца – биография в письмах друга детства Гёте, Бернарда Креспеля [Schöttker, 2008:146].

Письма составлялись в соответствии со структурно-композиционными и лексико-стилистическими рекомендациями.

Структурную основу «правильного» выстраивания содержания в письме еще в 1742 г. дает Кристиан Ф. Геллерт (1715-1769) в своих «Мыслях о хорошем немецком письме» («Gedanken von einem guten deutschen Briefe»). Одновременно он систематизирует подлежащий подражанию примерный словарный запас, которым должен обладать составитель письма, и образцы правильного синтаксиса, не обращая, однако, особого внимания читателя на эти аспекты. Впервые появляется рекомендация использовать обстоятельство в дательном падеже перед обстоятельством в аккузативе. К.Ф. Геллерт видит в подобной

конструкции бóльшую благозвучность в сравнении с обратным построением [Gellert, 1854: 198-216].

Итак, письмо конца XVIII - начала XIX вв. является публичным достоянием, достоянием общности. Этот статус, занимаемый эпистолярным дискурсом на рубеже веков, ставит вопрос об аутентичности предоставляемого широкому кругу читателей материала. Неслучайно немецкий лингвист Анетт Антон формулирует данную проблематику как «Аутентичность-фикция» (Authentizität als Fiktion), что следует понимать как наличие кризиса в эпистолярном дискурсе на рубеже веков в связи с утратой аутентичности писем. Аутентичность писем исчезает в результате их редактирования третьим лицом, что имеет определенные цели. Так, например, Каролина фон Вольцоген, свояченица великого Фридриха Шиллера, вычеркивала отдельные пассажи и исправляла письма поэта, создавая таким образом «картину характера», которую она хотела видеть у Ф. Шиллера. Редактируя подобным образом частную переписку поэта, К. ф. Вольцоген смогла создать культовую личность, которой буквально поклонялся весь литературный мир Германии вплоть до начала XX в., причем значимость Ф. Шиллера, по мнению общности того времени, многократно превышала даже значимость Й.В. фон Гёте.

По мнению А. Антон, эпистолярный дискурс конца XVIII – начала XIX вв. можно охарактеризовать как «средство PR-технологии». При этом справедливо возникает вопрос, насколько исчерпывающей является подобная характеристика статуса эпистолярного дискурса в данный временной отрезок. Для ответа на подобный вопрос А. Антон предлагает обратиться к «отредактированным» оригиналам писем и воссоздать всю картину переписки. Лишь после этого открывается вторая функция эпистолярного дискурса, которая существует только в данную эпоху: эпистолография выступает как заменитель реальности,

т.е. письмо заменяет несостоявшееся настоящее или неосуществимое будущее – «ein Ersatz für ein nicht-lebbares Leben» [Anton, 1995: 120].

Таким образом, эпистолярный дискурс на рубеже XVIII-XIX вв. рассматривается как «иная, невозможная, неосуществимая жизнь», иначе говоря, основное предназначение эпистолярного дискурса заключается в функции замены реальной жизни на жизнь придуманную. Именно данная функция замены, по мнению исследователей эпистолярного наследия Ф.Шиллера, признается и позиционируется как самая главная [Abels, Bausinger, Behringer et al., 1998: 287].

Можно выделить две ведущие идеи о письме, господствующие в рассматриваемый период времени: 1) письмо как поле взаимодействия литературы и реальности, 2) письмо как воплощение синтеза идеального и реального.

Вследствие этого в начале XIX века появляются так называемые «письма-двойники», которые также подразделяются на две категории:

1) письма, в которых адресат, обозначенный на бумаге, не совпадает с реальным адресатом (письмо родителям, содержание которого в большей степени предназначено дочери/сыну); 2) письма, относящиеся к «сугубо частным» (содержание которых, несмотря на принятое публичное прочтение писем, предназначено исключительно и только для глаз адресата). Именно эти «сугубо частные» письма вступают как фикция на место реальности. Они вовсе не являются некими планами на будущее или эскизами жизненного пути, они скорее становятся ритуальными действиями. Суррогат проживаемой жизни – письмо – считается «более ценным, чем все остальное» («mehr werth als alles übrige», письмо Ф. Шиллера к К. фон Вольцоген от 1 сентября 1789 г.).

Потребность в передаче собственных мыслей, несомненно, следует отнести к числу основных постоянных в человеческой

антропологии. «Лучше плохие новости, чем полное их отсутствие» – так издавна звучит девиз коммуникативного общества. Руководствуясь этим постулатом, на протяжении длительного времени все великие люди доверяли свои мысли письмам. В одном из писем Й.В. Гёте признается, что его желание, «взорвать пирамиду своего бытия» превосходит всё остальное [Buch deutscher Briefe, 1957: 155], а в одном из писем Л. ван Бетховена мы находим его откровение о том, что «нет ничего более возвышенного, чем приблизиться творчеством своим к Божеству и, впитывая в себя лучи Его, распространять их среди рода человеческого» [Beethovens Briefe, 1977: 91]. Художник Франц Марк выносит приговор своему времени, написав в своем письме: «Я не способен превзойти свое несовершенство и несовершенство мира сего, и мне остается лишь перенести суть своего существования в духовное, дабы избавиться и спастись в независимость от смертной оболочки и грязи всего, окружающего меня[...]» [Buch deutscher Briefe, 1957: 229].

Безусловно, все высокие мысли, чувства и высказывания нашли свое выражение в языке, то есть в том, как именно предавались мысли и образы бумаге. Как подчеркивает Б. Беккер-Кантарино, именно эти образцы лексических конструкций и стилистики внесли значительный вклад в становление современного немецкого языка [Becker-Cantarino, 1999: 22].

Итак, письмо в рассмотренный период времени становится литературным жанром, оставаясь составляющей эпистолярного жанра. Следует, однако, уточнить, всегда ли данное определение было применимо к понятию письма. Изначально письмо представляло собой сообщение, выраженное в компактной форме и предназначенное для обмена информацией между людьми [Кнабе, 2006: 502].

Возникает вопрос, где грань между «обычным», как правило, представляемым всеобщему обозрению письмом, и тем, что играет роль фикции реальной жизни. Ответ дан К.Ф. Геллертом в четком

предопределении структуры письма. Современный читатель, ориентируясь на форму письма К.Ф. Геллерта, воспринимает не только структуру, но и содержание письма как выдержанное и связное внутри себя, принимая за аутентичность поэтическую мысль [Gellert, 1854: 221].

Ни один другой вид дискурса, кроме эпистолярного, не предоставляет автору в начале XIX в. настолько многочисленные возможности для поэтизации и фикционализации. Поэтому эпистолярный дискурс, даже читаемый как документ, никогда не может претендовать на полную аутентичность.

1.2.2. Становление эпистолярного дискурса как одной из форм эпистолярного жанра

В процессе своего становления как жанр письмо претерпевало множество изменений, поэтому необходимо рассмотреть наиболее значительные этапы развития письма. К древнейшим письмам, упоминаемым в классической и восточной литературе, принадлежат письмо индийского царя Стратобата к Семирамиде, письмо Давида к Иоаву (письмо Урии), и письмо царя Прэта Аргосского к царю Ликийскому.

Классическая древность отличается уже значительным развитием корреспонденции. Однако, дошедшие до нас греческие письма – это по большей части фальсификации или приписанные выдающимся историческим деятелям риторические рассуждения [Epistolographi graeci, 1965: 479]. От римлян дошли до нас по преимуществу те письма, которые наперед были предназначены для обширного круга читателей; лишь у Цицерона можно найти настоящие частные письма.

Стилистические формы письма были сходны у греков и римлян. Для писем этой эпохи характерно отсутствие подписи; имя пишущего ставилось во главе письма ранее имени получателя. Со временем письмо

претерпевает изменения; исчезает былая классическая простота; частное письмо приблизилось по важности стиля к официальному посланию. Однако, указание места и даты написания письма всегда было обязательным.

В средние века латынь была стандартным языком европейского письма. Монастыри и духовенство вели деятельную переписку; частные лица в деле письменных сообщений также не могли обойтись без их помощи. От этой эпохи сохранились по преимуществу письма духовно-литературного и политико-делового содержания. Форма старого латинского письма окрасилась новыми христианскими формулами.

Лишь в конце средних веков европейские народы начали понемногу применять в переписке и свои национальные наречия. В Германии первая обширная коллекция писем на немецком языке – писем рифмованных – относится к эпохе миннезингеров. Прозаические немецкие письма встречаются, начиная с XIV века – это письма мистиков, показывающие уже значительную свободу в обращении с языком. Медленно обиходная речь входит в употребление в переписке почти исключительно деловой. Немецкое письмо носит еще следы происхождения от латинского письма: адрес, обращение, дата часто написаны по-латыни, хотя текст немецкий. В XV веке латинское письмо становится уже исключением. Письмо в это время начиналось с приветствия или изъявления преданности, затем шло обращение, в конце адресат поручался покровительству Господа, или автор вновь выражал свое почтение. В стиле самого текста также было много схематичного, условного, тяжелого и канцелярского, преобладают конструкции из сверхдлинных сложноподчиненных предложений с условными описаниями и многочисленными повторами. К тому же большинство писем было посвящено делам политическим или торговым; частное дружеское общение выражалось в корреспонденции очень мало.

На пороге новой истории стиль письма становится свободнее, по мере того, как оно теряет свой исключительно деловой характер. Высший момент развития немецкого письма связан в это время с перепиской Лютера, но дальнейшему развитию препятствует возрождение латинского письма, любимого гуманистами; вновь водворяется канцелярский стиль и, несмотря на усиление частной переписки, прежняя простота языка понемногу исчезает. Вытесняется и немецкий язык в практике переписки, так как образованные люди пишут по-латыни, а знатные – по-французски. Родной язык теряет свою значимость и искажается вплоть до того, что даже немецкие письма пишутся на смешанном французско-латинско-немецком наречии, уже тогда возбуждавшем тщетное неодобрение.

На рубеже XVII-XVIII веков чисто «немецкое» письмо исчезает совершенно: французские адрес, обращение и подпись становятся обязательными. Стиль приобретает чрезвычайную напыщенность и уснащается церемонными условностями, множеством бессодержательных извинений, изъявлениями преувеличенной покорности. Исключение представляют лишь немногие авторы, например Валленштейн, Карл Людвиг Пфальцский и особенно женщины, естественность письменного выражения которых была связана с их недостаточным образованием. Особенно выделяются письма Елизаветы-Шарлотты, впоследствии герцогини Орлеанской, впервые вводящие в немецкую переписку простую непринужденную беседу, которая была давно уже обычна во французских письмах.

Письма в эту эпоху в значительной степени заменяли газеты, поэтому считалось необходимым поддерживать как можно более обширную переписку; знатные лица осаждались добровольными корреспондентами, искавшими в такой переписке личную выгоду. Под влиянием развития общения и задававших в данную эпоху моду французов, чрезвычайно увеличилась частная дружеская переписка,

которая в XVIII веке способствовала развитию новых эпистолярных форм (письмо другу, письмо подруге, письмо «родственной душе») – своего рода соревнования в переписке.

К концу века меняется сама форма письма: дата ставится в начале, а приветствие – в конце; препоручение Господнему покровительству сменяется комплиментами; изменяется к лучшему и стиль. Его естественность проявляется вполне отчетливо в труде Кристиана Геллерта, выступившего в 1751 г. со сборником своих писем, которому он предпослал «Практический трактат о хорошем вкусе в письме» («Praktische Abhandlung von dem guten Geschmacke im Briefe») [Gellert, 1853: 245], где он настаивает на простоте эпистолярного стиля; его письма сделались образцом для образованной публики. Теоретиком в области составления письма явился также Иоганн Кристоф Штокгаузен с его «Основными положениями благоустроенных писем» («Grundsätze wohleingerichteter Briefe») [Stockhausen, 1751]. Несмотря на это, высшие круги общества продолжали переписываться по-французски, и французские адреса еще долго сохранялись у представителей Германии, в то время как латинская переписка ученых почти вышла из употребления.

Новый этап развития немецкого письма обозначил период «бури и натиска» с его стремлением провести принцип естественности во всей его полноте. Сентиментальность стала характерным элементом тона и содержания письма, которое должно было явиться полным выражением индивидуальной жизни сердца (прекрасными образцами эпистолярного дискурса данной эпохи являются письма Г.Э. Лессинга, Ф. Шиллера, И.В. Гёте). Идеалы данного периода сохранились в эпистолярном жанре дольше, чем во взглядах общественности, и со временем переняли черты сентиментализма, сохранив принцип индивидуальности. Данный период (последняя четверть XVIII – первая четверть XIX веков) внес наиболее характерные изменения в жанр

письма, вводя конкретные рекомендации к его составлению, что обусловило его выделение как таковое.

1.2.3. Правила составления письма. Письмовники

В своем письмовнике «Gedanken von einem guten deutschen Briefe» 1742 года Кристиан Геллерт впервые рассматривает возможность научного в современном ему понимании подхода к составлению письма. В главе «Diktum» Геллерт ставит вопрос «как?» и проводит аналогию между разговором и письмом, ссылаясь на античное определение письма как «sermo absentis ad absentem», т.е. «разговор между пространственно разделенными» [Der Brief: Eine Geschichte der schriftlichen Kommunikation, 1998: 27; Gellert, 1854: 189].

«Риторическое» обучение античного гражданина ораторскому искусству с самого начала охватывало упражнения в «стиле письма» («Briefstil») в школах Грамматиков, и ориентировалось на требования Аристотеля выразиться ясно, просто и коротко, которые сформулированы им как ответ на вопрос о правильном составлении письма [Der Brief: Eine Geschichte der schriftlichen Kommunikation, 1998: 13-14].

Педагогическая концепция античных учителей (побуждение учащихся к подражанию ставших уже «каноническими» письмам поэтов) передавалась из поколения в поколение и привела к наличию множества различных собраний примеров или книг о формах и принципах верного составления письма, содержащих различные образцы, сформированные специально с целью обучения правильному составлению письма. Наиболее значительным компендиумом подобного рода следует признать сборник официальных посланий Кассидра (538 г.). Однако, когда во времена раннего средневековья значение правосудия, также как и объем передачи информации между духовными канцеляриями, возросли, книги о верных формах и принципах

составлении письма (Formelbücher) оказались недостаточными. Появилось желание не просто копировать заданные схемы, но и путем варьирования имеющихся установленных правил соответствовать меняющимся требованиям современности [Der Brief: Eine Geschichte der schriftlichen Kommunikation, 1998: 27-28].

Распространение грамотности, значительно отражающее распространение литературного образования, обуславливает появление особых сборников образцов эпистолярного стиля, так называемых письмовников¹. В них не было нужды, когда умение писать было достоянием немногих образованных людей (в средние века письма писали по заказу монахи). Для того чтобы написать письмо, считалась недостаточной простая грамотность: письмо имело свой стиль, свои формы, вне которых пишущий произвел бы впечатление невежды; содержание также бывало шаблонно. Естественным, поэтому, стало появление руководств и сборников образцов.

Уже в древности были некие «прототипы» сборников и теории эпистолярной формы. В раннем средневековье также можно указать на ряд сборников, формул, по преимуществу историко-юридического содержания.

Изначально «издатели» сопровождали публикации своих сборников писем небольшими пояснениями и комментариями, пока в 1078 году Альберих Монте Кассино не составил первый настоящий так называемый письмовник, т.е. теоретическую работу о правильном составлении и написании письма.

В его «ars dictandi» или «ars dictaminis», как еще принято называть искусство эпистолярного жанра, особое внимание уделяется сложнейшим формам обращения к адресату, так что «salutatio», начало «эпистола», занимает в его пятичастной схеме письма весьма

¹ Письмовник - книга, содержащая руководство по написанию писем и практические примеры правильно составленных писем. Разновидность текста, ставшая особо популярной в Германии XVI-XVIII вв.

значительное место [Der Brief: Eine Geschichte der schriftlichen Kommunikation, 1998: 27].

После публикации письмовника Монте Кассино письмовники долгое время не претерпевали значительных изменений, которые заключались, как правило, в присоединении все бóльшего количества писем-образцов. Теоретическая часть как основная составляющая оставалась прежней, письмо должно было состоять из пяти частей: *salutatio*, *exordium*, *narratio*, *petitio* и *conclusio*. Необходимо отметить, что данная структура относилась к частному письму, деловому письму и официальному документу вплоть до XV века. Составители письмовников за редким исключением (например, письмовник любовных посланий ритора Бонкомпаньо (1165-1240) /*Boncompagno*/) обращаются к вопросам стиля и структуры как к дифференциации уровней содержания и обоснованию причины написания писем, не проводя дифференциацию между личной корреспонденцией, имеющей свои особенности и отличия, и официальной перепиской [Der Brief: Eine Geschichte der schriftlichen Kommunikation, 1998: 28].

Основной задачей составителя письма было достижение как можно бóльшего сходства написанного письма с латинским языком писем-образцов вне зависимости от цели и задачи самого письма. Так родилось понятие «канцелярского стиля» («*Kanzleistol*») как обозначение эпистолярного дискурса периода XIII-XV вв. и до сегодняшнего дня сохранилось как обозначение сложного для понимания стиля написания делового/официального письма.

Примерно на рубеже XVII-XVIII веков понятие «письмовник» обретает свое значение «*Liber epistolaris*», руководства к написанию писем, – значение, которым обладает и в наши дни. По не совсем единогласному мнению специалистов [Der Brief: Eine Geschichte der schriftlichen Kommunikation, 1998: 44-45], Август Бозе под псевдонимом «Таландер» употребляет впервые понятие письмовника в

оглавлении своего труда «Всегда готовый письмовник» («Allzeitfertiger Briefsteller»; 1690), извещая о создании свода правил в учении о написании письма. До того под «письмовником» в немецком языке понимался составитель, то есть автор письма.

Несмотря на эти «реформаторские» начинания, развитие учения письмовников характеризовалось стагнацией вплоть до середины века, так как отдельно взятые письмовники, содержащие прогрессивные идеи, не обретали широкой известности. Традиция средневековых норм написания писем еще настолько всевластна, что производятся только «косметические» изменения и исправления неподвижного свода правил, но не происходит основополагающих изменений в базовых критериях последовательности изложения текста и стиля. В практике письма, однако, реформы предшествуют теоретическим положениям. Например, Луиза Кульмус, позднее жена лейпцигского литературного критика Йоганна Кристофа Гольдшеда, возмущаясь догматической постановкой вопроса во всех современных ей письмовниках, пишет: «Письма Нойкирха не тот пример, основываясь на котором я хочу образовываться», так как они «гласят лишь об умерших, да об отсутствующих» [Der Brief: Eine Geschichte der schriftlichen Kommunikation, 1998: 45].

1.2.4. Развитие эпистолярного дискурса в Германии

С проникновением родного немецкого языка в сферы официального общения в Германии возникла необходимость обеспечения развивающегося канцелярского аппарата квалифицированными рабочими кадрами, так как переписка велась еще на высоконаучном латинском языке. Лишь в XIV-XVI в. началось распространение так называемых «Formulare und tätsch rhetorica», образцов написания писем на немецком языке (как почти дословные переводы латинских письмовников). Вплоть до конца XVI века

письмовник Августа Зорге (1483 г.) «*formulari darinne begriffen sind allerhand brieff auch rethorick*» считался основной директивой по написанию любого письма. Он, как и многие его современники-коллеги, обращал особое внимание на необходимость «короткими, ясными, четкими и приличными выражениями, так что не праздными или лишними, а упорядоченными и полезными делу словами рассеивать негодование [...]. Лишние, хитроумные слова же служат только ссоре или в наименьшей степени убавят отвращение, скорее наоборот...» («*kurtz/ klar/ deutlich vnd mit glimpff aussdrücke/ also/ das kein müssig odder vberflüssig/ sonder recht geordnete vnd zur Sachen dienstliche wort die vnwillen vertreiben [...] mögen [...]. Die vberflüssigen/ spitzfündigen wort/ so zu zancke dienen odder zum wenigsten widderwillen nicht dempffen/ weit hindan gesatz...*») [Nikisch, 1969: 20], т.е. речь шла об упорядочении стилистических образцов и целенаправленной лексической дифференциации. Иначе говоря, формальный, соответствующий деловому поводу стиль остается основным требованием, разговорные обороты нежелательны.

Частной корреспонденции в Германии почти не уделяется внимания, несмотря на то, что «новолатинским» письмам ученых гуманистов и французскому обороту писем с личным и также интимным содержанием в Европе XVI-XVII вв. параллельно существует высокоразвитая культура непубличной эпистолографии. Гуманисты (Эразм Роттердамский, Генрих Бебель) также уделяли внимание теории письма. Из немецких письмовников в XVI в. наиболее значительны аугсбургские «*Formulari*» [Nikisch, 1991: 78].

В XVII в. канцелярский элемент уступает место литературному; в большом употреблении находится «*Der Teutsche Secretarius*» Георга Филиппа Гарсдерфера и «*Teutsche Secretariatkunst*».

Представления о «подобном» стиле письма диктовались, в первую очередь, не вопросом о содержании, а вопросом об обращении к

адресату, которое в обязательном порядке должно было соответствовать уровню социального статуса и положению в обществе как «пишущего» так и «читающего» письмо. При этом использовались длинные, преданно-покорные и льстивые обороты и описания титуларий, к которым был вынужден прибегать, к примеру, нижестоящий «пишущий», обращаясь письменно к вышестоящим инстанциям.

Вопросы языкового этикета и поведения, соответствующего собственному статусу и ситуации, а также правильной оценке собственного положения в обществе в контексте вышеупомянутого «приветствия» («salutatio»), занимали значительную часть в письмовниках, косвенно влияя на восприятие письма адресатом на воспитательном и социальном уровне; письмовники обучали, как следует обращаться к тому или иному человеку, и напоминали о необходимости придерживаться поведения, положенного представителю того слоя общества, к которому адресат принадлежал.

Строгий, формальный канцелярский стиль был в немецкоязычной среде фундаментально изменен в стилистическом и содержательном аспектах в XVII-XVIII веке, как уже упоминалась ранее. Этот процесс весьма тесно связан с общественно-социальным развитием данной эпохи. Сильно было и влияние французской манеры письма.

Происходившие в этот период времени культурные и поэтологические изменения не могли не отразиться в письмах современников, являвшихся некими «чувствительными сейсмографами» для изменений в способах и образе коммуникации человека с человеком и, в особенности, в стиле обмена информацией. Хотя в течение всего XVII века рекомендовался так называемый грациозно-придворный («zierlich-höfisch») стиль, он пока лишь служил более приятному оформлению и варьированию все еще канонически пятичастного,

схематичного и натянуто-неестественного канцелярского стиля, избыливающего перфектной формой пассива [Nikisch, 1991: 75].

Только в 80-х годах XVII века Кристиан Вайзе заменяет пятичастную, строго регламентирующую ход мыслей схему построения письма эпохи барокко трехчастной «Криа» («Chria»), которая больше ориентировалась на аргументативные потребности, нежели на давление и обязательства положения, занимаемого в обществе, иначе говоря – на проблему «как и что сказать?», а не «кто говорит?» [Weise, 1691: 115 et seq.].

Рекомендации Аристотеля, касающиеся простоты, четкости/недвусмысленности и краткости изложения, обретают новую значимость, но еще сохраняется необходимость использования изящно-придворного, шуточно-порицательного стиля рубежа XVII-XVIII веков [Der Brief: Eine Geschichte der schriftlichen Kommunikation, 1998: 31]. Подобный стиль продолжает доминировать в деловой и государственной (политической), а также в возрастающей по объему частной (как правило – весьма личного содержания) переписке и характеризуется сверхдлинными сложноподчиненными предложениями и грамматической формой сослагательного наклонения в настоящем времени.

1.3. Практика письма и теория эпистографии К.Ф. Геллерта

Роль мыслителя, философа и ученого Кристиана Фюрхтеготта Геллерта (1715-1769) в становлении эпистолярного дискурса в немецком языке настолько значительна, что следует подробнее остановиться на основных положениях его учения о письме. К. Геллерт первым выступил против устаревающих письмовников, составленных по риторическому и схематично-ученому типу; систематизировал

наметившиеся изменения в составлении писем, осуществил реформаторскую деятельность в этой области.

1.3.1. Начало новой культуры письма

Ученые рассматривают К.Ф. Геллерта как основоположника «немецкоязычной культуры письма» [Cramer, 2011: 3 et seq.; Wiese, 1977: 71 et seq.; Haferkorn, 1974: 46 et seq.]. Войдя в историю Германии как «учитель и пример праведности» [Schulz, 1784: 117 et seq.], он создал для лингвистов бесценный труд – первый письмовник на немецком языке для немецкоязычного эпистолярного дискурса. Это происходит в эпоху, которая, взаимосвязана с социокультурными и историческими событиями и формированием немецкого национального самосознания, а также обнаружением так называемой «духовной жизни» [Obermeit, 1987: 28 et seq.] и ее литературного осмысления, что определяет ценность его лингвокультурологического вклада в развитие эпистолографии в Германии. С учетом концепции Обермайта, а также благодаря реформе письмовников Геллерта, в лингвистических исследованиях приобретает значение литературно-исторический аспект, в силу своей культурной и социокультурной значимости выходя за рамки чисто языкового явления [Obermeit, 1987: 30].

Основы реформы закладываются в двух трудах: сочинении «Мысли о хорошем немецком письме» («Gedanken von einem guten deutschen Briefe», 1742 г.) и трактате «Письма, помимо практических разработок о хорошем вкусе в письмах» («Briefe, nebst einer praktischen Abhandlung von dem guten Geschmacke in Briefen», 1751 г.). Суть реформы в стилистическом ее значении – переход от канцелярского, условно-церемониального стиля к свободному, естественному, дружескому, к некоей беседе на расстоянии. О том, насколько рассуждения К.Ф. Геллерта стали *consensus omnium*, догматичными и

определяющими для последующих поколений, свидетельствуют, к примеру, два определения понятия «письмо» из справочной литературы до и после публикации трудов К.Ф. Геллерта:

1. «Универсальный лексикон» Цедлера (1733 г.): Письмо (...) является коротким, удачно составленным и о различных делах гласящим изречением, которое пересылается запечатанным, если нет возможности устного общения. Как надлежит составлять письма, следует изучать путем обращения к урокам по написанию писем, которых на языках латинском и греческом имеется множество(...) [Zedler, 1733: 695].

В таком изложении письмо лишь «удачно составленное изречение», для написания которого нужно обращаться к издавна известным схемам, риторическим правилам и образцам. Сравним данное определение с определением из известного лексикона Брокхауса (Brockhaus) 1827 г., опубликованным спустя более 75 лет после реформы письма К.Ф. Геллерта:

2. «Универсальный лексикон» Брокхауса: Письмо (...) заменяет беседу. В связи с тем, что письмо должно занять место устного сообщения, оно по легкости и естественности ему ближе, чем письменное описание и должно обладать хотя бы кажущейся неподготовленностью (речи – прим. Л.А.). Но так как оно все же отражено в письменном виде, имеется необходимость передачи акцентов, которые в устной беседе отражают тон и жесты, в соответствии и настойчивости выражений, а также через последовательность и связность мыслей. Легкость и естественность в письме, таким образом, состоит в простом и беглом изложении мысли (...) [Brockhaus, 2003: 394].

Со времен публикации трудов К.Ф. Геллерта прошло достаточно много времени, тем не менее, при написании писем отчетливо прослеживается полное соответствие его реформе. К.Ф. Геллерт в своих рекомендациях по написанию письма ориентируется на устный разговор, который не знает четко установленных формул и возникает вследствие какого-либо события, создавшейся ситуации, находя (или создавая), таким образом, каждый раз все новые, иногда даже весьма неуклюжие и неумелые словосочетания: «Если кто-либо думает, что для доверительных, любовных, галантных, смешных, угрюмых, деловых, экономических, моральных, политических, ученых, смешанных писем и для комплиментно-дружеских писем-ответов необходимы новые искусные приемы, то по праву сочтет даже это предложение неправильным» («Wer da glaubt, es gehören zu vertraulichen, verliebten, galanten, lustigen, verdrießlichen, geschäftlichen, öconomischen, moralischen, politischen, gelehrten, vermischten Briefen, und Compliment-Insinuations-Freundschafts-Antwortschreiben neue Kunstgriffe, der wird mit Recht meinen Satz für falsch halten»), пишет он в своих «Мыслях о хорошем немецком письме» [Gellert, 1854: 561]. По его мнению, письмо должно быть «подобием разговора» – так в письменную речь входит непредсказуемость устного разговора и личное выражение мыслей в письменной форме – уникальность индивидуального опыта [Gellert, 1854: 562].

Как сам человек не должен был больше изображать роль в соответствии со своим социальным положением или в соответствии с общественно регламентируемой ситуацией, так и его письмо не должно было более представлять собой официальный документ. Как отмечает К.Ф. Геллерт, именно «устность» делает составление писем искусством. Автор письма попадает в непростое положение – он вынужден спонтанно выражаться, но в письменной форме, и к тому же, избегая всяческую «пустоту, невежливость, сплетни и болтовню» [Gellert, 1854:

563]. Письменная речь более не имитирует «блистательную и роскошную речь при дворе, которая облачается в одеяния риторических украшений», но также она и не отображает полностью устную речь будней того времени; «устность» - скорее ее стиль [Gellert, 1854: 564-565].

Таким образом, письмо становится литературным жанром, который и воздействует на человеческие взаимоотношения.

1.3.2. Научная оценка теории эпистографии К.Ф. Геллерта

Теория письма К.Ф. Геллерта является основой исследований в области эпистографии. Существует две разнополярные позиции: Первая понимает «теорию письма» ученого как синоним «учения о письме» или «учении о составлении письма» (Brieflehre, Briefschreiblehre) [Gellert, 1854: 19 et seq.], а вторая – более новая – рассматривает «теорию письма» как литературно- и коммуникативно-научное стремление исследовать, постигнуть и описать сущность, структуру, функции и прочие составляющие феномена «письмо» [Nikisch, 1969: 76]. Второе направление является чрезвычайно спорным, по мнению исследователя эпистографии Бюргеля, который, тем не менее, относит себя именно к его сторонникам [Bürgel, 1976: 282].

В последние десятилетия учению К.Ф. Геллерта уделяется вновь много внимания. В 1983 г. публикуется новое издание его трудов, оснащенное предисловием и критическим разбором, составленным кружком ученых Аахенского университета; в 1990 г. выходит в свет диссертация А. Геркен «Лингвотеоретические разногласия Геллерта и Готшеда», где теории ученого придается особое значение, определяющее всю дальнейшую культуру письма [Gerken, 1990]. В 1991 г. состоялся Первый Коллоквиум имени К.Ф. Геллерта, продолжающий свою работу по настоящее время. В 2010 г. в рамках очередного Коллоквиума состоялась научная дискуссия, приведшая к исследованию

Фридриха Коха «Кристиан Геллерт – поэт, педагог и лингвист», где автор доказывает, что в любом письме современности можно найти все «составляющие хорошего письма», о которых пишет К.Ф. Геллерт в своих трудах [Koch, 1992].

Научное направление, занимающееся изучением теории письма К.Ф. Геллерта, имеет долгую традицию, стилистически и жанрово окрашенную. Г. Штайнхаузен [Steinhausen, 1889: 250-251], например, осуществляет противопоставление учения К. Геллерта специфике письма XVII века, его идеала «естественности» так называемой «искусственности» эпохи барокко. Специалист по теории письма К.Ф. Геллерта В. Айерманн подробно останавливается на развитии теории письма, вершиной которого и является теория К.Ф. Геллерта, подчеркивая, что наличие единых структур в немецком языке является, в первую очередь, заслугой К. Геллерта. Он отмечает и тот факт, что К. Геллерту не удалось в своих письмах-примерах, содержащихся в Приложении, полностью воплотить собственные рекомендации. «[...] ни о чем, или о незначительном говорить в прекрасных словах» слишком много, от этого «естественность страдает», «теряет самого себя» и мнимый автор письма [Eiermann, 1912: 154].

Пропагандируемые К.Ф. Геллертом правила закладывались в развитие эпистолярного дискурса и до публикации его трудов. Однако его труды завершили переход от «старых» (краткость, порядок, недвусмысленность, общепринятость) к «новым» (естественность, живость, индивидуальность) основополагающим принципам написания письма. В. Барнер обращает внимание на то, что К.Ф. Геллерт не является сторонником анархии в написании письма. Его цель не порвать с традициями прошлого, а усовершенствовать их и вывести в русло современности. Принцип умения выражаться красноречиво («Wohlredenheit») [Gellert, 1854: 568] выходит на первый план. Если раньше письма играли роль лишь сообщения на расстоянии, то сейчас

представители буржуазии читают друг другу письма вслух в салоне, неконтролируемый разговор сменяется искусством красноречия. К.Ф. Геллерт отмечал, кто хочет писать письма, не смеет писать так, как каждый бы в обыденной жизни выразался, а должен складывать свой слог как человек, в совершенстве владеющий искусством красноречия, выразался бы в общении без какого-либо стеснения, который говорил бы красиво, но без того, чтобы его выражения настолько отдалялись бы от выражений других, чтобы разница была заметна слуху... («Wer Briefe schön schreiben will, muß nicht so wohl schreiben, wie ein jeder im gemeinen Leben reden, sondern wie eine Person im Umgange ohne Zwang sprechen würde, welche die Wohlredenheit völlig in ihrer Gewalt hätte, welche schön redete, ohne daß die Ausdrücke sich von den Ausdrücken Andrer so weit entfernten, daß der Unterschied dem Ohre gleich merklich würde») [Gellert, 1854: 569].

В приближении письменной речи к устной и заключается естественность стиля. Природа и естественность – ведущие понятия XVIII века, которые могли вбирать в себя любые нюансы как смыслового, так и содержательного характера.

К. Ф. Геллерт определяет естественность письма соответствием мысли и ее выражения: «Основное понятие естественности – полное соответствие предмета и представления о нем, представления о нем и слов для его выражения. Естественность нельзя искать лишь в словах и отдельно взятых мыслях письма, ее нужно искать в едином целом, в связях мыслей друг с другом» («Der Hauptbegriff von dem Natürlichen ist, daß sich die Vorstellungen genau zur Sache, und die Worte genau zu den Vorstellungen schicken müssen. Man muß endlich das Natürliche nicht bloß in den Worten und in den einzelnen Gedanken eines Briefs, sondern in dem Ganzen, in dem Zusammenhange der Gedanken unter einander, suchen») [Gellert, 1854: 571]. Неопределенность понятия «естественности», в особенности, если речь идет о его сведении к признаку литературного

жанра, заставляет К. Геллерта говорить в метафорах. Он сравнивает красоту хорошего письма с лицом, которое нас может «нежно заинтересовать и надолго тронуть», даже если оно на первый взгляд и не красивое вовсе. Мысли в письме должны нравиться за счет «немного невинного или лукавого, чистосердечного, смущенного, веселого и немного небрежного их выражения» [Gellert, 1854: 573].

1.3.3. Жанр письма и письмовники в XIX-XX в.

Дальнейшему развитию письмовников в XIX-XX веках суждена участь тривиализации, несмотря на возрастающий объем все вновь и вновь – до пятидесяти раз – переиздаваемых компедий. Так, «Универсальный письмовник» О.Ф. Раммлера 1834 г. не только передает лишь хорошо знакомые правила стиля как порядок, четкость, краткость и естественность, но и рекомендует кроме того античную пятичастную схему организации построения письма [Rammler, 1834: 4 et seq.]. Также он расширяет область задач письмовников на зону сохранения норм языка, но не в смысле образованности вкуса и «красивого» языка, как в XVIII веке, а в смысле иллюстрации корректного использования грамматики, пунктуации и орфографии. Письма-примеры содержат всевозможные поводы написания письма в повседневной жизни и изображают фиктивных партнеров по коммуникации – таким образом, имплицитно устанавливаются и нормы буржуазных правил хорошего тона.

Однако, уже в XIX веке особенно в области письмовников для писем романтического содержания данная проблема приобретает весомость: искать для выражения самых сокровенных чувств совет в общественно доступном теоретическом труде, противоречит изначальному требованию о «естественности» содержания письма [Nikisch, 1991: 97-98]. Это обстоятельство, возможно, является одной из причин, по которой число писем-примеров в письмовниках (причем,

еще начиная с конца XVIII века) с так называемым конвенциональным содержанием (письма-поздравления, - благодарности, - соболезнования) превалируют в письмовниках, в то время как «романтические» письмовники теряют свою значимость и популярность.

Значение реформы К.Ф. Геллерта в написании писем настолько велико, что ей руководствуются и последующие поколения. Так, лирический тон прозы, избираемый молодым Эдуардом Мёрике в письме своему другу Вильгельму Ваибингеру, немыслим без введенной К.Ф. Геллертом в начале XVIII века реформы письма. Скромность общей обстановки, внимание к незначительным деталям как климатические условия и собственное настроение, тоска по другу – все это мимолетные мелочи будней, которые до того момента могли появляться в коммуникации между людьми исключительно в устной форме. Лишь К.Ф. Геллерт признает за ними право быть письменно зафиксированными в письме. Становится очевидным влияние реформы К.Ф. Геллерта на литературу, когда, внимательно вчитываясь в строки письма, можно узнать в нем тот язык и тон, который характерен для стихотворений Мёрике, вернее – найти в них его способ выражения мыслей в письме [Der Brief: Eine Geschichte der schriftlichen Kommunikation, 1998: 37].

«Дорогой верный друг. Вновь я ранним утром в деревенском домике – все свои окна я оставляю открытыми, чтобы уютно вслушиваться в свежий дождь, который все более отчетливо капает на мои деревья. Мы знаем друг друга даже в отношении погодных пристрастий – как хороших, так и плохих, не так ли [...] Таким образом наша сущность, кажется, получает уверенное и спокойное настроение, и сама жизнь становится, подобно этой зелени гор и деревьев на этом нежном, пепельно-сером фоне, воистину достойной внимания. Наше внутреннее я чувствует себя надежно укрытым от всех бед... » (Lieber Getreuer. Wieder bin ich im Waldhäusli *am frühen Morgen* - alle meine

Fenster laß ich offen, damit ich dem frischen Regen, der immer kernhafter auf meine Bäume tröpfelt, fein behaglich zuhören kann. Nicht wahr, wir kennen uns sogar bis auf den Punkt von der Witterung - von der guten, wie v. der bößen [...]. Dadurch gewissermaßen scheint unser eigenes Wesen dann einen bestimmten, geruhigen Charakter zu bekommen, *das Leben selber scheint, wie das Grün von Bergen u. Bäumen* auf diesem sanften aschgrauen Grund erst recht betrachtenswerth. *Unser Innerliches fühlt sich sonderbar geborgen* (курсив наш – Л.А.) [...] [Der Brief: Eine Geschichte der schriftlichen Kommunikation, 1998: 38]). После обращения к адресату следует неформальное описание обстановки, окружающей автора письма. Отсутствуют формулировки вежливости, по сравнению с канцелярским стилем предложение можно назвать коротким, основное предложение прослеживается с первого чтения, конъюнктив в форме будущего времени отсутствует, модальные глаголы используются только в настоящем времени. Упоминается время суток – нововведение К. Геллерта, способствующее «искусственной естественности», помогающее читающему мысленно воспроизвести обстановку, в которой писалось письмо. После описания обстановки следует размышление о человеческой сущности, где имеются метафорические формулировки – до реформы К. Геллерта немислимое нарушение правил хорошего тона. Также имеется упоминание о чувствах, которое до К. Геллерта в письме, не являющемся любовным, было фактически запрещено.

Однако, есть примеры эпистолярных текстов, авторы которых, несмотря на свое знание о последующей публикации писем, или, возможно, благодаря этому знанию, не позволяли этому фактору влиять на содержание. Так, уже Цицерон, к примеру, считал опубликование своей переписки вероятной и весьма желательной, иначе он бы не составлял архив своих писем, но эти перспективы не помешали ему полностью отдаваться составлению именно писем, а не наставлений для

последующих поколений [Klausk, 2008: 3]. Его отношение к адресату всегда очевидно, а содержание их – непринужденно и одновременно полностью соответствует принятым тогда нормам. Таким образом, эпистолярный текст и эпистолярный дискурс в целом представляют особую форму коммуникативно-речевой практики.

1.4. Функциональные проявления эпистолярного дискурса как специфичной формы коммуникативно-речевой практики и их соотношение с теорией К. Ф. Геллерта

1.4.1. Функциональная специфика эпистолярного дискурса

Современные ученые большое внимание уделяют функциональной специфике дискурса, в том числе, эпистолярного дискурса. Так, выделение функций, выполняемых конкретным типом дискурса, позволяет более четко осветить его специфические особенности и создать целостное представление о дискурсе как особой форме коммуникативно-речевой практики [Курьянович, 2009: 146]. Эпистолярный дискурс понимается как одна из форм реализации сферы межличностного общения, выполняющая ряд важных функций, а функция – «роль в реализации целей и задач общения и других экстралингвистических стилеобразующих факторов той или иной речевой разновидности, ее назначения в социуме» [Данилевская, 2003: 402]. Следовательно, для определения стилевых функций необходим учет широкого социокультурного контекста. Вопрос о стилевых функциях уже рассматривался учеными Пражского лингвистического кружка, а также в работе В.В. Виноградова 1963 года [Виноградов, 1963:61 et seq.].

В связи с тем, что варианты реализации эпистолярным дискурсом своих функций комплексно не анализируются, и работ, посвященных данной тематике, на сегодняшний день не существует, целесообразно

обратить внимание на типы и способы реализации функций эпистолярного дискурса в эпистолографии XVIII-XIX вв.

Ключевую позицию среди функций эпистолярного дискурса занимает коммуникативная, так как именно коммуникативная задача как главный фактор побуждения к созданию дискурса обуславливает его существование. Конечная цель данной функции заключается в создании контакта между адресатом и адресантом для передачи сообщения и разного рода воздействия составителем письма на адресата. Особенностью коммуникативной функции эпистолярного дискурса является ее опосредованность. Осуществление данной функции происходит а) с временной задержкой и б) при воздействии пространственного разделения. По мнению Н. И. Белуновой, в структуре эпистолярных текстов коммуникативная функция реализуется в категории речевого общения – «эксплицированной категории текста дружеского письма», понимаемой в качестве «вербального письменного опосредованного межличностного коммуникативного процесса (обмена информацией)» [Белунова, 1998: 80].

Отметим, что исключительное значение коммуникативной функции для эпистолярного дискурса выражается, по мнению А.В. Курьяновича, в том, что данная функция, по сути – «исходная», поскольку все остальные функции могут реализовываться «только в акте коммуникации как отдельные его характеристики, доминирующие или периферийные для него» [Курьянович, 2009: 147]. А. В. Курьянович считает, что эпистолярный дискурс обнаруживает потенциальные возможности к реализации следующих частных функций: информативной, референциальной, когнитивной, воздействующей, эмоционально-оценочной, экспрессивной, метаязыковой, кумулятивно-трансляционной, фатической, этикетно-ритуальной, императивной, художественно-эстетической, функции самопрезентации [Курьянович, 2009].

Рассмотрим, насколько данное утверждение согласуется с тезисами К.Ф. Геллерта и, следовательно, с эпистолографией XVIII-XIX веков. Информативная функция эпистолярного дискурса состоит, собственно, в передаче сообщения, констатации фактов. К.Ф. Геллерт пишет о необходимости сообщения в письме в бóльшей степени мыслей о мироощущении, чем событий или фактов. «Событие не должно служить единственным поводом составления письма» («Ein Ereignis darf nicht alleyn zum verfassen eynes Briefes führen können») [Gellert, 1854: 602]. Коммуникативная задача эпистолярного текста, естественно, обуславливает характеристики его содержания, динамику, пространственно-временную характеристику, фабульность; среди лингвистических характеристик – выбор конкретной лексики с собственно номинативным значением. Если информативная функция, по теории К.Ф. Геллерта, вторична, то она не может выступать в роли коммуникативной задачи письма XVIII-XIX вв. Тогда встает вопрос о специфике информативной функции эпистолярного дискурса. Специфика передачи информации от автора к адресату в его рамках заключается в бóльшей, чем в других сферах коммуникации, обусловленности этой информации личностным фактором. Так, осуществляется в определенной степени закономерная ориентация автора на собеседника – его интеллектуальный и духовный уровень, кругозор, актуальные темы. С другой стороны, происходит авторская «обработка» информации. Адресант пропускает весь материал через призму собственного восприятия, осуществляя его отбор в соответствии с системой своих ценностных параметров. В эпистолярной, таким образом, не существует четкого соотношения между объективными и субъективными смыслами содержащейся информации, что отражается на уровне лексических форм презентации авторской установки в виде использования «прагматически заряженных» лексических единиц,

становящихся языковыми маркерами авторского целеполагания информативного свойства [Курьянович, 2009: 147-148].

Референциальная функция выражается в способности эпистолярного дискурса обозначать ситуации или объекты реального мира. Но если, согласно теории К.Ф. Геллерта, реальный мир не занимает центральную позицию для составителя письма, то эта функция автоматически становится вторичной, тем более, что для него еще не существует выделяемой Н.А. Ковалевой второй разновидности эпистолярного текста – *литературного эпистолярия (квазиписьма)* [Ковалева, 2001: 176]. Однако, сомнения в предметной соотнесенности письма с действительностью не может быть, так как наблюдается прямое соприкосновение с принципом «естественности», которая может быть только «последствием восприятия действительности» («[...] Folge des Daseinsempfindens») [Gellert, 1854: 614], в то время как в «квазиписьме», представляющем собой «литературный факт» наблюдается нереферентное употребление имени. Оно создается «виртуальным миром художественного освещения события и обладает неопределенностью адресата, как и любое литературно-художественное произведение» [Ковалева, 2001: 177], поэтому для нашего исследования нерелевантно.

А.В. Курьянович, ссылаясь на А.С. ван Дейка и Е.С. Кубрякову, утверждает, что «письменная эпистолярная речь также является особой формой порождения и обозначения мысли, вербализованной версией ментального представления события, языковой формой концептуализации знаний о мире» [Курьянович, 2009: 147]. В этом состоит когнитивная функция эпистолярного дискурса. А.В. Курьянович подчеркивает, что проблеме речевого мышления и ее исследованию посветил свои труды Л. С. Выготский, обнаружив феномен внутренней речи, и упоминает и том, что, согласно Л.С. Выготскому, внутренняя речь обуславливает связь письменного текста с

действительностью [Курьянович, 2009: 147]. Таким образом, можно сделать вывод, что внутренняя речь как сложный мыслительный и психо-речевой комплекс отражает специфику индивидуального мировосприятия (Weltbild), становясь «одним из ключевых средств создания когнитивного пространства в сфере эпистолярной коммуникации» [Курьянович, 2006: 92].

В теории письма К.Ф. Геллерта большую роль играет причина написания письма, побуждение к написанию, цель составителя письма. Несомненно, адресант должен иметь цель воздействовать на адресата, в этом заключается одно из отличий от предыдущего, «канцелярского» стиля, где основная цель – передача информации. Для письма XVIII-XIX вв. волюнтаристическое целеполагание – это влияние/изменение картины мира («Weltbild») адресата, манипуляции над его сознательными и поведенческими установками («Bewusstseins- und Verhaltensgrundfeste») [Gellert, 1854: 704 et seq.], изъявление адресантом собственной воли и ее сообщение с однозначным намерением навязать ее адресату – становится первичным.

Существует множество факторов, обуславливающих эмоционально-оценочную и экспрессивную функции эпистолярного дискурса: это, прежде всего, коммуникативная роль и статус участников коммуникации, их возраст, степень знакомства друг с другом и другие. Коммуникативная цель автора в подобной ситуации – соотнести информацию с собственной шкалой ценностей, норм и принципов морали [Баранов, 1988: 49], оценивая сообщаемую информацию и обозначая свои индивидуальные эмоционально-экспрессивные акценты в создаваемом эпистолярном тексте.

Метаязыковая функция эпистолярного дискурса проявляется в его свойстве служить средством исследования и описания языка в терминах самого языка. Она отражает работу языкового сознания участников эпистолярной коммуникации. В метаязыковых

комментариях говорящие могут оценивать слово или его уместность в речи, мотивировать свой выбор решения, подчеркивать индивидуальные оттенки и акценты смысла [Курьянович, 2009: 148].

1.4.2. Значимость культурологических особенностей в языке эпистографии

Культурологические особенности («Kulturalität») относительно недавно начали играть некую роль в дискурсивной лингвистике и считаться одним из базовых признаков дискурса. Так, в малой энциклопедии немецкого языка (Kleine Enzyklopädie. Deutsche Sprache) 2001 года издания, понятие «Kulturalität» приводится в одном списке с «традиционными» дискурсообразующими факторами. По мнению специалистов, это означает признание того, что языковая специфика дискурса есть одновременно культурно-значимая специфика [Чернявская, 2009: 36]. Несомненно, участники коммуникации – в данном случае – переписки – владеют и культурологическими знаниями, которые отражаются в их ментальности и находят свое отражение в их (письменном) языке при выборе лексических единиц. Важность самого письма еще в период его становления как средства коммуникации составляла даже не столько сообщаемая им информация, сколько образовывающее и образовательное воздействие его на составителя и адресата. Точно так же и ценность изданий частных писем не заключается лишь в стремлении к удовлетворению любопытства будущих поколений. Читаемое в салонах общества вслух письмо развило стиль письма целых эпох, собрание писем, объединенное в биографию, становилось примером для образа жизни. Особенно следует отметить собрания частных писем политических деятелей, тщательно сохраняемых обществом XIX века [Deutsche Briefe, 1988: 12] – они лишь подтверждают выдвинутую К.Ф. Геллертом концепцию о письме: связь публичности и частной жизни.

Основной функцией эпистолярного дискурса называется кумулятивно-трансляционная функция, заключающаяся в накоплении и передаче информации, значимой для индивида, социальной группы или целого этноса. Поскольку письменный текст как форма речи способствует обобщению и передаче человеческого опыта и письменному тексту в большей степени свойственна функция развития культурного сознания цивилизации, а в эпистолярном дискурсе неотъемлемой составляющей всегда является индивидуальный опыт и коммуникативная ситуация, можно предположить, что именно состояние системы письма, письменности, письменно-речевой и текстовой компетентности в целом выступает критерием развития литературного языка. С этих позиций видится целесообразным рассмотрение не только феномена письменной ментальности эпохи – отражения на письме специфичных черт определенной исторической эпохи и национального менталитета, – но и письменной ментальности индивида сквозь призму эпохи, как отмечает Н.И. Белунова, ссылаясь на Л. Р. Зиндер, А. К. Михальскую, И. Фридрих и др. [Белунова, 1998: 80].

К культурологически значимой следует отнести и фатическую функцию эпистолярного дискурса. При привлечении адресантом адресата к – дистанционной – дискуссии на существенные для адресанта темы, определяющую роль для эпистолярного текста играет речевой этикет, характерный для данной эпохи и общества, представителями которого являются составитель письма и его получатель. В связи с этим важна фатика – установление и поддержание контакта, что становится нормой письма.

При этом этикетно-ритуальная функция в исследуемом нами временном периоде вторична. Так, Н.И. Белунова выделяет два вида эпистолярных обращений: обращения-номинации, указывающие на социальный статус адресата, и адресатные обращения, выполняющие

характеризующую адресата функцию [Белунова, 1998: 78-88]. Если исходить из данных двух видов, то в эпистолографии XVIII-XIX веков преобладают адресатные обращения, в большей степени соответствующие принципу «естественности» теории письма К.Ф. Геллерта, в то время как предыдущий, «канцелярский» стиль приписывал именно обращениям-номинациям большое значение. Большая «свобода» в выборе языковых средств, предоставляемая составителю письма тезисами К.Ф. Геллерта, естественно, находит свое отражение особенно в эпистолярном наследии выдающихся личностей того времени. Несмотря на сохранение основ («Richtlinien») [Gellert, 1854: 746], в совокупности средств и способов выражения установок этикета, благодаря К.Ф. Геллерту становится возможным индивидуально-авторское их изменение и обогащение, что отмечается особенно в художественных жанрово-стилистических вариантах моделей эпистолярного текста.

Выводы по первой главе

1. В эпистолографии важную роль играют понятия «эпистолярный дискурс», «эпистолярный жанр» и «текст» – собственно письмо. Эпистолярный дискурс как разновидность дискурса прошел чрезвычайно долгий путь развития от послания, имеющего целью донесение до адресата некой информации, до самостоятельного литературного жанра. Корреспонденция превратилась из необходимости в культурную и эстетическую потребность человека. Переписка не ради сохранения человеческих взаимоотношений за неимением других способов коммуникации, а как самоцель, стала разновидностью творческой деятельности художника.

2. Эпистолярный дискурс в данной работе рассматривается в ключе его трактовки французскими структуралистами и постструктуралистами, прежде всего, М. Фуко. Понятие «эпистолярный

дискурс» описывает способ говорения и обязательно имеет при этом определение принадлежности (какой, чей дискурс?), а также широкий набор параметров (чисто языковые отличительные черты, стилистическую специфику, специфику тематики, систем убеждений, способов рассуждения и т.д.). Эпистолярный дискурс в данном понимании рассматривается как стилистическая специфика в сочетании со стоящей за ней идеологией. Таким образом, «эпистолярный дискурс» описывает способ коммуникации и обязательно имеет определение своей принадлежности, т.е. является авторским.

3. Специфика эпистолярного дискурса формируется определенной формой организации письменных произведений, т.е. эпистолярным жанром, что, собственно, и определяет совокупность текстов как эпистолярный дискурс. Каждый текст является отдельным эпистолярным образцом – текстом как с общими для всей совокупности текстов характеристиками, так и особенностями индивидуального стиля автора письма. Эпистолярный жанр предполагает наличие у текстов общих внешних и внутренних (содержательных) признаков, а именно: определенной структуры, ориентации автора на собеседника, устойчивого «persuasio», т.е. приверженности автора к определенной точке зрения, способностью обозначать ситуации или объекты реального мира, волюнтаривным целеполаганием, наличием у адресанта цели воздействовать на адресата, отражением специфики индивидуального мировосприятия в психо-речевом комплексе. Эпистолярный дискурс в рамках эпистолярного жанра, который правомерно рассматривать как разновидность литературного жанра, является процессом языковой деятельности, связанным с эпистолами, т.е. с текстами в форме писем, которые обладают вышеназванными общими признаками. Таким образом, устанавливается связь между эпистолярным жанром – формой организации определенной совокупности текстов, эпистолярным дискурсом как способом

языкового порождения данной совокупности текстов и непосредственно индивидуальными конкретными образцами – эпистолами, которые отражают общее и индивидуальное в своей формальной и содержательной структуре.

4. Чтобы исследовать письма композиторов Л. ван Бетховена и Р.Вагнера – тексты эпистолярного дискурса – с позиций специфики эпистолярного жанра, важно проследить путь становления эпистолярного дискурса в Германии в целом. Как показывает проведенный анализ, в начале XIX в. только эпистолярный дискурс предоставляет автору многочисленные возможности для поэтизации и фикционализации реальности, что составляет основу писем данной эпохи. Письма пишутся по образцу и форме, закрепленным Кристианом Геллертом в своих трудах. Являясь признанным теоретиком эпистолографии XVIII века, К.Ф. Геллерт настаивает на простоте эпистолярного стиля; его собственные письма сделали образцом для образованной публики. Путь становления эпистолярного дискурса в той форме, какая сложилось в XIX веке, был долгим и многотрудным, тем существенней представляется разработка четкой структуры и композиционных правил, рекомендаций в употреблении лексики и грамматики, в предпочтении определенных стилистических оборотов. Именно с этих позиций в следующей главе будут рассмотрены письма двух великих немецких композиторов XIX века.

Глава 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ ЛЮДВИГА ВАН БЕТХОВЕНА И РИХАРДА ВАГНЕРА

2.1. Лингвистическая ценность эпистолярного наследия Людвиг ван Бетховена

Чтобы определить лингвистическое значение эпистолярного наследия творческой личности, необходимо определить, насколько научная и лингвистическая ценность эпистолярного дискурса определяется его содержанием, а насколько – масштабом его автора. К. Нихольм утверждает, что чем выше значение личности для нации и ее развития в любом аспекте, тем большее значение приобретает ее наследие – будь оно идейным или материальным («Je größer die Bedeutung einer Persönlichkeit für eine Nation und deren Entwicklung in jedem beliebigen Aspekt ist, desto bedeutsamer wird ihr Nachlass – ideal und materiell gleichermaßen») [Nyholm, 1995: 205]. Известно, что письма великих людей представляют интерес для исследователей с позиций их исторического, культурного, эстетического, литературного, в том числе и лингвистического аспектов.

Письмо, представляющее политический или исторический интерес, следует отнести к литературе лишь в том случае, если за ним стоит оригинальная, свободно мыслящая личность, считает Г. Манн [Mann, 1991: 213]. Как предполагает исследователь, письмо даже самого известного и признанного писателя представляет собой литературную ценность только в том случае, если оно интересно и в лингвистическом аспекте. Только такие письма, продолжает Г. Манн, подлежат анализу и «эталонизации».

Необходимо определить грань между эпистолярным дискурсом, достойным подробного лингвистического анализа, и дискурсом, интересным скорее для полноты представления о его авторе.

При этом не менее важно понять, является ли эпистолярное наследие общепризнанного мировым сообществом гения не менее гениальным в лингвистическом аспекте и найти критерии оценки.

Свой вариант ответа на комплекс вопросов о критериях лингвистической ценности эпистолярного наследия предлагает Д. Шёткер [Schöttker, 2008: 172-173], решительно отрицая лингвистическую ценность, автоматически приписываемую (впрочем, наравне с литературной), любому опусу письменного наследия известной личности. Д. Шёткер, также, как и Г. Манн, выступает против необходимости публикации всего эпистолярного наследия творческой личности («Es ist eine dumme, freilich längst tief eingewurzelte Gewohnheit, sämtliche Briefe einer schöpferischen Persönlichkeit der Veröffentlichung in Einzelbänden oder in gesammelten Werken für wert zu halten. Nicht umsonst wurde einmal gespottet: Herr von Goethe werde zuletzt noch seine Säuglingswindeln herausgeben...») [Schöttker, 2008: 155-156]. Оба лингвиста считают достойными лингвистического исследования лишь те письма, которые являются литературно ценными, т.е. интересными для литературоведческого исследования. Иначе говоря, по Г. Манну и Д. Шёткеру, наличие литературной ценности является обязательным условием для проведения лингвистического исследования, но не обуславливает наличие в исследуемом объекте эпистолярного наследия лингвистических особенностей, достойных внимания специалистов.

Литературная ценность эпистолярного наследия Л. ван Бетховена не подлежит сомнению. Его письма являются весьма значительным вкладом в литературное наследие XIX века – в этом мнении сходятся значительное количество ученых [ср. Mattenklott, Schlaffer, Schlaffer, 1988: 149-150]. Тем не менее, его письма до сих пор остаются мало исследованными, прежде всего, с позиции их лингвистической ценности.

Л. ван Бетховен как автор писем – весьма уникальный объект исследования. На сегодняшний день его авторство зафиксировано более чем за полутора тысячами писем, содержание 1467 из которых является общедоступным. Музыковеды, биографы, историки и лингвисты получают благодаря этому невероятно обширному наследию возможность ознакомиться не только с чрезвычайно многогранной и сложной личностью композитора и его своеобразной и интересной биографией, но и с (пусть лишь письменной) речью композитора, которая ярко иллюстрирует особенности языка самого композитора как отдельно взятого индивидуума со своеобразной спецификой. Л. ван Бетховен – не только представитель сообщества композиторов XIX века и творческая натура, но и человек, который более двух третей своей жизни общался с окружающим миром вследствие своего заболевания с помощью писем, а значит в бóльшей степени фиксировал свои высказывания, давая на сегодняшний день возможность их лингвистического исследования.

Письма Л. ван Бетховена, будучи частным документом, никогда не предназначались для публикации. Подобные черты имеет и дневник, рассуждает Г. Манн. Однако дневник является письменным разговором автора с самим собой, а письмо всегда имеет адресата – следовательно, заключает Г. Манн, основным критерием для письма является наличие адресата, реально существующего в жизни и обладающего способностью поддержания переписки [Mann, 1991: 257]. У Л. ван Бетховена встречается особая переписка с ближайшими друзьями, ведущаяся с регулярной периодичностью, которая, безусловно, носит некий характер дневника. Но примечательно то, что Л. ван Бетховен, несмотря на «разговор с самим собой в письме», ожидал отклика от адресата письма, его одобрения или порицания, его комментариев, никогда не сомневаясь в том, что ответ последует.

Л. ван Бетховен не любил писать, что, учитывая его огромное письменное наследие, может показаться странным. (1) *Ich schreibe lieber zehntausend Noten als einen Buchstaben...* (Лучше я напишу десять тысяч нот, чем хоть одну букву...), пишет он своему другу Карлу Аменда. (2) *Im Kopfe mache ich öfter die Antwort – doch wenn ich sie niederschreiben will, werfe ich meistens die Feder weg weil ich nicht so zu schreiben imstande bin, wie ich fühle.* (Зачастую у меня в голове складывается ответ, но когда я его собираюсь написать, я, как правило, отбрасываю перо, так как я не в состоянии писать так, как я чувствую). При этом в его письмах часто употребляется обстоятельство (3) *in Eil* (второпях), что можно считать девизом всей его корреспонденции.

Вышесказанное подтверждает, что письма, как правило, адресованные ближайшим друзьям, написаны в свойственной Бетховену манере неприятия написания писем и, тем самым, раскрывают его лингвистические особенности. Письма Л. ван Бетховена всегда являются реакцией на внешний фактор, при этом Л. ван Бетховен никогда не является инициатором переписки, скорее он стремится к ее минимизации. Вместе с тем письменная речь для Л. ван Бетховена остается единственным способом коммуникации с окружающим миром с момента начала его болезни – потери слуха. Глухота наступает именно тогда, когда Л. ван Бетховен как личность, имеющая собственное мировоззрение, собственную картину мира, собственные убеждения и идеалы, только сформировалась. Таким образом, в письмах Л. ван Бетховена на первый план выступает роль письма как «душевного облегчения» (*seelische Entlastung*), как средства выражения себя, ведь не все удастся передать музыкой, а иного способа самовыражения для него не существует. Его письма, адресованные близким друзьям Фердинанду Ризу и Карлу Аменде, наполнены признаниями и рефлексией.

Все вышесказанное, безусловно, имело основополагающее значение для формирования лексико-стилевой специфики (лингвистических особенностей) письменной речи Л. ван Бетховена.

2.1.1. Лексико-стилевые отличительные черты «Бетховенского» письма

Для уточнения отличительных черт письма Л. ван Бетховена необходимо вспомнить существенные лексико-стилевые критерии написания частного письма первой половины XIX века в Германии:

- отказ от употребления личных местоимений, в особенности, личного местоимения первого лица единственного числа (соблюдение так называемой «тактичности» по концепции К.Ф. Геллерта) [Der Brief: Eine Geschichte der schriftlichen Kommunikation, 1998: 196]);
- в случае необходимости – употребление местоимения первого лица единственного числа в именительном падеже во избежание двусмысленности;
- преимущественное употребление форм конъюнктива II как характерное явление XIX века;
- редкое употребление страдательного залога в претерите и плюсквамперфекте;
- стремление к гиперболизации и предпочтительное использование лексических средств для достижения данной цели;
- нежелательность аллюзий и анафор, повторного преувеличения (Klimax), синекдох;
- рекомендация использовать эвфемизмы;
- преимущественное употребление структуры предложения: объект в дательном падеже – сказуемое – подлежащее – другие члены предложения.

Письма, составленные Л. ван Бетховеном, носят явное отличие от общепринятых эпистолярных норм. Для письменной речи композитора не характерно употребление конъюнктива II как средства нарочитой вежливости. Вместо этого присутствуют модальные глаголы в роли заменителей (соотнесение употребления индикатива и конъюнктива в письмах Л. ван Бетховена равно 81% (индикатив) и 6% (конъюнктив), особенно во фразах с просьбами или волеизъявлениями, например: (4) *Zu viel kann ich die Zeit herumwerfen, muss zu sehr mit Sorgen überhäuft und seit dem letzten Oktober soll mirs schon immer kränklich sein, wobei ich lange im Bette zubringen musste, und es mehrere Monate währen musste, bis ich nur spärlich ausgehen durfte. Mir muss nunmehr verlangen nach zerstreung genehmigt sein dürfen* (письмо от 19.06.1817) [Beethoven, 1922:116] вместо: «Zuviel hätte ich die Zeit herumgeworfen, wäre zu sehr mit Sorgen überhäuft, und seit dem letzten Oktober sei ich schon immer kränklich gewesen, wobei ich lange im Bette zuzubringen hätte, und es mehrere Monate währte, bis ich nur spärlich ausginge. (Das) Verlangen nach zerstreung sei mir nunmehr genehmigt», а также (5) *ich muss dir aufs äußerste verbunden sein, wenn du mir meine kleine bitte erfüllen magst, auf das mir endlich eine Wohltat zukommen kann* (письмо от 01.01.1819) [Beethoven, 1922: 126] вместо «ich wäre dir auf das Äußerste verbunden, wenn du mir meine kleine Bitte erfüllen würdest/ könntest, auf dass mir endlich eine Wohltat zukommen könnte». Так создается не только впечатление выбора достаточно грубых выражений, но и простоты структуры речи; в речь добавляются также дополнительные элементы субъективной модальности, которые, в свою очередь, можно отнести к категории лингвистических черт, соответствующих критерию публичности в концепции К.Ф. Геллерта, о котором будет сказано более подробно ниже.

Л. ван Бетховен необычно часто и много пишет о себе, как правило, употребляя при этом личное местоимение в дательном падеже:

(6) ...mir wurd ganz erschrocken zu Mut вместо «ich war ganz erschrocken»). Таким образом, нарушается лексическая норма употребления личных местоимений, но синтаксическая структура, общепринятая его современниками, сохраняется, например: (7) [...] und mir wurd traurig und gänzlich betriibt, als mir bekannt wurd von dem großen Verluste, den zu erleiden Sie nicht umhinkamen. Mir kann nicht bewusster sein, wie schwer eine solche Bürde zu tragen, da mir selbst auferlegt zu werden es nicht erspart sein konnte. Mein eigenthum steht zu Ihrer verfügung. Denn mir ist es wohl das nöthigste und wichtigste, bezustehen wo mir beystand geboten scheint (недатированное письмо, относящееся к весне 1808 года) [Beethoven, 1922: 54] вместо «Ich bin traurig und betriibt, da ich von dem großen Verlust erfuhr, den zu erleiden Sie nicht umhinkamen. Ich bin mir bewusst, wie schwer eine solche Bürde zu tragen ist, da ich eine ebensolche zu tragen gezwungen bin. [...] Ich halte es für das Nötigste und Wichtigste, dort bezustehen, wo Beistand geboten scheint.», а также (8) Fehler – Fehler – mir wurd ein einziger Fehler wenn Ihren Kopien geglaubt werden kann. Überall selbst persönlich zu korrigieren wurd mir jedoch nicht möglich, so dass mir nichts bleibt als weiter Fehler zu sein (письмо от 06.05.1811) [Beethoven, 1922: 70] вместо «Fehler – Fehler – ich bin ein einziger Fehler wenn Ihren Kopien geglaubt werden kann. Überall persönlich zu korrigieren ist jedoch nicht möglich, sodass mir nichts bleibt als weiter (ein) Fehler zu sein.» При этом образуется стилистическое нарушение, так как объект в дательном падеже, как правило, стоящий в начале предложения, не предполагал личного местоимения первого лица единственного числа в данной позиции, поскольку формируется инверсия (положения К.Ф. Геллерта), нежелательная из-за возникающей необходимости выделения первого лица единственного числа, чего обязательно следовало избегать.

С точки зрения других критериев стилистической нормы в своих письмах друзьям Л. ван Бетховен весьма свободно трактует требования

К.Ф. Геллерта об «искусственной естественности». Так, в его речи преобладают евфемизмы и гиперболы – выражения, наподобие (9) *...mein Herz schlägt so zärtlich wie immer für Dich* (письмо Ф. Рису от 28 апреля 1807 г.). до установления К.Ф. Геллертом правил написания письма признавались более подходящими для любовного послания, чем для дружеского письма. Следующие примеры также иллюстрируют вышесказанное: (10) *Tausend Dank, Freundchen, Zärtlichster, Süßester, für deinen Nektar* (письмо графу Ф.Брунsvику от 18.06.1811) [Beethoven, 1922: 71] – в благодарность за отправленные им комментарии к новейшей сонате Л. ван Бетховена; (11) *Und so sage ich dir, du meine liebe, liebste, lieblichste du meine Bettine* (письмо Беттине фон Бретано от 10.02.1811г.) [Beethoven, 1922: 67]; (12) *[...] nur du, mein herzensliebster Lieblingshummel, kannst verstehen, wie mir nun zu muthe wurd [...]* (письмо Непумуку Хуммельот 08.12.1813) [Beethoven, 1922: 87], и (13) *mit zärtlichen Küssen lese ich erneut deine lieben Worthe* (письмо Ф.Брунsvику от 12.12.1813) [Beethoven, 1922: 88]. Л. ван Бетховен часто употребляет синекдохи и повторные преувеличения (Klimax), в результате чего нарушается требуемая К.Ф. Геллертом ясность и недвусмысленность в структуре письма. Выражая данный факт в цифрах, можно отметить, что в 1779 случаях из 1801 (98,7%) данные риторические фигуры нарушают установленную К.Ф. Геллертом стандартную структуру письма.

Письма Л. ван Бетховена в синтаксическом отношении отличаются полным несоответствием грамматическим нормам его современности. Л. ван Бетховен употребляет преимущественно анаколупф, его синтаксический стиль также отличается большим количеством инверсий и коллокаций, например: (14) *[...] und so kann ich in meiner hilflosen lage nur mir beten und bitten Ach! Kirschkompott und Moselwein! Meine werke werden simpel und in klaren noten gehalten, componieren bereitet mir müh [...]* (недатированное письмо, относящееся к марту 1827 года) [Beethoven, 1977: 190-191] – пример анаколупфа; (15)

Mir *wurd* *das Schaffen mit jedem tage schwerer* (письмо от 02.04.1814) [Beethoven, 1977:85] – пример инверсии (вместо: *Das Schaffen ward mir mit jedem Tag schwerer*), причем именно данная инверсия с первым лицом единственного числа в роли объекта в дательном падеже в первой позиции предложения и может считаться типично «Бетховенской». Иллюстрацией сказанного могут служить следующие примеры:

16) *Mir mein musikalisches Werk zu beenden erscheint das wichtigste derzeit* (письмо от 09.10.1810) [Beethoven, 1977: 70] – инверсия;

(17) *Das musikalische Werk derzeit ließe mir keine wahl als bey meinem eigenen zu bleyben* (недатированное письмо, относящееся к декабрю 1812 года) [Beethoven, 1977: 83 – инверсия;

(18) *Inmitten der musikalischen Werke derzeit ist mir keines das teuerste* (недатированное письмо, относящееся к лету 1814 года) [Beethoven, 1977: 89] – инверсия;

(19) *mir meine musikalischen Werke zu gemüthe zu führen habe ich nur wenig muß* (недатированное письмо, относящееся к концу 1815 года) [Beethoven, 1922: 111] – инверсия;

(20) *es bereitet mir Freude, mein musikalisches Werk inmitten zahlreicher liebhaber höchstselbst zu presentieren [...]* (письмо от 21.08.1817) [Beethoven, 1922: 120] – коллокация.

То, что с синтаксической точки зрения является нарушением принятых в то время норм (анаколуф, инверсия, коллокация), также можно трактовать и как соответствие/несоответствие другому критерию К. Геллерта – критерию публичности. Как упоминалось выше, Л. ван Бетховен никогда не предполагал публичного прочтения своих писем согласно принятому в его время обычаю. Однако, критерий публичности можно трактовать не только с точки зрения вероятности преднамеренного раскрытия тайны переписки, т.е. а priori предполагаемого автором публичного прочтения его писем адресатом, но и с позиции самораскрытия личности в письме, т.е. насколько

пишущий сообщает в письме свои мысли, переживания и эмоции, сочетая данный критерий с критерием искусственной естественности – напомним, что К. Геллерт определяет естественность письма соответствием мысли ее выражению. С данной позиции письма Л. ван Бетховена в большинстве случаев соответствуют критерию публичности – композитор раскрывает самого себя в письме, например:

(21) „Mir wurd die Betrübnis von deinem Schreiben fortgescheuchet (письмо от 19.06.1817) [Beethoven, 1922: 116],

(22) köstlichste Süße verteilt mir dein Wort in Schrift und Klang, und größte lust zu verspüren wurd mir gewähret (письмо от 15.01.1801) [Beethoven, 1922: 26],

(23) Mir wurd oft gewünscht, ich verspürte freude am seyn, aber wurd mir nie wahrhaft beschieden (письмо от 26.04.1807) [Beethoven, 1922: 47],

24) Möglichstes Freuen und Freundlichkeit mir zu gewähren wurd mir selbst gar zur quale (письмо от 14.12.1801) [Beethoven, 1912: 16],

(25) [...] fühlt mir das leben sich gar schmerzhaft an, so kritzelt ich dir einige Worte erneut in Eil [...] (недатированное письмо, относящееся к июню 1807 года) [Beethoven, 1922: 53],

(26) [...] über mein musikalisches Werk wurd mir ganz lieb und teuer zu philosophieren mit dir und Wehe mir! Mein leid dir zu klagen erneut und wieder! (письмо от 19.04.1817) [Beethoven, 1922: 114].

В приведенных фрагментах писем выделены слова и словосочетания, передающие душевные состояния композитора – *die Betrübnis fortgescheuchet, köstlichste Süße, des Glückes Seyn* и т.д.

Открытость личности в отношении своего окружения с её способностью узнавать и передавать смыслы и содержание реальной, невыдуманной действительности трансформируется в особый язык письма лексико-грамматическим способом, о чем свидетельствует конструкция – личное местоимение второго лица единственного числа либо третьего лица множественного числа в именительном падеже +

личное местоимение первого лица единственного числа в дательном падеже (*du mir, sie mir*), а также с помощью таких лексико-стилистических средств, как интенсификация и индивидуальные лексические образования: окказиональные составные существительные, существительные с префиксом Ge-. За невозможностью реального присутствия и активного участия в жизни своего окружения по причине своего недуга композитор создает уникальный пласт своего присутствия посредством эпистолярного дискурса, что подтверждается следующими фрагментами писем композитора:

(27) Verdammtes ehemaliges Musikgräferl, wo hat Sie denn der Teufel! – Kommens heut zur Geschwane? Nein? ja – Hier sehen Sie in das Beigeschlossene, was **mir** an musikalischem Werke in Ungarn getam; das ist was anders, wenn ein deutscher Mensch, ohne Wort zu geben, etwas übernimmt, als so ein ungarischer Graf Brunswik, der mir wer weiß wegen welch elender Gelumperei konnte allein das Gereise lassen und noch dazu abwarten lassen, ohne was erwartet zu haben mir zu geben! Das Eingeschlossene schickens zurück, denn wollens dem Musikgräferln mir auch unter die Riechschnüffel mit noch was anderm reiben. (недатированное письмо, относящееся к февралю 1812 года) [Beethoven, 1922: 78-79],

(28) Tyrann ich? Ihr Tyrann! Nur Mißgedeute kann Sie **mir** dies sagen lassen, wie wenn ebendieses Ihr Urtheil seine Übereinstimmung mit mir andeuten. Nicht Tadel mir deswegen, es wäre eher Glück für Sie. – Mir befand es sich seit gestern schon nicht ganz wohl, seit diesem Morgengetaue aüßerstes sich stärker,; etwas Unverdauliches fürwahr genossen ist des Geredes Übel davon, und die reizbare Mutternatur in mir ergreift ebenso das Schlechte als Gute [...] (письмо от 16.09.1812) [Beethoven, 1922:83],

(29) [...] ersieht sich mir erneut ein rechtvertreter der verachtenswertesten menschen, der schreyben kann, ohne armseligstes Gerede und Ausgeformelei zu nutzen und Gebrauch davon zu tun. Sie können sich kaum denken, wie mir nach dem Ende dieses Gehandels lechzt, da sie mir

dadurch in allem, was meine Oekonomie betreffen muss, unbestimmt wird – Ach, der Geist, der wirkende darf nicht an die elenden Bedürfnisse des Geredes gefesselt werden, mir wir doch so manches Gedeut und suspektes Gerede ungeheuerlich erscheinen. (недатированное письмо, относящееся к лету 1814 года) [Beethoven, 1977: 89],

*(30) [...] was **du mir** doch nicht vergelten magst – meyne Augen sind noch nicht wieder ganz hergestellt und hierher kam ich mit einem Gefühle des Schmerzes erneut – schicke ich dir das neueste mit den Liedern, von diesen Manuscriptpartituren du mir das Abgeschriebene doch wieder zurücksenden sollst. Soll ich mich so erniedrigen, in solcher schlechter Gesellschaft zu seyn, oder kannst du mir diese vermeiden und wir dürfen doch einige Tage miteinander zubringen? (письмо от 19.08.1823) [Beethoven, 1977: 156-157],*

*(31) Diese woche werden die werke ganz sicher **Sie mir** abnehmen können. Sejn Sie übrigens ruhig, indem sie vielleicht von einem Klavierauszuge gehört haben zu dem Man mir auffordern will, so was ist nicht und wird nicht geschehen [...] (письмо от 05.12.1824) [Beethoven, 1977:169], и*

*(32) Sie wissen, dass **sie mir** nur von meinen compositionen das Leben ermöglichen können. Doch das Gekränkelt soll mir nur äußerst wenig componieren lassen können. Um so mehr kann es mir willkommen, nein aufs willkommenste seyn, wenn sie etwas für mein musikalisches Werk tun wollen. (письмо от 19.04. 1917) [Beethoven, 1922: 114].*

Приведенные фрагменты содержат примеры интенсификации, основанные на употреблении индивидуального словообразования – несуществующих в академическом немецком языке лексем (*Geschwane, Musikgräferln, Beigeschlossene, Riechschnüffel, Ausgeformelei* и др.), а также большого количества существительных с префиксом Ge-. В письмах Л. ван Бетховена в 20712 из 21340 существительных встречается префикс Ge-, что позволяет говорить об исключительности такого количественного соотношения.

Однако, чтобы всецело охватить особенности лингвистического оформления писем Л. ван Бетховена, недостаточно руководствоваться только критериями К.Ф. Геллерта. Необходимо обратиться к тому, что сформулировано в лингвистике как критерии лингвистических особенностей эпистолярного дискурса в XX в. Немецкий исследователь эпистолярного дискурса Курт Нихольм (1932-1996) выделяет «критерии или аспекты» определения жанрово-стилистических особенностей эпистолярного дискурса в немецком языке. Эти критерии носят, на наш взгляд, универсальный характер и охватывают все возможные аспекты всестороннего рассмотрения жанрово-стилистических особенностей эпистолярного дискурса, что позволяет принять их за основу при исследовании эпистолярного наследия Л. ван Бетховена и Р. Вагнера. Итак, К. Нихольм выделяет следующие критерии для классификации и описания лингвистических особенностей письма:

1. *психолого-антропологический аспект*, в который входят
 - акт осознания своего намерения (акция/реакция);
 - духовная разгрузка (признание, замена исповеди, самоанализ);
 - единство через многообразие (диалектика между личностью и безличностным);
 - проекция черт/структуры характера;
2. *социологический аспект* (диалектика между индивидом и обществом), в который входят представление о письме как о:
 - средстве коммуникации;
 - перенесенном по фазам разговоре;
 - способе выражения индивидуального отношения к адресату;
 - способе выражения степени интегрированности в современное составителю письма общество;
3. *лингвоэстетический аспект*, где фигурируют следующие подпункты критерия:
 - функционально-стилистические (степень рациональности

включенных элементов);

- критерий измерения (одномерность/трехмерность, т.е. наличие «ауры, атмосферы» письма);

- роль эстетики (как самоцель или как акциденция, т.е. несущественный элемент, играющий второстепенную роль);

- наличие фикциональности (насколько референциален и когерентен дискурс);

- наличие устойчивых оборотов приветствия и прощания;

- наличие *persuasio* (приверженности автора определенной точки зрения);

4. исторический аспект, который включает наличие/отсутствие

- автобиографических черт;

- комментариев жизни автора;

- осознанной интерпретации исторически объективного (социоэкономически-идеологического контекста);

- интерпретации собственных трудов [Nyholm, 1995: 210-216].

Руководствуясь этими положениями и проанализировав по данной схеме отобранные нами из эпистолярного наследия Л. ван Бетховена и Р. Вагнера письма, мы пришли к тому, что необходима модификация *лингвоэстетического аспекта* следующим образом:

- функционально-стилистический критерий (степень рациональности включенных элементов) мы предлагаем расширить, учитывая в нем и лексико-семантический аспект, и включить сюда роль эстетики как результат употребления стилистических и семантических средств;

- критерий измерения (одномерность/трехмерность, т.е. наличие «ауры, атмосферы» письма) мы предлагаем заменить критерием аутентичности, объединив его с критерием фикциональности (референциальность и когерентность дискурса) для сближения с нормами К. Геллерта, имея в виду то, что они в эпоху Л. ван

Бетховена были чрезвычайно значимы.

Обратимся теперь к анализу отобранных нами 194 писем Л. ван Бетховена и 261 письма Р. Вагнера. Используя категории К. Нихольма как основу упорядочения и категоризации писем композиторов, рассмотрим также их лингвистические особенности с целью определения степени их соответствия нормам и правилам написания писем в XIX веке.

2.1.2. Психолого-антропологический аспект эпистолярного наследия Людвига ван Бетховена

В соответствии с первой позицией вышеназванной классификации рассмотрим письма Л. ван Бетховена с точки зрения взаимодействия автора с окружающим миром и наличия «прагматически заряженных» лексических единиц, а также степени соответствия подобных единиц характеристике «языкового маркера» (термин А.В. Курьяновича) [Курьянович, 2009: 147-148].

Согласно позиции О.Ю. Крючковой, «любое речевое произведение, любое высказывание, в котором реализован выбор языковых единиц, моделей их организации и конструирования, – результат рефлексивной деятельности сознания» [Крючкова, 2008: 215]. Исследователь отмечает, выражая, таким образом, согласие с гипотезой А.В. Курьяновича и критериями К. Нихольма, что «специального рассмотрения заслуживают те элементы текста, которые указывают на ментафакты, подвергшиеся специальному, наиболее пристальному когнитивному анализу говорящего. Именно такие текстовые элементы, отмечающие зоны «повышенного внимания», эксплицирующие прорыв в собственно текст (на «авансцену») мыслимого, обдумываемого, являются маркерами рефлектирующего сознания» [Крючкова, 2008: 215]. Как известно, рефлексия в речи передается типичными для говорящего синтаксическими построениями, реализованными в тексте

концептуальными переменными и через «прецедентные высказывания, т.е. те элементы текста, которые эксплицируют, «выдают» характер и направленность когнитивной деятельности говорящего» [Крючкова, 2008: 217].

Как было упомянуто выше, письма Л. ван Бетховена близким друзьям Фердинанду Ризу и Карлу Аменде наполнены признаниями и рефлексией. Лексически и грамматически это находит выражение в употреблении личного местоимения первого лица единственного числа «ich» в дательном падеже, что является нарушением лексической нормы употребления личных местоимений, принятой в рекомендациях К.Ф. Геллерта, и использовании инверсии в нарушение принятых стилистических норм:

(33) *Von mir wurd ein Sextett übergeben* (письмо от 08.08.1809) [Beethoven, 1977:45] вместо «ich habe ein Sextett übergeben/ ich übergab ein Sextett»,

(34) *Auf diesen Ihren Brief mir eine Antwort zu erdenken [...]* (письмо от 06.01.1816) [Beethoven, 1977: 97] вместо «ich schreibe eine Antwort auf Ihren Brief»,

(35) *[...] anders wurd mir genehmer sein* (письмо от 30.07.1817) [Beethoven, 1977:114] вместо «ich würde es anders als angenehmer empfinden».

Обращает на себя внимание тот факт, что в исследованных 194-х письмах из встречающихся в них 4713 местоимений 3196 местоимений являются личными местоимениями первого лица единственного числа в дательном падеже *mir*, что составляет 67,8% всех местоимений, причем из них 1986, т.е. 62,1%, употребляются в синтаксической структуре инверсии. Это позволяет утверждать, что данная структура является для Л. ван Бетховена «типичной».

Исходя из того, что по правилам составления письма в XIX веке автор должен ощущать и проявлять себя как часть современного ему

мира (жанрово-стилистическая особенность эпистолярного дискурса того времени [Vellusig, 2000: 259-260]) и на основании проведенного подсчета встречаемости личных местоимений в письмах, можно сделать предположение, что письма Л. ван Бетховена не соответствуют современной ему норме составления письма при условии, что стилистическое нарушение сопровождается и нарушением содержательным. Так, Л. ван Бетховен, нарушая структуру предложения и используя соответствующие языковые средства, дает понять, что не считает себя частью современного ему мира. Этот аспект будет рассматриваться с точки зрения соответствия социологическому критерию К. Нихольма. До того, как рассмотреть письма в данном отношении подробнее, отметим, что ввиду столь частого употребления *mir* можно сделать вывод о том, что письма Л. ван Бетховена отражают стремление композитора к преднамеренной проекции личных черт/ черт характера в письме. Данный факт находит подтверждение в чрезмерном употреблении инверсии, а также в следующих типичных лексических единицах *das Meine* или *das Meinige* в значении собирательного понятия для дара композитора. Для описания своего недуга Л. ван Бетховен использует страдательный залог глаголов в простом прошедшем времени: из 948 случаев в 741-м, т.е. в 78,1% употребление страдательного залога идет в сочетании с местоимением 1-го л. ед. ч. в дательном падеже, например:

(36) *mir wurd gar Bös gethan* [Beethovens Briefe, 1977: 36],

(37) *mir wurd mein Sein gestrafet* [Beethovens Briefe, 1977: 90],

(38) *mir wurd Seligkeit der geselligkeit genommen* [Beethovens Briefe, 1977: 216].

Особенностью стиля композитора является и то, что глагол *werden* используется им не в требуемой в то время форме *ward*, а в современной нам форме с гласной *u* в корне в простом прошедшем времени, т.е. *wurde*, но без окончания *-e* (*wurd*), что могло

восприниматься его современниками как просторечие. Вышесказанное свидетельствует о том, что Л. ван Бетховен воспринимал письма как душевное облегчение (*seelische Entlastung*), не утруждая себя принятыми нормами составления писем. Это подтверждается и наличием подробного описания душевного состояния в каждом без исключения письме другу, а также частое использование превосходной степени сравнения прилагательных в данных описаниях: (39) [...] *ich besaß [...] einen Sinn in einer der größten Vollkommenheit, in einer Vollkommenheit, wie ihn wenige von meinem Fache gewiß haben noch gehabt haben – o ich kann es nicht[...]* (письмо от 23.10.1819) [Beethoven, 1977:133].

В другом письме Л. ван Бетховен пишет:

(40) *mir wurd auf das stärkste bewusst, Sie denken das größte von mir* (письмо от 02.11.1793) [Beethoven, 1922: 3],

(41) *zu trachten nach dem tiefsten des Schaffens, seinem besten und schönsten wurd mir das Heyligste erscheinen [...]* (письмо от 06.03.1827) [Beethoven, 1977:190]

(42) *wurd mir – ach wehe! als wichtigstes und teuerstes die Lieb zueinander sein* (письмо от 06.07.1801) [Beethoven, 1922: 28].

Как правило, композитор прерывает собственную мысль восклицаниями, по содержанию не связанными с предыдущим текстом, нарушая стиль анаколумфом, например:

(43) *wurd mir – ach wehe! als wichtigstes und teuerstes die Lieb zueinander sein* (письмо от 06.07.1801) [Beethoven, 1922: 28],

(44) *mit welchen heftigsten gefühlen mir das Lesen zur quale wurd – zum teufel mit alldem, zum ärgsten! kann mir nur mühsamst die Erinnerung herbey holen [...]* (письмо от 18.03.1827) [Beethoven, 1977: 192].

Примечательно, что, в отличие от принятой тогда нормы, он всецело отдается чувствам, овладевающим им во время написания, видимо не задумываясь о правилах составления письма. С другой стороны, можно рассматривать указанные нарушения как «авторскую

обработку информации» в соответствии с концепцией А.В. Курьяновича, согласно которой составитель пропускает весь материал через призму собственного восприятия, осуществляя его отбор в соответствии с системой своих ценностных параметров.

Следует отметить, что не все выделяемые К. Нихольмом позиции психолого-антропологического аспекта находят отражение в письмах Л. ван Бетховена. Достаточно последовательно в эпистолярном дискурсе Л. ван Бетховена обнаруживаются элементы диалектики: композитор принимает идею всеобщей связи и взаимозависимости явлений, их развития; он следует принципу, который требует рассмотрения предметов в развитии – для композитора факт, не подлежащий сомнению: (45) *alles Seyn steht in Verbindung, mir wurdts bewusst aufs selbstverständlichste, und das schaffen des vergänglichen macht ebendieses ewiglich* (недатированное письмо, относящееся к январю 1819 года) [Beethoven, 1922:110].

Переписка является для композитора облегчением души, своего рода духовной разгрузкой, – реализация следующего критерия по концепции К. Нихольма. Стиль автора отличается противоречивостью, большим количеством риторических фигур, характеризующих стилистические нарушения. Так, в письмах Л. ван Бетховена мы наблюдаем аккумуляцию, евфемизм, анаколупф, гиперболу, синекдоху и повторное преувеличение, асиндетон, инверсию и коллокацию. В количественном соотношении данные риторические фигуры представляют собой почти 96% (95,6% – 1722 случая из 1801) из общего количества обнаруженных нами риторических фигур.

Как отмечалось выше, в нарушение норм К.Ф. Геллерта и подтверждение критерия проекции личных черт К. Нихольма, в письмах композитора прослеживается частое употребление страдательного залога в претерите с элементом грамматического нарушения глагола *werden* (*wurd* Л. ван Бетховена) – например:

(46) *mir wurd auf das stärkste bewusst, Sie denken das größte von mir* (письмо от 02.11.1793) [Beethoven, 1922: 3],

(47) *[...] dieses wichtigste ereignis wurd mir überschattet von meinem Leiden, dem allgegenwärtigen* [письмо от 16 сентября 1812 г. г-же Зебальд],

(48) *Mir wurd ihr Egmont so nahe mit jedem male da ich ihn gelesen [...]* [письмо от 12 апреля 1811 года В. фон Гёте].

Несмотря на «характер исповеди», который свойственен всем письмам Л. ван Бетховена к близким друзьям, никогда не создается впечатления, что их автор ждет эмоциональной реакции от адресата. Ответ обязателен, но не как форма проявления единомыслия, а как подтверждение получения реакции на стимул-возбудитель. Об этом свидетельствует и тот факт, что в письмах композитора наиболее часто употребляются такие слова/ фразы-ссылки, как *wie mir schriebst, wie zu mir gemeint, wie mir erwähnt*, причем Л. ван Бетховен сознательно пропускает второе лицо единственного числа «ты», которое следовало указывать, и лишь контекст позволяет сделать вывод, что речь идет о предыдущем письме того человека, который является теперь адресатом составляемого Л. ван Бетховенным письма. В случаях, когда исходное письмо друга содержало формулировки искусственной естественности, выходящие за рамки чисто формального, стиль письма композитора в ответ становится дерзким, очевидно нарушающим правила тактичности К. Геллерта:

(49) *Reit euch denn der Teufel, mein Herr? [...]* [Beethovens Briefe, 1977: 34],

(50) *Mein werthester Freund! Sie mit Verwünschungen zu überhäufen ist mein Anliegen. [...]* [Beethoven, 1977: 168],

(51) *Lieber wurd mir des todes als eure Zeilen zu lesen[...]* [Beethoven, 1977: 114],

(52) *Flüche kommen mir in den sinn, Ihnen sie zu schreiben wurd mir so eine Erleichterung [...]* [Beethoven, 1922: 107],

(53) *Teuerster Czerny, auf ewiglich verabschieden wurd mir genehm beym Lesen Ihrer neugiergen Zeilen [...]* [Beethoven, 1922: 142],

(54) *Vermaledaites Musikgräferl! Auf deine Anteilnahme wurd mir speyübel [...]* (недатированное письмо, относящееся к марту 1812 года) [Beethoven, 1922: 80],

(55) *Der Teufel soll Sie holen für Ihren Wunsch, überall in Meyne angelegenheiten Ihre unselige lange Nase tiefstens versinken zu lassen! [...]* [Beethoven, 1912: 185-186],

(56) *[...]dass auch du es allen nachtun musst und mir in die seel zu kriechen wünschst ist widerwärtig in dem höchsten aller maße [...]* [Beethoven, 1912: 137].

Интересно отметить, что при других обстоятельствах подобные нарушения не наблюдаются, несмотря на общеизвестный факт о вспыльчивости и несдержанности натуры Л. ван Бетховена.

2.1.3 Социологический аспект эпистолярного наследия Людвиг ван Бетховена

При исследовании антропологического аспекта уже отмечалось, что письмо как средство коммуникации или беседы имело для Л. ван Бетховена, скорее всего, второстепенную функцию. С точки зрения элементов, входящих в социологический аспект по концепции К. Нихольма, в эпистолярном наследии Л. ван Бетховена следует выделить последние два аспекта – письмо как способ выражения индивидуального отношения к адресату и письмо как способ выражения степени интегрированности в современное составителю письма общество. Учитывая данные факты, обратимся к подробному рассмотрению трактовки Л. ван Бетховенным самого понятия индивидуального отношения к адресату письма, которое в тот период времени находило

выражение в следовании следующим, ранее представленным рекомендациям К. Геллерта:

1) отказ от употребления личного местоимения первого лица ед. ч. и соблюдение тактичности;

2) стремление к гиперболизации и предпочтительное использование при этом лексических средств, а также использование эвфемизмов.

Следует отметить, что Л. ван Бетховен адресует свои письма не столько указанному в тексте адресату, сколько самому себе. Исходя из этого, можно отметить чрезвычайно чуткое и лексически тонкое отношение к адресату, которое всегда индивидуально ориентируется на его настроение. (57) *Ich wüsste selbst gern, ob ich imstande Wäre, meine sehnsucht nach etwas Neuem zu stillen*, пишет Л. ван Бетховен летом 1804 г. графине Йозефине Дейм [Beethovens Briefe, 1977: 43], реагируя на ее вопрос о новостях. Он употребляет несвойственную ему форму вежливого конъюнктива (*wüsste gern, wäre imstande*), которая в данном контексте звучит как нарочито вежливая и почтительная форма обращения. Л. ван Бетховен любит философствовать, играть словами, будучи в поисках их истинного смысла, мистификации, например:

(58) *Und bin ich doch, was ich nicht bin, um's doch zu sein* [Beethoven, 1977: 39];

(59) *Mir wurd gegeben und genommen, und doch muss nehmen und geben stets gegeben sein* [Beethoven, 1977: 46];

(60) *Freunde muss man missdeuten, und dann sagen, sie täuschten uns* [Beethoven, 1912: 133]; 61) [...] *um klar zu sehen, sieht mir die Wirklichkeit nur unwahr* [Beethoven, 1922: 17].

Он использует так называемые этимологические фигуры (61) *An mir zu schaffen ist nunmehr nichts, als das Schaffen* [Beethoven, 1977: 67], (62) *Und bin ich doch, was ich nicht bin, um's doch zu sein* [Beethoven, 1977: 39], тавтологию (63) *Angst und bang, gar furchtsam fürchterlich wurd*

mir [Beethoven, 1912: 107] и сравнения (64) *Das Leben gleicht dem auf und nieder des Seins – ewiglich und dennoch endlich* [Beethoven, 1912: 113]. Его «Хайлигенштадтское завещание» (Heiligenstädter Testament) является неким манифестом о роли человека в мире, симбиозом признания, исповеди и последнего осознания своих взаимоотношений с людьми, миром и богом.

Письмо для Л. ван Бетховена, как отмечалось выше, является, в первую очередь, средством самовыражения и «сообщения о себе», но не обязательно другим людям: его письмо является не просто средством коммуникации с друзьями, а, скорее всего, универсальным средством коммуникации с окружающим миром. Подобное противоречивое отношение к письму можно объяснить болезнью композитора, которой он страдал с достаточно молодого возраста (29-30 лет). С первыми признаками заболевания началась его более интенсивная переписка с окружающим миром, которая с годами стала почти яростной, несмотря на его природную нелюбовь к написанию писем. Особую роль письмо приобретает для Л. ван Бетховена с того момента, как письменная речь становится единственным путем общения с окружающим миром. Он противопоставляет общество себе, видя во всех *die Anderen* («других», как он часто выражается) лишь противников. На первый план выступает противопоставление *ihr/die Anderen – ich*. В письмах композитор прибегает к такому противопоставлению *ihr...mir* в 5792 случаях употребления из обнаруженных нами 6312 (т.е. в 91,8% случаев). При этом в 4731 случае (т.е. в 74,9%) данное противопоставление сопровождается аккумуляцией (т.е. избыточностью как свойством стилистической функции) – (65) *O ihr Menschen die ihr mich für Feindseelig, störrisch oder Misanthropisch haltet [...] wie unrecht thut ihr meiner seele, meinem wesen, meinem Sein, [...] – ja mir, meinem Ich[...]* [Beethoven, 1977: 46].

(66) *Gottheit, du siehst herab auf mein inneres, du kennst es, du weißt, das Menschenliebe und neigung zum wohlthun darin hausen[...]* [Beethovens Briefe, 1977: 36], продолжает он, ища в Боге союзника. Эта черта отличает Л. ван Бетховена как автора эпистолярного дискурса от его современников. В то время как другие, в том числе, и *die Anderen* Л. ван Бетховена (что следует из писем-ответов на письма Л. ван Бетховена), ищут поддержку в «духовном друге» по переписке, которыми друзья по переписке были в XIX веке, Бетховен надеется найти этого соратника по духу, понимающего его, в Боге, потеряв веру в людей, что характеризует низкую степень интегрированности композитора в современное ему общество (согласно критерию К. Нихольма). Письма Л. ван Бетховена отличаются полемикой с самим собой через призму переписки с адресатом. Таким образом, обретаются индивидуальные черты, отличающие письмо Л. ван Бетховена от современной ему нормы. Пример (68) представляет анаколуф; последующие (69-75) содержат характерную для писем Л. ван Бетховена инверсию – употребление в предложении в начальной позиции лексических единиц, выражающих эмоции:

(67) *Und mir kann nichts verbleiben doch Nein! Ich fahre vort [...]* [Beethoven, 1977: 42];

(68) *Verzweifelt ist mir, verlohren auch [...]* [Beethoven, 1977: 106];

(69) *Ängstlich wurd mir* [Beethoven, 1977: 34];

(70) *Peinlichst berühret mir meine Seel [...]* [Beethoven, 1912: 16];

(71) *Gedrückt und mutlos muss mir zu ertragen [...]* [Beethoven, 1922: 101];

(72) *Gebrochen zu sein wurd mir beschieden* [Beethoven, 1922: 107];

(73) *Lieblischst berühret wurd mir* [Beethoven, 1922: 83];

(74) *Selig und bescheiden verbleibend [...]* [Beethoven, 1912: 45],

(75) *Frohgemutigst wurd mein musikalisches Werk, denn frohgemutigst ist mein Sinn (...)*[Beethoven, 1977: 69].

Примеры (76-78) представляют собой коллокации:

(76) *tiefeste verzweiflung,*

(77) *größte angst,*

(78) *ärgerstes leid* [Beethovens Briefe, 1977: 62, 71, 74].

Пример (79) *Nichts, das mir wichtig ist, als mein wichtigstes, mein heiligstes* [Beethovens Briefe, 1977: 63] иллюстрирует использование автором письма этимологической фигуры.

Следует отметить, что для Л. ван Бетховена в письме имеет значение не столько разговор с адресатом и его реакция, сколько его собственное «я» («ich»). Письмо для него – способ выражения собственного отношения к адресату, но только в рамках сообщения ему частицы себя, мыслей и чувств, беспокоящих его самого, вне зависимости от «запроса адресата» («addressee request» по определению Д. Джилл [Gill, 2010: 47]).

Итак, Л. ван Бетховен противопоставляет себя «другим» и обществу, не видя себя частью человеческого социума, ощущая себя вечным изгоем – (80) *Jeden Tag gelange ich mehr zu dem Ziel, was ich fühle, aber nicht beschreiben kann* [Beethovens Briefe, 1977: 33], пишет он своему приближенному другу,

(81) *[...] was nur tun, wenn nichts geblieben, außer der Frage nach dem Sinne? [...]* [Beethovens Briefe, 1977: 33-34]. Так, его самоидентификация как части социума становится невозможной по определению.

(82) *Welche Demüthigung wenn jemand neben mir stund [...] und ich nichts hörte, solche Ereignisse brachten mich nahe an Verzweiflung [...]* [Beethovens Briefe, 1977: 72], жалуется он, видя причину своей отдаленности от «других» в своем тяжком недуге.

Из вышесказанного следует, что, в рамках социологического критерия К. Нихольма, письма Л. ван Бетховена в некоторой степени соответствуют нормам и правилам, принятым в тот период времени.

Они проникнуты духом своего времени и духом взаимодействия личности и общества – однако, дух взаимодействия основан не на интеграции личности в общество (как того требует правило), а на полном противопоставлении личности композитора обществу: (83) *Andre werden nie verstehn was ich erlitten und erleide!* [Beethovens Briefe, 1977: 75]). В этом ярко проявляется бунтарство композитора, его неординарный характер. Так, он пишет (84) *Mir scheint mein Sein wurd dem widerstande gewidmet* [Beethovens Briefe, 1977: 24]. Лексемы *Widerstand, widerstehen, gegenhalten, (um)kämpfen* встречаются в каждом письме другу без исключения, отражая не только восприятие композитором его окружения, но и восприятие Л. ван Бетховена его окружением. Как поясняет Д. Джилл, в «понимающем» окружении, будучи полностью интегрированным в него, нет и необходимости в сопротивлении («In an ‚understanding‘ environment, being totally integrated, there is no reason to resist or withstand» [Gill, 2010: 119]).

2.1.4 Лингвоэстетический аспект эпистолярного наследия Людвига ван Бетховена

Жанрово-стилистические особенности эпистолярного жанра XIX века получили в целом некоторое отражение в эпистолярном наследии Л. ван Бетховена. Несмотря на отчужденность композитора от современного ему общества, его речь, тем не менее, является продуктом его социального окружения и его эпохи. Отсутствие финитной формы глагола, являющейся специфической отличительной чертой письменной речи в XIX веке, весьма распространено и в письмах Л. ван Бетховена: (85) *Herzallerliebster Freund! Wie ich dir bereits geschrieben, so ich mich wohl erinnere, da mit nicht wohl gewesen[...]* [Beethovens Briefe, 1977: 59], пишет он Францу Брунскику.

Опущение буквы «е» в окончании глагола –en и присоединение местоимения *es* к предшествовавшему глаголу (например, *könnens*

вместо «können es», *mirs* вместо «mir es») – тоже типичные черты языка Бетховенской современности.

Л. ван Бетховен выработал свой индивидуальный стиль письма. Он последовательно отказывается от преобладающего использования конъюнктива *II*, типичного для того времени. В роли заменителей выступают модальные глаголы. Так, в среднем у композитора в каждом письме встречаются 90 модальных глаголов, из них 68% (11872 глагола из 17460) выполняют собственно функцию заменителя конъюнктива: это преимущественно глаголы *können* (52%) и *dürfen* (16%). Чрезвычайно интересным является образование композитором императива от модальных глаголов в нарушение грамматической нормы немецкого языка, например: (86) «*Können es! Dies ist mein Wunsch, ja, mein Befehl!*» [Beethoven., 1922: 89]. Это явление можно считать яркой индивидуальной особенностью стиля Л. ван Бетховена. В повелительном наклонении – императиве стоят 36% из упомянутых 68% модальных глаголов, т.е. 4274 модальных глагола, выполняющих функцию заменителя конъюнктива из 11872 модальных глаголов, присутствующих в проанализированном нами эпистолярном наследии. Замена форм конъюнктива модальными глаголами представляет собой важную характеристику письменной речи Л. ван Бетховена, которая подтверждает отступление композитором от рекомендаций К. Геллерта.

Письма композитора содержат целый ряд и других отличительных черт. Избираемая Л. ван Бетховенем форма обращения к адресату, в целом, соответствует правилу «публичной интимности», принятой в письме того времени. Ко всем своим друзьям он обращается не иначе как «дорогой друг» во всех видах и формах. По рекомендациям К. Геллерта, однако, следовало обращаться по имени, в случае наличия у адресата титула или чина – упомянуть и их, вне зависимости от личностных отношений участников переписки, даже в случае наличия родственной связи. У Л. ван Бетховена обращения по

имени крайне редки и присутствуют, как правило, только тогда, когда следует досадное для адресата содержание самого письма – например, 16-го ноября 1801 года он пишет другу Францу Вегелеру: (87) *Mein guter Wegeler [...]* (Мой хороший Вегелер! [...]) [Beethovens Briefe; dt. Bibliothek in Berlin, hrsg. H. Leichtentritt, 1905: 30]). Композитор сетует далее на чрезмерно выраженный интерес Вегелера к скорости продвижения своего нового проекта, употребляя выражения, грубо нарушающие рекомендацию К. Геллерта относительно тактичности, упоминая адресата в 3-м лице единственного числа, т.е. погружаясь в письмо как средство самовыражения – (88)[...] *da meint er, in mir heraushorchen zu dürfen [...]* *mir kommt er, der Nachlässigste, Liederlichste, mit der ordnung [...]* *mir soll er – Oh, wie schmerzhaft ists! Mir soll er da vom leibe beiben* [Beethovens Briefe, 1912: 30-31]. При этом наблюдается стремление к гиперболизации с использованием определенных лексических средств, что соответствует рекомендации К. Геллерта: чтобы добиться хорошего вкуса нации, нужно использовать все возможности образности, а не плутать в грамматических дебрях («Wenn man auf den guten Geschmack einer Nation einzugehen wünscht, so muss man die Worte und Wege für die bildreiche Nutzung ebenderer nutzen, statt sich auf das Schwerste mit grammatischen Flosken zu vercalculieren») [Gellert, 1854: 417]. Следуя будто бы напрямую данной рекомендации, Л. ван Бетховен использует преимущественно гиперболы, реже метафоры: (89) *Mir wird in tausendfacher Pein beschieden [...]* [Beethoven, 1912: 85], (90) [...] *mein Engel, hundert Herzen eilen in Lieb dir entgegen* (письмо от 14.07.1806 другу и на тот момент издателю последнего творения Л. ван Бетховена) [Beethoven, 1977: 104]. Помимо этого у Л. ван Бетховена в обращении часто встречается превосходная степень прилагательных, что также можно рассматривать как определенное соответствие вышеупомянутому критерию К. Геллерта в широком его трактовании. Л. ван Бетховен не ограничивается в своих письмах исключительно

лексическими средствами выделения значимости для себя адресата, например: (91) *Liebster..., Bester..., Teuerster... Wertester...*), он прибегает и к дополнительным средствам выразительности речи – например, к грамматическим (92) *Herzallerliebster! Mir wurd gesagt [...]*), что вполне можно рассматривать как именно «bildreiche Nutzung», многогранное, красочное использование языка.

Использование превосходной степени прилагательных принципиально характерно для письменной речи Л. ван Бетховена и его способа выражать свои мысли, что позволяет предположить у него наличие стремления к приданию своей речи дополнительного экспрессивно-эмоционального нюанса. Интересно отметить, что в большинстве своих писем Л. ван Бетховен не только обращается к своим адресатам, используя превосходную степень прилагательного, но и обозначает таким образом всех лиц, о которых в письме идет речь (93) *[...]der Verleger – der Beste[...]*).

За простыми грамматическими зависимостями Л. ван Бетховен скрывает иногда сложные референциальные отношения (соотнесенность языковых выражений с объектами действительности): (94) *der widerlichste wurd gepeinigt, er kam und dennoch nicht umhin ihm vergeben zu können*» [Beethovens Briefe, 1977: 157]. *Der widerlichste, er* и *ihm* – три разных человека, – что относится уже к сфере семантики и прагматики (к когерентности текста), о чем более подробно речь пойдет в следующей главе.

2.1.5 Исторический аспект эпистолярного наследия Людвиг ван Бетховена

Вследствие исключительности личности композитора и прожитой им жизни, а также необычности его заболевания, исторический аспект эпистолярного дискурса присутствует в его наследии весьма специфично.

Автобиографическая составляющая выражается в эпистолярном наследии Л. ван Бетховена сквозь призму самовыражения, т.е. автобиографические элементы используются композитором в письмах сугубо как средство самовыражения. Так, например, он пишет 10 августа 1810 г. Беттине Бретано: (95) *Mir fühlt es sich, als wurd kein Frühling schöner als der heurige, weil ich Ihre bekannschaft gemacht, und doch war mir gestern wie einem Fische auf dem Sande*», имея в виду свой недуг, что, несомненно, можно отнести к категории автобиографической составляющей. Подобные высказывания встречаются часто, причем как в письмах другу: (96) [...] *dieses wichtigste ereignis* (принятие манускрипта сонаты для фортепиано – прим. Л.А.) *wurd mir überschattet von meinem Leiden, dem allgegenwärtigen*» [письмо от 16 сентября 1812 г. г-же Зебальд], так и в письмах, имеющих более формальный характер: (97) *Mir wurd ihr Egmont so nahe mit jedem male da ich ihn gelesen, und trotz meines Leidens wurd er mir gedacht, gefühlt und in Musik gegeben* [...] [письмо от 12 апреля 1811 года В. фон Гёте]. Примеры иллюстрируют нарушение стилистической нормы того времени путем использования повторного преувеличения.

Важные события своей жизни композитор подробно описывает в своих дневниках, которые, как отмечалось выше, чрезвычайно подробно документируют каждый день. Следовательно, необходимо разграничить дневники Л. ван Бетховена и его письма (собственно эпистолярное наследие), и, таким образом, можно сделать вывод, что автобиографические черты играют лишь второстепенную роль в эпистолярном наследии Л. ван Бетховена.

В отличие от большинства своих современников, живших, как и Л. ван Бетховен, в эпоху бурного развития исторически важных событий, Л. ван Бетховен весьма неохотно отражает их в своих письмах, т.е. мало использует письма для осознанной интерпретации исторического или социально-экономического контекста. Для

комментирования происходящего вокруг он снова прибегает к своему дневнику, где с поразительной тщательностью фиксирует все интересующие его события и собственное мнение о них, в то время как в письмах для него не существует таких тем, как политика, война, правительство или революция, также как и вопросы идеологии, как только они выходят за рамки творческой интерпретации музыкальных догматов. Таким образом, можно констатировать, что письмо не рассматривалось Л. ван Бетховенем как площадка для осознанной интерпретации социоэкономически-идеологического контекста своей современности. Однако важно отметить, что Л. ван Бетховену как приверженцу демократических преобразований и стороннику идеи о едином государстве не удастся всецело избежать выражения своей точки зрения в письмах. Так, он пишет, не углубляясь далее в эту тему, в письме своему другу К. Аменде в 1804 г.: (98) *Ist der auch nicht anders, wie ein gewöhnlicher Mensch! Nun wird er auch alle Menschenrechte mit Füßen treten, nur seinem Ehrgeize frönen; er wird sich nun höher, wie alle Anderen stellen, ein Tyrann werden!* (И этот тоже ничто иное, как простой человек! Теперь и он будет топтать права человека ногами, потакать лишь своему честолюбию, он будет ставить себя выше всех других и станет тираном!) [Beethoven, 1912: 164-165], имея в виду коронацию Наполеона, хотя это событие заставило его не только снять посвящение со своей третьей симфонии, но и даже уничтожить значительную часть ее партитуры. Это событие – уничтожение собственного творения – как и другие, связанные с его творческой деятельностью, в свою очередь, получают большое значение в его эпистолярном наследии и занимают немалую его часть.

Л. ван Бетховен не только позволяет себе интерпретировать собственные труды, но и дает очень подробные инструкции к их интерпретации, вне зависимости от степени взаимосвязанности адресата с миром музыки – например, он пишет графине Йозефине: (99) *Sie*

werden sehen, meine Piece – ich schicke sie umgehend – ist im piano gespielt vorzüglich, im forte jedoch desastroes[...] [Beethoven, 1912: 198], хотя она, как известно, в возрасте более восьмидесяти лет и будучи абсолютно глухой не могла извлечь какую-либо пользу из его указаний. Таким образом, можно сделать вывод о том, что письмо рассматривалось Л. ван Бетховенным как площадка для интерпретации в первую очередь своей творческой деятельности, причем не только лично композитором, но и его окружением.

2.2 Лингвистическая ценность эпистолярного наследия Рихарда Вагнера и понятие «Письмо Вагнера» («Wagner'scher Brief») в контексте эпистолографии

2.2.1 Проблема доступности эпистолярного наследия Рихарда Вагнера

Изучение эпистолярного наследия Р. Вагнера сопряжено с рядом проблем, одной из которых является степень доступности писем исследователю. С одной стороны, письма Р. Вагнера собраны и изданы в отдельных сборниках под редакцией ученых разных направлений и легко может возникнуть впечатление, что все без исключения письма, когда-либо написанные автором, представлены читателю в их полном объеме. Письма, изданные в немецких сборниках, нередко рассматриваются по определенным аспектам; причем подобные издания ссылаются только на критерии, по которым отбирались письма, не конкретизируя и не давая оценки общему объему имеющегося эпистолярного наследия.

Письма, содержащиеся в печатном издании эпистолярного наследия, принято называть «охваченными» [Altmann, 1904: VIII (предисловие)]. Однако, даже в так называемых «полных собраниях» («Gesamtausgabe») писем речь может идти лишь о некой подборке, сделанной скорее не издателем, а случаем, позволившем сохраниться или бесследно исчезнуть письмам. Таким образом, возникают

непредвиденные сложности для анализа эпистолярного наследия, когда автор ссылается в своих письмах на написанные им в определенный период времени другие письма, связанные по содержанию или тематике с анализируемым письмом. Так, Рихард Вагнер пишет 12 сентября 1872 г. незадолго до переезда в Байройт Фридриху Юстусу Риделю: (100) *Ich habe mich seit gestern beynahe blind an Briefen geschrieben, und nun muß ich aufhören [...]* [Altmann, 1904: 447-448].

Затруднительно оценить, о каком количестве писем идет речь, так как до наших дней дошли лишь два письма длиной в страницу, что вряд ли могло заставить Р. Вагнера выразить свою усталость подобным образом, в связи с его, как он и сам признавал, похожей на одержимость любовью к их написанию.

Вторая проблема, возникающая в связи с эпистолярным наследием Р. Вагнера — его переписка с известными общественными деятелями и деятелями искусства XIX века, чьи потомки все еще живы и обладают правами на наследие своих предков. В некоторых случаях, как, к примеру, в случае переписки с Францом Шоттом или г-жой Ц. Аденариус, оригиналы писем композитора находятся в собственности членов семей адресатов, которые пользуются безусловным правом распоряжаться ими по своему усмотрению, скрывая их от общественности. Так, из ответа г-жи Ц. Аденариус можно сделать вывод, что 7 января 1862 Р. Вагнер писал ей. В письме содержалось поздравление с недавно наступившим новым годом, так как она благодарит за него, но о чем еще шла речь в этом письме и почему Цецилия Аденариус очень резко высказывается относительно дальнейших планов [письмо от 14 февраля 1862г., Bayrisches Hauptstaatsarchiv online] Р. Вагнера, и в какой форме (лексико-стилистическое оформление) он сообщил о них, можно лишь догадываться.

Помимо этого, архив семьи Р. Вагнера открыт для общественности только частично. Например, большая часть переписки Р. Вагнера с королем Баварским Людовиком II (около двух пятых всего объема переписки по Альтманну) была закрыта по воле самого композитора для исследователей на 50 лет после его смерти; впоследствии его внук Вольфганг Вагнер (1919-2010) в своем завещании запретил доступ к этой части архива.

Таким образом, потомки Р. Вагнера могут формировать мнение исследователей и влиять на него, предоставляя или закрывая им доступ к определенным экземплярам его эпистолярного наследия. В силу немецкого законодательства у научного сообщества нет реальной возможности влиять на данный процесс.

Письма Рихарда Вагнера обладают особенностями, отличающими их семантически и лингвистически от стандартного, характерного для его современников письма. Язык писем Р. Вагнера эгоцентричен, ненормативен, требователен, стилистически разнороден и воплощает в себе нарушение большей части норм письмовников XIX века. Термин «Wagner'scher Brief» как обозначение радикально отличающегося от стандартов письма был введен одним из создателей общества последователей творчества Р. Вагнера, «вагнерианцем» Б. Фёрстерсом (B.Försters, 1843-1889). Он трактует понятие «Wagner'scher Brief» как «письмо, написанное гением, стоящим над простыми смертными» («[...] ein Brief, von einem Genius geschrieben, der über den Vergänglichsten steht [...]» [Prawy: 244]. Термин не обладает широким распространением. Он, как правило, используется лишь в среде «вагнерианцев». Рассматривая понятие более подробно, можно обнаружить несомненное сходство писем Р. Вагнера и Л. ван Бетховена по критериям «вагнерского» письма, что, таким образом, лишает эпистолярное наследие Р. Вагнера статуса исключительности с позиции «вагнерианцев», с одной стороны, и открывает неизвестную до сих пор

область исследования для лингвиста — с другой стороны, в связи с тем, что эпистолярное наследие Р. Вагнера еще не было сопоставлено или сравнено с другими.

2.2.2 Психолого-антропологический аспект эпистолярного наследия Рихарда Вагнера

С точки зрения того, как в сознании автора рождается намерение написать письмо, эпистолярное наследие Р. Вагнера не подлежит однозначной классификации, как это возможно с эпистолярным наследием Л. ван Бетховена. Р. Вагнер не ограничивается реакцией на события любого уровня человеческого существования, он — источник любого рода изменений. Интересен тот факт, что инициатором переписки композитор выступает преимущественно в отношении женщин либо коллективного адресата «общество». Письма Р. Вагнера определяются как активное действие сознания. Так, в его письме г-же Лаубе [29.04.1840; Altmann, 1905: 8] в каждом третьем-четвертом предложении встречается упоминание о желании продолжить и сохранить переписку – (101) [*...Jerneut von Ihnen zu lesen – welche freude, welche glückseligkeit*, (102) [*...]frohlocke, diese Zeilen haltend in der Hand*, (103) «[...] *so teuer und lieb sind Ihre Schreiben Mir [...]*. Несмотря на то, что Р. Вагнеру, по свидетельству его современников, было свойственно немного утрировать, такой подбор лексики (*freude, frohlocke, glückseligkeit, teuer und lieb*) кажется все-таки своеобразным с учетом того, что данная дама являлась супругой однажды консультировавшего Р. Вагнера врача, была почти на двадцать лет старше и, скорее всего, очень сдержанно реагировала на стремление композитора продолжать письменное общение, которое в итоге просуществовало до конца ее жизни и никогда не переходило грани принятых в данную эпоху правил приличия. В отличие от Л. ван Бетховена, Р. Вагнер не стремится к минимизации своей переписки. В письмах Р. Вагнера обнаруживается

стремление к сообщению своих мыслей, к взаимодействию с кругом своих адресатов.

В то время, как он в «открытом письме» или в письме к даме спокойно переходит от приветствия к сути – (104) *Auf meine folgende Frage antworten Sie mir doch bitte baldigst ganz einfach mit Ja oder Nein [...] (09.01.1840 an Frau Dr. Laube) [Altmann, 1905:8], (105) gleich möchte ich Ihnen mitteilen, dass [...] (20.11.1851 an Julie Ritter) [Altmann, 1905: 53]* — его письма адресатам мужского пола по лексике сдержаны и ограничиваются передачей необходимой информации.

Р. Вагнер не страдает никаким физическим недугом, тем не менее, возникает впечатление, что его коммуникация с окружающим миром ограничена, настолько сильно фиксирована его письменная речь на себе самом, на местоимении «я». Роль письма как «душевного облегчения» в отношении него нельзя отождествлять с ролью письма как средства самовыражения. В своих письмах Р. Вагнер пытается всячески выразить себя, свои взгляды, свои мысли, свои суждения, но рефлексия фактически полностью отсутствует. В эпистолярном наследии Р. Вагнера в среднем каждое четвертое слово — местоимение *ich*, в среднем каждое третье — притяжательное местоимение *mir*. За исключением некоторых писем его другу и коллеге Ф. Листу [nach Liszt – 1853, nach Wagnerschem Archiv – undatiert] всегда в сочетании с притяжательным местоимением в первом лице единственного числа употребляется местоимение второго лица единственного числа или третьего лица множественного числа - *du mir* или *Sie mir*. Автор писем не ощущает себя как часть окружающего его мира, данная жанрово-стилистическая особенность эпистолярного жанра [Vellusig, 2000: 259-260] у Р. Вагнера приобретает новое изложение — Р. Вагнер господствует над окружающим миром, а люди и события в нем, общество, время — все это подвластно ему. Р. Вагнер не противопоставляет себя обществу, когда пишет о «них» (*die, sie* - письма

супруге Козиме Вагнер и др.) [Altmann, 1905: 39, 40, 42, 43 etseq.], включая в это понятие и адресата письма; он не видит противников, он видит подчиненных. С позиций психолого-антропологического аспекта, Бог для Р. Вагнера не искомый союзник, как для Л. ван Бетховена, а равный ему по силам и власти. Когда он пишет Э. Хенслику, что будет властелином музыкального мира: (106) *der Beherrscher der musikalischen Welt* [Altmann, 1905: 149], он имеет в виду вовсе не мир творчества, а Вселенную, так как другого мира для него не существует: (107) *die musikalische Welt ist die wahre Welt, die ein Weltempfinden erst ermöglicht. Ohne letzteres ist das jedoch jenseits des empfindens* (27.04.1847 an Julie Ritter). О своей роли Мессии Р. Вагнер пишет неприкрыто и самозабвенно: (108) *[...]die Wahrheit erfahren zu dürfen als Einziger, Der Einzige, sie zu kennen, zu begreifen, zu verstehen – O Wohltat! [...]*, используя анаколуп и повторные преувеличения. В связи с этим Р. Вагнер исходит из позиции, что духовного друга по переписке у Мессии нет и не может быть: традиционная в XIX веке роль такового в переписке Р. Вагнера не наблюдается. Более того, он однозначно отвергает возможность использования письма как средства душевного облегчения или самоанализа в том значении, которое вкладывается в это понятие К. Нихольмом – «Bekanntnis». Интересно заметить, что именно однокоренной глагол «bekennen» используется Р. Вагнером для констатации им факта, что письмо данной функции для него не имеет: (109) *[...] was sollte Ich da schreyben, wenn all meyne Gedanken und Bestreben offenliegen so daß mir nichts weyter zu bekennen bleibt im brieffe [...]* [Altmann, 1905: 126]. Рассматривая письмо как некую форму исповеди, можно утверждать, что Р. Вагнер использовал письма в данном значении, однако, в бóльшей степени как исповедь для потомков, формальную исповедь, которая будет зафиксирована письменно и передаваться из поколения в поколение: (110) *Meyn teuerstes Gedankengut verdient es, überliefert zu werden, und so setze ich all*

meyn bestreben daran, es niederzuschreyben nach bestem wissen [Altmann, 1905: 250]. Более того, пребывая в уверенности об исключительности роли своего существования, Р. Вагнер не ищет понимания и поддержки у Бога, не считается с ним вовсе в письмах. В эпистолярном наследии Р. Вагнера не обнаруживается ни единого упоминания Всевышнего вне контекста сопоставления собственной персоны с ним: в 100% случаев после слова, обозначающего Бога (*Schöpfer, Allmächtiger, Herr* и др.) следует по сути сравнение *wie ich*, где вместо лично местоимения первого лица ед. ч. стоят формы антономазии, описывающие особые качества автора письма: (111) [...] *wie mein Genius*, (112) [...] *wie meine Meisterhand* [Altmann, 1905: 49,77]. Непокколебимая вера в себя и свои силы делает письма Р. Вагнера самодостаточными, не ожидающими, а либо требующими ответа, реакции на них, либо ставящими точку, будучи уверенной реакцией. Возможно поэтому он не допускает типичной для того времени духовной близости партнеров по переписке, он реагирует резко, проявляя определенную долю инфантилизма и детских капризов: (113) *Ich wünsch es nicht, dass du mir damit kommst! Ich wills nicht und so bleibt es! Ich wills nicht [...]* – Brief an Th. Uhlig vom 15.01.1850) [Altmann, 1905: 65].

Р. Вагнер никогда не ориентируется на регламенты письмовников. Выражение своих эмоций — любого рода и, что главное, любой интенсивности — для него вовсе не табу. Как и Л. ван Бетховен, Р. Вагнер всецело отдается чувствам, овладевающим им во время написания, нарушая общепринятый стиль письма. Например, часто неосознанно он использует апосиопезы и восклицания, хотя они не являлись рекомендуемым средством в составлении письма. Сравним письмо Р. Вагнера Т. Улих от 07 февраля 1852 со свидетельством современника, дирижера и мецената Отто Везендонка, которое датируется началом 1853г. Р. Вагнер пишет о себе: (114) [...] *ich, als höchst begabter Auserlesener [...]*, ставя себя выше других, и продолжает:

(115) [...] *ich will und werde die verschriebene Kur nicht halten [...] wer ist man, das mans mir vorschreiben möcht [...]*, открыто заявляя, что никто ему не равен и, соответственно: (116) [...] *ich fordere, das du mir beipflichten tust [...]* – все должны следовать его мнению. Через несколько предложений письмо из жанра «Protestschreiben» переходит в жанр письма другу «Freundschaftsbrief», где допустимо писать об эмоциях – (117) *wie glücklich bin ich, an dem neuen motiv zu arbeiten [...] und endlos schön ist das Geschaffene, tadellos [...]*, а в следующем предложении налицо типичное письмо-прошение «Bittstellerbrief» с завершающей письмо просьбой (118) *die mir ausgelegte summe doch zu meinen gunsten um weitere fünfzig taler zu erweitern [...]*. Подобная смесь разножанровых содержательных компонентов в письме, по представлению К.Ф. Геллерта, противоречит стремлению к ясности и простоте речи. Несомненно, причину подобного нарушения следует искать в самой сущности Р. Вагнера. По мнению О. Везендонка, в Р. Вагнере поражала, с одной стороны, капризная детскость поведения, с другой стороны – неприкрытое возвеличивание своей роли, его умение несколькими музыкальными аккордами создать щемящую проникновенность... как он умел то разрыдаться, то в следующий момент уже бушевать от радости... [DIE ZEIT, 2013: 17]. Все перечисляемые О. Везендонком элементы поведения наблюдаются и в структуре письма Р. Вагнера – характерными отличительными чертами письма Р. Вагнера всегда служат превознесение самого себя, стремление к роскоши и подчинению окружения, чрезмерное употребление повелительного наклонения, просьбы о финансовой поддержке, с трудом не называемые попрошайничеством.

Так, рассматривая психолого-антропологический аспект в эпистолярном наследии Р. Вагнера, можно утверждать, что эгоцентричность характера Р. Вагнера позволяла ему пренебрегать всеми установленными нормами составления письма и выражаться

письменно, не ограничиваясь регламентами письмовников – в общем, и рекомендациями К. Геллерта – в частности. Таким образом, из всех выделяемых К. Нихольмом элементов, входящих согласно его классификации в психолого-антропологический аспект, в эпистолярном наследии Р. Вагнера на первый план выступает проекция черт/структуры характера.

2.2.3 Социологический аспект эпистолярного наследия Рихарда Вагнера

Рассматривая эпистолярное наследие Р. Вагнера в социологическом аспекте, нельзя не отметить, что на основе некоторых письменных трудов ему принято приписывать националистические и антисемитские взгляды. Основанием для подобных суждений служат его публицистические труды, например, «Das Judenthum in der Musik» (1850 г., второе, дополненное Р. Вагнером и еще более резкое по содержанию издание в 1868г.), где он выступает за националистические идеалы и против представителей еврейского народа и иудаизма в целом, не ограничиваясь сферой культуры и искусства. Данная проблематика рассматривается рядом специалистов как истории, так и лингвистики [Hansen, 2013; Weikl, Bendixen, 2012; Werr, 2014]. Однако, вопрос, насколько данные взгляды отражены в эпистолярном наследии Р. Вагнера и какое значение они имеют, какая роль им приписывается в эпистолярном наследии Р. Вагнера — исследован недостаточно. У Вольфрама Гёрца [Goertz, 2013] встречаются упоминания о наличии антисемитских высказываний в эпистолярном наследии Р. Вагнера, но исследователь не углубляется в эту тему.

При исследовании писем Р. Вагнера по классификации К. Нихольма на первый план выступает последний (четвертый) пункт выделяемого им социологического аспекта — способ выражения степени интегрированности в современное составителю письма общество и его с ним взаимодействие. В связи с тем, что стиль и

особенности языка в эпистолярном дискурсе обуславливаются политическими взглядами автора, которые находят отражение практически во всех проанализированных письмах. В письмах Р. Вагнера присутствует лексика эмоционально-оценочного стилистического значения с экспрессивной окраской, например: (119) [...] *sie schieben uns Christen stets beiseite* [письмо декабря 1852г., дата неизвестна, Altmann, 1905: 138] или (120) [...] *ein fremder stamm, der eine Große Nation beherrscht* [...] [письмо от 11.10.1856; Altmann, 1905: 213].

Поскольку антисемитские взгляды были свойственны, прежде всего, тем кругам общества середины XIX века, в которых вращался Р. Вагнер, для подробного ознакомления с особенностями письма необходимо обратиться к переписке Р. Вагнера 1850-х годов, когда его желание изменить существующий общественный порядок обретает конкретность и выражается в своеобразной версии приверженности марксистской теории революции. Как утверждает экспертами-историками [Вольф, 1987; Bauer, 2003; Левик, 1978; Лосев, 1978; Гофман, 1997; Louis, 1898; Кравцов, 2006], он видел необходимость свержения «еврейского капитализма» для предоставления искусству возможности развития и осуществления идеалов. В языке писем подобное видение мира находит следующее отражение: (121) *Der Jude (ist) an sich unfähig* [...] *sich uns künstlerisch kundzugeben* пишет Р. Вагнер пастору А. Штёкеры, 23.07.1850 г.; [Zeit.Geschichte.Wagner, 2013: 75]. Это одно из первых однозначно антисемитских высказываний, встречаемых в эпистолярном дискурсе Р. Вагнера. Далее, в переписке с Полем де Лагардом, Отто Глагау, Вильгельмом Марром встречается следующее высказывание: (122) [...] *sie (die Juden – прим. Л.А.) haben den Liberalismus missbraucht, um sich Macht zu sichern* [...] (письмо от 12.04.1853). [Altmann, 1905: 146], а также прилагательные *böswillig, widerlich, abartig*, носящие эмоционально-оценочный характер [Ibid]. Р. Вагнер пишет своей второй супруге Козиме Вагнер, например, о Ф.

Мендельсоне как о «трагической» и «не-немецкой» (*undeutsch*) личности [Altmann, 1905: 216]. Само понятие «евреи» он, как создается впечатление, пытается избегать в письмах. В отличие от публицистических трудов, в эпистолярном дискурсе мы встречаем либо местоимение третьего лица множественного числа, где далее сигнальные слова/ выражение, например, «танцующие вокруг Золотого Тельца» (123) *um das Goldene Kalb tanzende*, номинируют референт. Интересен тот факт, что Р. Вагнер, как правило, пишет сложными предложениями в среднем не менее 25 слов, но, высказывая свои взгляды на данную тематику, начинает выражаться более кратко, как правило, сложносочиненными предложениями в среднем с 16 словами, что создает впечатление обрывочности.

В письмах из переписки Р. Вагнера с Дж. Мейербером наряду с подобными фразами можно найти: (124) *Nehmen Sie meinen Kopf und mein Herz als Ihr Eigen [...]* [Altmann, 1905: 148], то есть Р. Вагнер предлагает разум и душу в дар своему коллеге, по мнению Р. Вагнера, заслуженному музыканту, который был евреем. В 1882 г. Р. Вагнер передает право дирижировать премьеру буквально священной для него оперы «Парцифаль» известному дирижеру и галахическому еврею Герману Леви; он пишет ему несколько писем, где трогательно высказывается о своем детище и уважительно обсуждает с Леви детали [Altmann, 1905: 539].

Что касается националистической идеологии, то в эпистолярном дискурсе Вагнера встречается скорее подтверждение его раздражения политическими реалиями, но вовсе не потому, что он видит опасность для будущего Германии в неразумной внутренней или внешней политике, а лишь по причине противостояния его художественным идеалам. Р. Вагнер пишет о «немецком творчестве», в котором и заключается для него националистическое мышление, следующее: (125) *[...] eine Revolution des deutschen Schaffens zu vollbringen. Dies konnte*

einem begabten Auserlesenen vorbehalten sein, der, durch und durch vollendeter Musiker, zugleich durch und durch anschauernder Dichter ist [Altmann, 1905: 149]. Под немецким творчеством он понимает, в сущности, только собственное творчество.

Так, на основании эпистолярного материала нельзя сделать однозначного вывода относительно политической настроенности Р. Вагнера. В эпистолярном дискурсе присутствует лексика, выражающая отрицательное отношение композитора к представителям отдельно взятой национальности или вероисповедания, например:

(126) [...] *der Zigeunerabschaum ist bemitleidenswert in seiner unwürdigkeit* [Altmann, 1905: 232],

(127) *Da du mir nun in meynem geiste schreybst, das Judenvolk ist jeder Musike aufgeschlossen, so muss ich dir nicht sagen, ich bin nicht fähig, in meynem Gedankengute nur etwas angenehmes von jenen zu erdenken* [...] [Altmann, 1905: 274],

(128) [...] *die Judäer sind gering, geringer noch in der Kleylichkeit ihres Verrates* [Altmann, 1905: 312],

(129) *Wucherer und Ungebildete – das ist das Franzosenpack, das ist mir das Offensichtliche* [Altmann, 1905: 331], но, в то же время, в переписке с отдельными представителями какого-либо меньшинства не содержится враждебно окрашенной лексики. Так, в 52% случаев в контексте упоминания иудеев (958 случаев из 1842) не встречается лексика отрицательной окраски или с наличием негативного вторичного значения. В эпистолярном дискурсе нет намеков на националистические убеждения. Лежащая в основе этих убеждений идея о превосходстве какого-либо — в данном случае немецкого — народа над другими у Р. Вагнера присутствует лишь в форме превосходства его как создателя нового музыкального и творческого мира над всеми другими представителями той среды. Несомненно, такая позиция является неоднозначной, но ее никак нельзя назвать националистической.

Следовательно, на основании эпистолярного наследия Р. Вагнера не оказывается возможным найти ни подтверждения, ни опровержения приписываемой ему полной степени интеграции в его окружение согласно критерию К. Нихольма. Таким образом, можно сделать вывод, что интеграция и интеракция на основании взаимопонимания с его окружением не являлись основополагающими факторами для Р. Вагнера при ведении переписки, что означает невыполнение эпистолярным наследием Р. Вагнера критерия «Integrationsgrad» социологического аспекта К. Нихольма в полной мере.

2.2.4 Лингвоэстетический аспект эпистолярного наследия Рихарда Вагнера

Язык письма Р. Вагнера отличается от языка писем его современников. Как уже отмечалось, именно данный факт послужил основанием для введения специального термина в эпистолографию – «Вагнеровское письмо». Об исключительности языка писем Р. Вагнера пишут как исследователи творческого наследия композитора, так и историки, и лингвисты [Vermbach, 2006; Heer, 2012; Gregor-Dellin, 1995]. В частности, М. Грегор-Деллин, английский ученый немецкого происхождения, исследует эпистолярный дискурс Р. Вагнера с точки зрения исторической лингвистики и социолингвистики. Он выделяет характеристики «языка Р. Вагнера», обусловленные спецификой его профессиональной деятельности и общественной среды, сравнивая с эпистолярным дискурсом современников и делая вывод об уникальности языка писем Р. Вагнера. Однако, на наш взгляд, подобные основания применимы и к другим представителям композиторской среды XIX века.

Обратимся вновь к критериям К. Нихольма для дальнейшего исследования жанрово- и функционально-стилистических, семантических и лексических особенностей языка писем Р. Вагнера.

Некоторые из особенностей эпистолярного жанра XIX века представлены и в эпистолярном наследии Р. Вагнера. Так, в письмах композитора редко встречается страдательный залог в претерите и плюсквамперфекте, стремление к гиперболизации соответствует лексико-стилевым критериям написания частного письма в Германии XIX века. Если в данном случае и можно говорить о речи как о продукте социального окружения и эпохи, то лишь в очень широком смысле. В письмах Р. Вагнера редко встречается финитная форма глагола, являющаяся обязательной в эпистолярном дискурсе XIX века:

(130) [...] *und da ich mich verpflichtet, bis zu der Aufführung zu bleiben, verweil ich nun hier.* (письмо Ш. де Лорбакот 06.11.1861) [Altmann, 1905: 318],

(131) [...] *Mich dünkt, dass du mir an das Stück gefesselt.* (письмо М.Везендонк от 21.12.1861) [Altmann, 1905: 320].

Приветствие с подобающей случаю лексикой, как правило, отсутствует. Р. Вагнер часто употребляет уменьшительно-ласкательные суффиксы с фамилиями:

(132) *Verehrtes Liszterlein* [...] [Altmann, 1905: 294; 303 et seq.],

(133) *Wertes Schottchen* [...] [Altmann, 1905: 317 et seq.].

Данные примеры свидетельствуют о нарушении норм составления письма с точки зрения соблюдения критерия «тактичности» К.Ф. Геллерта. Еще одна отличительная черта языка писем его современности — присоединение местоимения «es» к предшествовавшему глаголу (*mirs* вместо «mir es») вовсе не встречается в проанализированных письмах композитора. Замена конъюнктива II модальными глаголами и образование императивных форм от модальных глаголов последовательно используются композитором во многих письмах: (134) *Ich wünsch es nicht, dass du mir damit kommst! [...] Dürfe verstehen! Könne es! Dir solle es machbar sein!* – Brief an Th. Uhlig

vom 15.01.1850) [Altmann, 1905: 65-66]. Можно отметить непринятое в то время употребление форм императива:

(135) *Nun rede ich, du schweige!* [Altmann, 1905: 360],

(136) *Ich fordere, dass du mir entgegenkommst [...]* [Altmann, 1905: 367],

а также употребление эллипсиса:

(137) *Mein Wesen widerstrebte ihrem (Wesen), wie (ihren) Gesinnungen* [Altmann, 1905: 360];

(138) *Die Ruhe war (mir – прим. Л.А.) angenehm, jedoch nicht ihr (gemeint: Schaffenskraft – прим. Л.А.)* [Altmann, 1905: 173];

(139) *Unwiederbringlich klammere (ich mich – прим. Л.А.) an mein Werk, dies ist mein Sein!* [Altmann, 1905: 451].

Письма Р. Вагнера характеризуются графическим своеобразием. В архивных копиях оригиналов писем Р. Вагнер делает особенно большие и широкие пропуски между словами, стоящими до и после какой-либо формы местоимения первого лица единственного числа. Данный факт можно назвать неким визуализированным выражением эгоцентричного мировоззрения и графическим подтверждением значения письма как средства проекции черт характера, в том числе и в языковом отношении.

Чрезвычайно частое употребление личного местоимения первого лица единственного числа является предположительно одной из отличительных семантических характеристик писем композитора. В среднем каждое четвертое слово в эпистолярном наследии Р. Вагнера, сохранившемся и доступном в наши дни - «*ich*». Все без исключения письма, как неформальные, так и официальные, начинаются с этого местоимения. Оно присутствует в каждом предложении неоднократно. Каждое третье «*ich*» стоит в дательном падеже и сопровождается местоимением второго лица единственного числа, либо третьего лица множественного числа. Если местоимение первого лица единственного числа стоит в именительном падеже (6980 случаев), в 5793 (83%) из них

за ним следует прилагательное, стоящее в превосходной степени, в 100% (5793) данных случаев прилагательное имеет положительное значение. Таким образом, создается феномен, который исследователь А. Антон обозначает термином «*ich-Fixum*», а также «*ego-Feld*», то есть в письменной речи создается «поле», фиксированное на понятии «я» и фиксирующее значение окружающих слов на отношении к этому «я» («*ich-fixierende Bedeutungsreflexion*») [Anton, 1995: 69-73]. Можно утверждать, что Р. Вагнер создавал, таким образом, самостоятельно и нарочно некую искусственную изоляцию своей персоны.

Рассмотрим самый часто встречающийся пример – *sie* и *die* Р. Вагнера, отличающиеся по значению от *die Anderen* Л. ван Бетховена. С точки зрения семантических связей, *sie* и *ich* для Р. Вагнера — «комплементарные антонимы» [Lewis, 1970: 19]. *Sie* в эпистолярном наследии Р. Вагнера приобретает коннотационное значение незнающих «противников», которым противопоставит просвещенный «я», властелин мира (*Beherrscher der Welt* [Altmann, 1905: 533]) музыки в селективном значении и мира в целом как логически связанные элементы. По мнению Р. Вагнера, без «них» — непросвещенных – нет и неординарного и одаренного «я», более чем в 90% случаев (7954 из 8462) используется противопоставление «*sie*» и «*ich*».

Требование «искусственной естественности» К.Ф. Геллерта доводятся Р. Вагнером до абсурда. «Публичная интимность», принятая в письмах того времени, представлена постоянно, как правило, проявляясь в применении лексических средств, но беспорядочность и сумбурность в подборе лексики позволяют сомневаться в осознанности данного действия. В следующих примерах примечательно обращение:

(140) *Bester Eulzer [...] mit recht [...] glaubst du, dass ich von dir fortliefe, ohne mich umzusehen [...]*,

(141) [...] *du mir mit böartiger Natur*, но 142) *an Dir ich es erfahren*, *wie mir es ist, mit einem großartigen Charakter in Beziehung zu treten* [...] (письмо Я. Ольцеру от 01.12.1858г.) [Altmann, 1905: 250].

Простота выражений, пропагандируемая К. Геллертом, отсутствует, речь наполнена экспрессивно-эмоциональной лексикой. Интересно отметить, однако, что обращение к адресатам в форме превосходной степени прилагательного встречается не часто, лишь в 12% (46 обращений из 382) от общего объема.

Насколько рационально употребление вышеуказанных языковых средств с позиций составителя письма, вопрос чрезвычайно спорный. Теоретически любую лексику экспрессивно-эмоциональной окраски можно объяснить стремлением к пропагандируемой К. Геллертом «публичной интимности». Хорошо известно отношение Р. Вагнера к писемникам: по свидетельствам современников предписываемые стандарты он открыто высмеивал [см. Chamberlain, 1894: 845], следовательно, о стремлении к соблюдению норм К. Геллерта говорить нельзя.

Языковые фигуры, употребляемые Р. Вагнером, не нарушают содержательное восприятие, но нарушают принятые в то время нормы написания письма. Этому способствует *persuasio* автора, его приверженность к определенной точке зрения, собственному превосходству над окружающим миром, которое зеркально отражается в его речи, начиная с чисто формального компонента — употребление превосходной степени прилагательного и конструкции «личное местоимение второго лица единственного числа в именительном падеже + личное местоимение первого лица единственного числа в дательном падеже (*du mir*)» — и заканчивая семантическим компонентом, лексикой с исключительно положительным значением в отношении себя.

2.2.5. Исторический аспект эпистолярного наследия Рихарда

Вагнера

Рихард Вагнер являлся весьма значительной фигурой в историческом контексте, а также свидетелем эпохи новшеств и перемен. Помимо этого, он являлся и является до сих пор одним из самых сложно воспринимаемых и великих, но также и спорных композиторов XIX века. Данные факторы, разумеется, должны были отразиться на его жизни и найти определенным образом свое отражение в его эпистолярном наследии. Еще при жизни Р. Вагнер сам работал над своими автобиографическими мемуарами («Autobiographische Memoiren» [Hilmes (1), 2010: 118]), далее его вторая супруга Козима Вагнер работала над его биографией, а потом его секретарю было поручено составлять его вторую биографию. На основании этого можно предположить, что в эпистолярном наследии композитора вряд ли могли сохраниться автобиографические черты или комментарии жизни автора в соответствии с составляющими исторический аспект в концепции К. Нихольма. Однако, данное предположение оказывается ошибочным. Письма Р. Вагнера не только обладают вышеупомянутыми чертами, но и преднамеренно использовались их автором для распространения информации о жизни и его видении собственного существования и значения. Так, он пишет: (143) [...] *und durch diese schreyben soll wenigstens die welt von Mir und Meyner Gabe erfahren* [Altmann, 1905: 255-256], (144) [...] *meyn Gutdünken will mir nur schriftlich von den Lippen, meyn Sinnen kommt mir beym schreiben zu Worte* [...] [Altmann, 1905: 302]. Р. Вагнер как будто игнорирует факт наличия биографий, которые были задуманы и начали писаться уже на его 30-м году жизни. На основании его писем можно беспрепятственно реконструировать без исключения все события его жизни, так как каждое из них он подробно описывает. Будучи активным участником майского восстания в Дрездене весной 1849 г., он пишет, например, в

письме г-ну Винцеру: (145) [...] *der Dresdner Aufstand wahrlich ist mir auf das angenehmste zutheil gekommen* [Altmann, 1905: 394], несмотря на то, что после восстания Р. Вагнер находился в розыске и упоминанием в письме о восстании, своем имени и адресе сознательно содействовал своей поимке.

Интересно также, что вне зависимости от цели написания письма и его назначения, во всех без исключения доступных в архиве письмах Р. Вагнера имеется элемент интерпретации собственных трудов, как, например, в письмах, написанных по случаю выражения соболезнования в связи со смертью знакомого, так и в письмах, адресованных издателям своих трудов. Так, он пишет неизвестному адресату (имя адресата в архиве закрашено черным цветом): (146) [...] *von Ihrem Verlust zu hören tat mir sehr zuleide, doch dünkt mir, mein Parsifal würde Ihnen Erleychterung verschaffen, denn wissen Sie, mein Parsifal ist durch seyne symbiose der Musik mit der Mythischen Welt des Heyligen Graals von höheren Mächten beeynflusst* [...] (письмо от 28 сентября 1873 г.). Далее на две страницы следует описание особенностей оперы «Парцифаль»; какие-либо выражения, указывающие на первоначальное назначение письма, отсутствуют вплоть до предпоследнего предложения, только в самом последнем предложении перед подписью еще раз упоминается потеря супруга, из чего можно сделать вывод, что адресатом письма была представительница женского пола: (147) *Nun soll von mir nur erneut versichert werden, wie schwer Ihr Verlust Ihres Gatten mich traf*. [...] (письмо от 28 сентября 1873 г.).

Таким образом, можно резюмировать, что в эпистолярном наследии Р. Вагнера встречаются следующие составляющие исторического аспекта по К. Нихольму: автобиографические черты, комментарии жизни автора и интерпретация собственных трудов автором писем. Ввиду того, что интерпретация исторически объективного – социоэкономического и идеологического – контекста

происходит лишь сквозь призму отражения каких-либо событий в жизни и творческой деятельности композитора, говорить о наличии какой-либо интерпретации объективной современной реальности, на наш взгляд, не оказывается возможным.

Выводы по второй главе

1. Письма Л. ван Бетховена и Р. Вагнера носят противоречивый характер, сочетая в себе черты эпистолярного дискурса, свойственного XIX веку, и сугубо оригинальный собственный стиль. Руководствуясь критериями определения жанрово-стилистических особенностей эпистолярного дискурса в немецком языке, составленными Куртом Нихольмом, удалось установить, что письма композиторов отличаются фактически полным отсутствием употребления конъюнктива II, который заменяется модальными глаголами, что в нарушение рекомендаций К. Геллерта создает несвойственный тому времени стиль письменной речи. Особенно яркой индивидуальной чертой стиля обоих композиторов становится использование ими модальных глаголов в императиве, что по грамматическим правилам немецкого языка является невозможным.

2. Как Л. ван Бетховен, так и Р. Вагнер, нарушая каноны написания письма, закрепленные в письмовниках, и установленные К.Ф. Геллертом правила, пишут о собственной персоне, пользуясь не характерной для их современности грамматической единицей – личным местоимением первого лица единственного числа в дательном падеже (mir). Практически во всех случаях формулировка с наличием личного местоимения первого лица единственного числа в дательном падеже сопровождается личным местоимением второго лица единственного числа (du) или третьим лицом множественного числа (Sie), так что выделяется для обоих композиторов типичная конструкция «du mir» или «Sie mir».

3. С точки зрения стилистической нормы эпистолярное наследие Л. ван Бетховена отличается значительным использованием евфемизмов, гипербол и повторных преувеличений. В эпистолярном наследии Р. Вагнера наряду с повторным преувеличением значительное место занимают апосиопеза и восклицание. Указанные стилистические приемы нарушают требуемые К.Ф. Геллертом ясность и недвусмысленность в структуре письма.

4. Синтаксическое оформление писем Л. ван Бетховена характеризуется полным несоответствием эпистолярным нормам XIX столетия, что выражается в преимущественном использовании анаколума, большого количества инверсий и коллокаций. Р. Вагнер, как и Л. ван Бетховен, использует в синтаксическом оформлении своих писем прием анаколума и эллипсис, что противоречит правилам, сформулированным К. Геллертом.

5. Простота выражений, пропагандируемая К.Ф. Геллертом, отсутствует как у Л. ван Бетховена, так и у Р. Вагнера, в письменной речи композиторов преобладает экспрессивно-эмоциональная лексика, отличительной чертой является обращение к адресатам в форме превосходной степени прилагательного.

Глава 3. КОМПОЗИЦИОННЫЕ И КОММУНИКАТИВНО ЗНАЧИМЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ ЛЮДВИГА ван БЕТХОВЕНА И РИХАРДА ВАГНЕРА

В настоящей главе детальной рассматриваются структурно-композиционные особенности и коммуникативные стратегии писем Л. ван Бетховена и Р. Вагнера, что позволяет раскрыть схожие черты в языке писем обоих композиторов и в то же время показать их отличие от писем, написанных их современниками. Эпистолярное наследие композиторов анализируется с позиций концепции Г.-Й. Клаука об эпистолографии, М. Грегор-Деллина о коммуникативной стратегии, также рассматривается роль когерентности в эпистолярном наследии.

3.1. Эпистолярное наследие Людвига ван Бетховена и Рихарда Вагнера с позиций концепции Ганса-Йозефа Клаука об эпистолографии

Существенный вклад в понимание и развитие теории эпистолографии вносит концепция немецкого германиста и литературоведа Г.-Й. Клаука, которая представляет определённый интерес с позиций изучения различных жанровых разновидностей писем, в общем, и изучения эпистолярного наследия композиторов Л. ван Бетховена и Р. Вагнера, в частности. Эпистолярное наследие Л. ван Бетховена сохранилось и доступно для чтения в объеме 1467 писем, хотя композитором написано около 1500 писем. В работе анализируется 194 частных письма композитора. Эпистолярное наследие Р. Вагнера представлено более чем 1500 писем, в работе исследуется 261 частное письмо.

Необходимо отметить, что так называемые «Komponistenbriefe» («письма композиторов») – специальные письма-предисловия или письма-послесловия музыкальным издательствам в рамках публикации

того или иного музыкального произведения – не рассматриваются в концепции Г.-Й. Клаука, так как ученый однозначно выделяет обязательное наличие «персонифицированного адресата» как один из основных критериев для понимания какого-либо письменного текста как «письма» [Klauck, 2008: 6].

Итак, Г.-Й. Клаук видит в письме «половину некого диалога» (eine Hälfte eines Dialogs) [Klauck, 2008: 7], т. е. продолжение беседы, только несколько иным способом. Возникает вопрос о том, насколько реальными остаются тогда собеседники в подобном «диалоге».

Г.-Й. Клаук говорит о появлении «призраков» пишущих, согласно его мнению, письмо освобождает собственных внутренних демонов, которых стоило бы оставить в состоянии сна («...ein Brief befreit von eigenen inneren Dämonen, die man hätte schlafen lassen sollte») [Klauck, 2008: 24]. Можно сделать предположение, что письма в концепции Г. Клаука являются заменой дневниковых записей, а эпистолярия как такового (в его определении «литературы писем») не существует [Klauck, 2008: 26]. Получается, что исследование эпистолярного жанра утрачивает смысл.

Если рассмотреть видение эпистолографии Г.-Й. Клаука применительно к письмам Л. ван Бетховена, то на первый взгляд кажется нельзя не согласиться с учёным. Например, возникает вопрос о степени вероятности того, что Л. ван Бетховен мог в дружеской беседе рассуждать о сопоставлении себя с Всевышним. Как упоминалось выше, его дневники, а также дневники его ближайших друзей и соратников К. Аменда и Ф. Брунсвика не дают нам повода предполагать подобное. Однако, в письмах Л. ван Бетховен делится своими самыми сокровенными мыслями и чувствами, часто намного более «открыто и прямо» (148) *offen und gerade heraus* [Beethoven, 1977: 5]), чем даже в его собственном дневнике. Также и Р. Вагнер рассматривает письмо как средство передачи своих видений и мыслей, и отличие лишь в том, что

для Р. Вагнера понятие сокровенности не является определяющим. По мнению композитора, его знания и величие обязывают его делиться ими с окружающими. Таким образом, письмо для него выполняет некую функцию мультипликатора. Письма обоих композиторов не могут быть строго категоризированы исключительно как замена дневниковых записей, в особенности, если таковые имеются помимо эпистолярного наследия, что как в случае Л. ван Бетховена, так и в случае Р. Вагнера соответствует действительности.

Ранее уже отмечалось, что письма Л. ван Бетховена и Р. Вагнера обладают некоторыми общепринятыми в современном ему обществе характеристиками. Если в предыдущей главе рассматривались типичные лексико-стилистические черты, то теперь следует уделить внимание наиболее существенным структурным, композиционным признакам письма того периода. Одним из основных является так называемый прескриптум, открывающий текст письма. При его отсутствии или неполноте предполагалось автоматически, что данное письмо представлено лишь в копии или является черновиком. Прескриптум не следует путать с указанием адреса на оборотной стороне или конверте.

Основная форма прескриптума трёхчастна. Чтобы увидеть специфику писем Л. ван Бетховена и Р. Вагнера следует проанализировать один из самых древних сохранившихся примеров эпистолографии – экземпляр Апиейского письма (2 в. н. э.):

Arion Antonius Maximus	– <i>superscriptio</i> , указание имени адресанта в именительном падеже;
Erimachiom	– <i>adscriptio</i> , указание адресата в дательном падеже;
χαίρειν	– <i>salutatio</i> , приветствие в форме инфинитива.

Все три составляющие образуют одно предложение. Странным является при этом то, что за именительным падежом не следует

финитная форма глагола, а приветствие содержит инфинитив глагола (т. е. не форма *χαίρε* «Sei gegrüßt!»). Уже у грамматистов раннего средневековья данная устоявшаяся форма вызывала вопросы. Возможное объяснение можно найти в специфике изложения устного послания гонцом (Botenformel) как раннего вида коммуникации на расстоянии [Klausk, 2008: 36]. Гонец, вступая в помещение, говорит: «Следующее молвит (адресант в им. пад.) (адресат в дат. пад.)». К данной формуле добавляется некая «причина обращения» в инфинитиве, повод, по которому прислан гонец. Со временем эта формула была перенесена в письмо и сохранилась до середины XIX в. в письмовниках, претерпев лишь одно незначительное преобразование: к этой «вводной» части добавилось позже знакомое в наше время прямое обращение к адресату, которое по всем правилам письмовников автор также был вправе опускать в случае близкого знакомства или родства с адресатом. Так, в первых письмах Л. ван Бетховена к другу Карлу Аменде ещё наблюдается сохранение полной «вводной» формулы + обращение: (149) *Louis van Beethoven Carl Amendae (Dativus латинского языка – прим. Л.А.) herzlichst grüßen. Mein herzallerliebster, heißgeliebter Carl [...]* [Beethoven, 1977: 24, 28–36, 40] в то время как письма более поздних лет свидетельствуют об использовании композитором своего права опускать последнее: (150) *Louis Beethoven Carl Amendae. (абзац, далее текст письма – прим. Л.А.)* [Beethoven, 1977: 24, 28–36, 40, 42–55, 58, 60–64, 69] (ср. письмо от 1 июля 1801 г. и письма 1802 г. и последующие) [Beethoven, 1977: 42–55, 58, 60–64, 69]. В целом трёх- либо четырехчастный (*superscriptio, adscriptio, salutatio* с прямым обращением) прескриптум в эпистолярном наследии Л. ван Бетховена представлен достаточно широко.

Между прескриптумом письма и его корпусом – мотивацией написания письма – находятся, как правило, выражения-стереотипы, обязательные для соблюдения формы письма, но не несущие в себе

большой содержательной составляющей, так называемый *prooemium* (лат. предисловие, источник). Это *formula valetudinis*, введённая Сенекой («Wenn du gesund bist, ist es gut; ich bin gesund» – лат.: *si vales, bene est, ego valeo*). Изначально данное выражение могло стоять по усмотрению составителя письма свободно в любой части текста, но начиная с I в. н. э. письмовники рекомендуют, а после К.Ф. Геллерта (XVII в.) строго указывают ставить его сразу же после прескриптума. Существуют различные мнения учёных, согласно которым *prooemium* состоит исключительно из *formula valetudinis* либо включает в себя также выражение благодарности/радости по поводу получения письма и уверения в том, что адресат помнит об адресанте. Некоторые исследователи [Hertel, 1996: 184; Grosse, 1987: 112] считают, что эти два обязательных компонента следует отнести к составу «открытия» корпуса письма (Korpusöffnung); другие полагают, что структура письма детерминирована каждым конкретным письмом и не может быть унифицирована [Рид, 2008: 97]. Мы принимаем первую позицию в отношении структуры письма, находя тому подтверждение в исследованных нами письмах композитора. Что касается эпистолографического наследия Л. ван Бетховена, то в ранних письмах композитора наблюдается полное соблюдение заданных стандартов (ср. письмо от 15 сентября 1787 г. и последующие) [Beethoven, 1977: 9–11, 13, 16–21, 23]. Однако, начиная с 1798 г., Л. ван Бетховен ограничивается *formula valetudinis* в частных письмах, заменяя ею полный *prooemium*, а в 1801 г. он пишет первое письмо, где прескриптум и предисловие (*prooemium*) полностью отсутствуют и заменяются простым обращением к адресату [Beethoven, 1977: 25] – грубое нарушение, уже изначально позволяющее предположить, что данное письмо вопреки принятым тогда нормам никогда не будет прочитано публично его адресатом [Baasner, 1999: 274–289]. В письме имеются,

безусловно, упоминания о собственном состоянии здоровья, которые встречаются очень часто, но они следуют беспорядочно.

Корпус письма – самая объёмная составляющая из всех элементов и может заполнять как несколько страниц (письмо Л. ван Бетховена Ф. Вегенеру от 29 июня 1801 г.) [Beethoven, 1977: 23], так и целый книжный свиток (например, письма апостола Павла). Так возникает необходимость в определенном внутреннем членении корпуса, включающем в себя вводные и завершающие конструкции, а также разного рода типичные для письма формулы внутри сердцевины. По мнению исследователя эпистографии Д.-Ф. Рида, единого строения корпуса не существует и можно лишь вывести типичный для какого-либо отдельно взятого составителя корпус его эпистографического наследия [Рид, 2008: 149]. Что касается Л. ван Бетховена, то определяется следующая структура корпуса его писем:

- после предисловия (*prooemium*) следует рефлексия относительно уже полученной корреспонденции с адресатом письма;
- далее приводятся рассуждения о собственных впечатлениях за последнее время (о действительности, личном состоянии здоровья, своих идеях);
- в завершении всегда сформулированы просьбы адресату, как правило, связанные непосредственно с творчеством композитора.

Последняя составляющая – просьба в письме – согласно Муллинсу и Альтману [Altman, 1992: 137] имеет, в свою очередь, всегда чёткую структуру: глагол просьбы, обращение в вокативе, формулу вежливости и обозначение желаемого действия. У Л. ван Бетховена наблюдается полное совпадение с данной схемой (cf. письмо от 5 апреля 1806 г. et seq.) [Beethoven, 1977: 43, 45–58, 60–73, 78, 82, 84–92, 95, 96–97, 112, 115–122].

Помимо этого, существует ещё один элемент, не встречающийся у Л. ван Бетховена, – это так называемая рефлексия переписки, т. е.

краткое воспроизведение сути, по меньшей мере, последнего письма, а иногда и написанных два года назад писем. Рефлексия переписки, по К. Нихольму, является очевидным признаком того, что адресант использует переписку как дневник («tagebuchähnlicher Briefwechsel»), что переносит подобные письма на грань жанров и может быть осложняющим фактором для их определения. Следовательно, эпистолярное наследие Л. ван Бетховена однозначно можно отнести к эпистолографии.

Эпистолярное наследие Рихарда Вагнера, по концепции Г.-Й. Клаука, очень сходно с сохранившимися письмами Л. ван Бетховена. Неформальное отношение к письму свойственно и Р. Вагнеру. Однако, эпистолярный стиль композитора имеет свои отличительные особенности. Уже в его ранних письмах наблюдается ограничение лишь *formula valetudinis*, что как в частных письмах, так и в деловой переписке является недопустимым нарушением, которое сам Р. Вагнер, однако, комментирует и объясняет необходимостью: (151) *freier Gedankenaustausch [...] ohne Zwänge aller Form* (письмо от 21 мая 1829 г. [Altmann, 1905: 113]). Это в значительной мере более свободное обхождение с требуемым прескриптумом, чем в письмах Л. ван Бетховена в те же годы жизни даже в дружеской, частной переписке (ср. письма Л. ван Бетховена 1800–1803 гг.) [Beethoven, 1977: 22–35]. Простое обращение к адресату в качестве замены *formula valetudinis* и/или полного прескриптума появляются у Р. Вагнера, тем не менее, только в частной переписке, в первых письмах близкому другу Ференцу Листу (ср. письма августа 1835 и последующие) [Altmann, 1905: 309–310, 314, 319, 322–326, 331, 339–340, 354, 358, 360, 366–367, 372–373, 412, 415–416].

Корпус частных писем Р. Вагнера, отличающийся особой объёмностью, по структуре сопоставим с корпусом писем Л. ван Бетховена с одним существенным отличием: в завершении письма

вместо просьбы адресату находятся обязательно связанные непосредственно с творчеством композитора требования, что, несомненно, ещё одно весьма грубое нарушение стандартов структуры корпуса письма. Глагол просьбы здесь заменяется глаголом приказа, обращение в вокативе сохраняется, далее следует обозначение желаемого действия без формулы вежливости (ср. письмо от 13 февраля 1837 г. и последующие) [Altmann, 1905: 355–357, 359, 364–367, 413, 421, 426, 432, 436, 439–440].

Подводя итог, следует отметить, что частные письма Л. ван Бетховена и Р. Вагнера по своей структуре и содержанию часто выходят за рамки общепринятых правил эпистолографии XIX в., что позволяет применить к ним термин «Wagner'sche Briefe», так как данный термин обозначает радикально отличающееся от принятых стандартов письмо, и, помимо этого, позволяют современным исследователям по-новому увидеть личности гениальных композиторов.

3.2 Коммуникативная стратегия в письмах Людвиг ван Бетховена и Рихарда Вагнера

Переписка наряду с любым другим видом коммуникации предполагает не только передачу определенной информации, но и одновременно реализацию конкретных целей и намерений ее участников, что влияет на выбор и следование определенной стратегии достижения цели. В рамках настоящего диссертационного исследования под коммуникативной стратегией понимается генеральная интенция, цель в рамках данного коммуникативного процесса [Сибирякова, 2010: 15]. Конкретизируя коммуникативную стратегию в эпистолографии, ее определяют как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс, 1999: 54] и «когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка

информации о действиях партнера» [Иссерс, 1999: 100]. У составителей писем – Л. ван Бетховена и Р. Вагнера – можно наблюдать схожесть в избранной коммуникативной стратегии при наличии различных коммуникативных задач и целей.

Как уже упоминалось выше, письма Л. ван Бетховена никогда не предназначались их автором для публикации, а письма Р. Вагнера априори писались для широкого круга адресатов. Но если, согласно М. Грегор-Деллину, характеристики языка Р. Вагнера обусловлены спецификой его профессиональной деятельности и общественной среды, эти основания применимы и к представителю композиторской среды XIX века Л. ван Бетховену. Так, если Л. ван Бетховен был изолирован в своей среде в связи со своим физическим недугом, то Р. Вагнер не менее изолирован, создавая эти условия самостоятельно и нарочно, превознося себя над окружающими. Интровертность Л. ван Бетховена проявляется в употреблении лексики и лексических сочетаний с отрицательным значением, таких как: (152) *mir ungenehm* [Beethoven, 1977: 13], (148), *überflüsig* [Beethoven, 1977: 94], (153) *stöhrend* [Beethoven, 1977: 97], (154) *[...]in großem maße unerwünscht[...]* [Beethoven, 1977: 136-137], (155) *[...]gering bedeutend in meinem sein[...]* [Beethoven, 1977: 142] при описании окружения, в том числе и близких друзей. При этом он четко разделяет переписку как таковую и физическое существование партнера по переписке. Это выражается в использовании вышеупомянутых выражений в качестве характеристики партнера, тем временем как сама переписка, как бы Л. ван Бетховен не стремился к ее минимизации, никогда не получает столь отрицательной оценки от композитора. Более того, мы встречаем в письмах к своим друзьям Ф. Брунsvику и Л. Шпору следующие рассуждения или мысли вслух: (156) *[...] und muss mir gestehn, du wurdest mir stürbst du morgen, nicht so fehlen wie mir fehlten deine briefe und die meinigen dir zu schreiben [...]* [Beethoven, 1977: 161] и (157) *[...]mir wurd's nicht schmerzen ob deines fehlens, doch ob deines*

schreibens jeden tag zunehmend mehr! [Beethoven, 1977: 208]. Так, здесь Л. ван Бетховен выделяет значимость переписки для него, несмотря на нежелание писать, одновременно отделяя человека от письма, или придавая письму значение человеческого существа, существование которого ему дороже существования реального адресанта письма. Фиктивный автор писем обретает черты настоящего, становясь двойником, заменяющим свой исходный образец («Der fiktive Briefeschreiber erhält Eigenschaften eines realen, wird zum Doppelgänger, und ersetzt dabei seine Vorlage») [Vellusig, 1999: 117-118]. Одновременно Л. ван Бетховен придерживается стратегии «Бог и Л. ван Бетховен против окружающего мира», многократно упоминая (158) *mein göttlicher Hülfen*, (159) *mein Retter, der Erlöser*, (160) *der Heiland, der mir Beistehende* [Beethoven, 1977: 49, 82, 215]. Таким образом, согласно коммуникативной стратегии Л. ван Бетховена формируются две противодействующие стороны: *die Anderen* (другие/иные) и *Beethoven+Gott*. Как уже упоминалось, Л. ван Бетховен пишет лишь тогда, когда это требуется – отвечая на полученные письма, т.е. его письма без исключения являются реакцией на письма партнеров по переписке. Этот фактор характеризуется М. Грегор-Деллином как «defensives Schreiben» («оборонительное/защитное составление письма»), Л. ван Бетховен никогда не является инициатором переписки.

Р. Вагнер, в свою очередь, превознося себя над окружающими, создает изоляцию себя нарочно и преднамеренно. Так, следует подчеркнуть, что в своих письмах Р. Вагнер пытается всячески выразить исключительно свои взгляды, мысли, суждения, фиксируясь на своей собственной точке зрения, которая для него единственно приемлемая. На первый взгляд, данный фактор не бросается в глаза с позиции коммуникативной стратегии, так как «творческая реализация коммуникантом плана построения своего речевого поведения с целью достижения общей (глобальной) языковой (неязыковой) задачи

общения» [Зернецкий, 1988: 40] возможна любыми языковыми средствами. Но, если рассматривать переписку в целостности, т.е. как письма Р. Вагнера, так и письма партнеров по переписке, на которые он отвечал, то открывается его очевидное стремление подчинить все кружение своему мнению, не считаясь ни с чем, как утверждает М. Грегор-Деллин [Gregor-Dellin, 1995: 417]. Р. Вагнер не скрывает данного факта: (161) [...]*mir ist das wichtigste Meyne Gedanken mitzuteilen und zu zeugen ihre Richtigkeit* [Altmann, 1905: 297]. У Р. Вагнера рефлексия фактически полностью отсутствует, его письма — активное действие сознания (*aktiver intentionaler Bewusstseinsakt* – по К. Нихольму) во взаимодействии с адресатами женского пола либо собирательным понятием адресата «общество», его письма адресатам мужского пола по лексике сдержаны и ограничиваются передачей необходимой информации. Тем не менее, Р. Вагнер не ограничивается реакцией на события любого уровня человеческого существования, ему комфортна роль инициатора, источника любого рода изменений. Р. Вагнер господствует над окружающим миром, он не видит противников, он видит подчиненных, нарекаемых безличным и умаляемым значение личности «*die*». Таким образом, если для Л. ван Бетховена Бог являлся неким искомым союзником, то у Р. Вагнера Бог равен ему по силам и власти, а сам Р. Вагнер – мессия самого себя: (162) *Meyne Worte und Gedanken in die welt zu tragen ist meyn bestreben, denen die Wahrheit bewusst zu machen [...]* [Altmann, 1905: 310]. Здесь снова встречается *die* (*denen*) в значении «все остальные», а также инверсия, тогда как Л. ван Бетховен проявляет вспыльчивую и бурную реакцию на попытки духовной близости со стороны партнеров по переписке, употребляя такое стилистическое средство, как восклицание: (163) *Ja, willst du mir gar die seel auskehren? Mir wurd übel bey dem gedanken! [...]* [Beethoven, 1977: 218].

Р. Вагнер резко проявляет определенную долю инфантилизма и детских капризов, если его не устраивает реакция окружающих на его попытки руководить ими, также употребляя восклицания: (164) [...] *dass eyner so falsch liegen kann! Nie wieder will ich dich ertragen müssen! Nein! Ich bins, der es weiß, ich, nur ich! Nein, so wie ich will wird es sein! Wie ich will, solls geschehen! Ich entscheide! Du schweige!* [Altmann, 1905: 468-469].

Письма Р. Вагнера и Л. ван Бетховена в плане своей «атмосферности», о которой пишет К. Нихольм, достаточно объемны, «трехмерны», и, таким образом, создают у читающего ощущение воссоздания, в первую очередь, настроения автора письма. Но если письма Л. ван Бетховена отличаются интровертностью и безразличием к эстетичности письменной речи, то Р. Вагнер, напротив, экстравертен и «самовыражается» ради положительного восприятия адресатом, ради его восхищения.

В связи с последним фактом Р. Вагнер использует свои письма для осознанной интерпретации исторического или социально-экономического контекста сквозь призму собственного видения действительности, о чем свидетельствуют следующий пример: (165) [...] *der größt Eyl der aufständischen weiß nichts von möglichen Folgen, [...] Mir jedoch ist die Größe der Wogen bekannt, Mir ist Verstanden [...] nicht fremd [...] [R. Wagner, письмо от 22 июня 1849г.]* – о восстаниях 1848/1849 гг. Р. Вагнер выражает уверенность в том, что именно ему известны все возможные последствия восстания, будто ему одному дано понимание сложившегося положения. Подобная коммуникационная позиция встречается и далее в его эпистолярном наследии: (166) [...] *Meinem Dünken allein ist das Wissen beschieden, mein Rat wird [...] nicht enttäuschen [...] [Altmann, 1905: 375]* пишет Р. Вагнер королю Баварии Людовику II, будучи уверенным, что именно он, Р. Вагнер, способен дать единственный нужный совет монарху. Это

отношение Р. Вагнера к себе и окружающим исследователь Оливер Хильмес называет «*Antonomasie zur Selbstverherrlichung*» («Антономасией для прославления самого себя») [Hilmes, 2010: 247], причем Р. Вагнер предпочитает описывать и обозначать себя через некое важное, характерное свойство или черту («*bezeichnende Eigenschaft*») – (167) *meyn Dünken*, (168) *erleuchtetes Gemüt*, (169) *sehendes Auge* [Altmann, 1905: 254, 283, 341]. Он не использует аппозиции для описания себя, как было принято в рамках нормы в современной ему эпистолографии и к чему изредка прибегает Л. ван Бетховен: (170) [...] *Brunswick der Weise will mir passend sein* [...] [Beethoven, 1912: 28].

Л. ван Бетховен, в свою очередь, отличается проявлением полностью противоположной позиции относительно себя самого в собственном эпистолярном наследии, сомнения в самом себе и своих силах/ способностях прослеживаются как в письмах друзьям, так и в письмах далеким знакомым и вовсе не приближенным лицам. Например, он пишет своему другу Ф. Брунсвику: (171) *mir wurd so fad und bewusst, deiner nicht würdig zu seyn* [Beethoven, 1977: 44], знакомой графине Й.Цоллерн: (172) *mir mein tun so gering wie möglich zu erkennen täten Sie recht* [Beethoven, 1977: 129]; издателю А. Леопольду: (173) *mir das armselige gekritzelt als schaffen zu bezeichnen wollt ich* [...]. [Beethoven, 1977: 137-13] Таким образом, можно утверждать, что у Р. Вагнера и Л. ван Бетховена наблюдаются схожие черты в коммуникативной стратегии, но их реализация в эпистолярном наследии значительно отличается друг от друга.

3.3. Значение когерентности в письмах Людвиг ван Бетховена и Рихарда Вагнера

Прежде чем конкретизировать значимость или степень когерентности в эпистолярном наследии Л. ван Бетховена и Р. Вагнера,

необходимо определить рамки понимания термина «когерентность» в данной работе.

Когерентность играет роль в лингвистике в рамках так называемого рецептивно ориентированного или психолингвистического подхода [Чернявская, 2009: 26], так как ставится вопрос о степени имманентности (внутренней обусловленности) признаков дискурса. Необходимо при этом учитывать, что глубинная содержательно-смысловая связность текста (т.е. когерентность) является не чисто лингвистическим, но в значительной степени и экстралингвистическим феноменом, что и делает ее существенной для исследований в рамках дискурса [Nyholm, 1995: 34]. Поэтому она не всегда проявляется на поверхностном уровне текста с помощью конкретных языковых знаков, а может и зависеть исключительно от рецептивно ориентированной позиции. Таким образом, в определенных ситуациях кажущиеся абсолютно бессвязными последовательности слов могут для определенного реципиента в определенной коммуникативной ситуации быть полностью когерентными и позволяют сделать вывод о том, что когерентность не заложена изначально в дискурсе, а является результатом взаимодействия с дискурсом его адресанта [Bublitz, 1994: 218].

Следовательно, возникает вопрос, как определить, насколько созданный дискурс казался адресату когерентным сам по себе, в контексте предыдущего и/или последующего письма, а также на фоне уже существующих, полученных на момент прочтения писем, если адресат знакомился с письмом несколько веков назад. Мы сочли необходимым с целью получения более точных результатов ограничить круг исследуемых писем уже упомянутым фактором наличия у их адресатов привычки ведения дневника. Иными словами, адресаты исследуемых нами писем все без исключения вели дневник, где по общепринятым в XIX веке правилам должна была обязательно

появиться запись о получении письма и, соответственно, его восприятию адресатом. Так, Карл Аменда внес в свой дневник 19 января 1831 г. следующую запись: получил сегодня письмо от Людвиг; пишет сумбурно, как всегда, но я понимаю его мысли (*Erhielt heut ein schreiben des Ludvig. Schreibts verworren, der gute, wie stets. [...] und doch begreyfe ich seyne Gedanken [...]*). Эта запись позволяет сделать вывод о том, что предполагаемая нами специфическая когерентность в значительной степени в письмах Л. ван Бетховена является реальной, по крайней мере, в отношении той части эпистолярного наследия великого композитора, которая адресована его близкому другу К. Аменде. В частности, такие наречия, как *wie stets, für gewöhnlich, erneut*, встречаемые в дневниковых записях не только К. Аменды, но и Ф. Брунсвика, Л. Шпора, герцогини Вейендорф, позволяют сделать вывод о том, что сумбурность языка Л. ван Бетховена, тем не менее, обладала своеобразной ясностью и была понятна адресатам, поскольку они были знакомы с его стилем. Таким образом, если когерентность является качеством, которое должно запускать ментальную реконструкцию реципиентом определенных обстоятельств, то текст можно обозначить как механизм, «запускающий» когнитивные процессы его восприятия [Чернявская, 2009: 29], именно того восприятия, которое позволяло адресатам понимать поток мыслей Л. ван Бетховена, излагаемый им на бумаге в своих письмах. Следовательно, возникает вопрос, может ли дискурс, как частично экстралингвистическое явление, через текст как механизм нести в себе уже нечто реконструирующее целостность содержания.

В противовес данному вопросу стоит факт, что одним из критериев текстуальности, по концепции Р.-А. де Богранда и В. Дресслера, является именно когерентность; она лежит в основе определения текста [Beaugrande, Dressler 1981: 3]. По их мнению, текст — это коммуникативное событие (*eine kommunikative Okkurrenz*), а, следовательно, как любое коммуникативное событие может обладать и

экстралингвистическими характеристиками, но не руководствоваться ими. Даже критерий К. Нихольма о когерентности основывается, как упоминает сам К. Нихольм, на одной из наиболее известных зарубежных теорий, посвященных описанию общих свойств текста – концепции Р.-А. де Богранда и В. Дресслера о так называемых критериях текстуальности, одним из которых и является когерентность. Согласно названным авторам, а также исследователю когерентности в текстах Х. Фатеру [Vater, 1992: 41-42], когерентность охватывает чисто содержательные (точнее, когнитивные) взаимосвязи в тексте. Автор текста и реципиент пытаются установить взаимосвязи между отдельными компонентами текста даже в том случае, когда связь не маркирована обычными (когезивными) средствами, под которыми Р.-А. Богранд, В. Дресслер и К. Нихольм понимают наличие обязательных компонентов в предложении: подлежащего и сказуемого, порядка слов, сочинительных средств связи, а также временных форм глагола.

При этом, согласно мнению К. Нихольма, когнитивно обусловленным является процесс не только восприятия, но и в особенности производства текста, когда речь идет о письме.

Согласно теории Р.-А. Богранда и В. Дресслера, в основе текста лежит общая комбинация признаков, составляющая так называемый «мир текста». «Мир текста», в свою очередь, определяется «смысловой непрерывностью» текста. Именно непрерывность смысла является, по замыслу авторов, основой когерентности текста. Смысл текста заключается в актуализированных текстовых взаимосвязях, он составляет действительное значение языкового высказывания. Наличие смысловой непрерывности позволяет охарактеризовать эпистолярное наследие Л. ван Бетховена как полностью соответствующее критерию когерентности, так как «мир текста» является совокупностью смысловых отношений, лежащих в основе текста. Он не должен обязательно соответствовать реальному миру, а лишь миру,

заложенному в основу текста говорящим/пишущим, его знанием и его интенциями. Рассмотрим следующее высказывание Л. ван Бетховена: (174) *Mir wurd abgesaget. Gib mir kraft. Es regnet [...]* [Beethovens Briefe; dt. Bibliothek in Berlin, hrsg. H. Leichtentritt, 1905: 53]. Данную последовательность предложений можно интерпретировать двояким образом:

1) говорящий хочет с помощью силы, о которой просит, укрыться от дождя;

2) говорящий хочет с помощью силы, о которой просит, преодолеть разочарование из-за отказа, которое усугубляется ненастной погодой.

Несомненно, первый вариант трактовки данной последовательности едва ли возможен ввиду абсурдности возникающей ситуации, о чем говорят наши знания об устройстве мира и отношениях в обществе. Поэтому реальным выбором может быть только второй вариант. Таким образом, есть наличие смысловой непрерывности, но последовательность в примере не может быть названа рациональной, так как элементы, входящие в нее, без наличия у читающего концепта «мира текста» не имеют взаимосвязи. И все же здесь обнаруживаются признаки рациональности. Это выражается в отсутствии расхождений между представленной в «мире текста» Л. ван Бетховена комбинацией концептов и знанием современного ему общества о мире – тем, как соответствующие концепты связаны между собой в сознании возможного адресата, т.к. если адресат не может обнаружить непрерывность смысла, текст оказывается для него бессмысленным.

Лингвоэстетический аспект, по К. Нихольму, предполагает также наличие рациональности в стиле письма. В письмах Л. ван Бетховена рациональность стиля фактически не наблюдается, так как их автор принципиально не руководствуется рациональным подходом при их написании. Возможно, благодаря этому, письма Л. ван Бетховена

трехмерны, но в них нет места эстетичности, т.е. нет формулировок для «благозвучия», согласно рекомендациям К. Геллерта, которые Л. ван Бетховен отвергает как самоцель при написании письма.

Итак, несмотря на относительное отсутствие рациональности, в письмах Л. ван Бетховена присутствует *persuasio* (приверженность автора письма определенной точке зрения), что позволяет рассматривать эпистолярное наследие Л. ван Бетховена как единое целое, содержательно взаимосвязанное между собой.

Рассмотрим несколько примеров из эпистолярного наследия Р. Вагнера. Письма Р. Вагнера могут рассматриваться каждое как единое целое, содержательно взаимосвязанное как внутри себя, так и с предыдущими / последующими письмами при всех грубых нарушениях современных ему норм составления письма. Приверженность Р. Вагнера позиции собственного превосходства над окружающим миром, которую следует расценивать как его *persuasio*, является основным связующим элементом. Этот элемент находит отражение в его письменной речи тремя путями:

1. лексическим, что выражается употреблением превосходной степени прилагательного;
2. лексико-грамматическим, о чем свидетельствует конструкция «личное местоимение второго лица единственного числа в именительном падеже + личное местоимение первого лица единственного числа в дательном падеже (*du mir*)» и
3. семантическим, который характеризуется использованием лексики с исключительно положительным значением в отношении себя.

Иллюстрацией вышесказанного являются следующие примеры: (175) *Der Hellste, der mir zu schein beschieden [...]* [Altmann, 1905: 320];

(176) [...] *am besten mir dies nur gelingen kann* [Altmann, 1905: 325];

(177) [...] *allerdings du Mir und meiner Größe nichts würdest anhaben können oder thun [...]* [Altmann, 1905: 366-367].

На основе приведенных примеров и сформулированных выше возможностей выражения когерентности можно констатировать, что когерентность обладает определенной контекстуальной привязанностью. Следовательно, связи, наблюдаемые в текстовом пространстве эпистолярного наследия композиторов – явление весьма относительное. Тем более удивительно сходство обоих композиторов в подходе к созданию «ясности и простоты выражений», требуемых К. Геллертом для упрощения понимания адресатом адресанта. Так, по сути, создается когерентность в письмах, способствующая созданию эпистолярного наследия как единого целого в том понимании эпистолярного наследия, которое было создано К.Ф. Геллертом и позже подтверждено К. Нихольмом и Г.-Й. Клауком. Сходство эпистолярного наследия обоих композиторов прослеживается в том, что оба, явно не отдавая себе отчет в избираемых формулировках и выражениях, похожим образом достигли когерентности в своих письмах, хотя и придерживались различных позиций в плане создания «публичной интимности»: Л. ван Бетховен не предполагал публичного прочтения своих писем, Р. Вагнер, напротив, стремился к нему.

Выводы по третьей главе

1. В результате сравнения писем двух великих немецких композиторов Л. ван Бетховена и Р. Вагнера были установлены как общие, характерные для писем обоих авторов черты, так и различия, основанные исключительно на лингвистических особенностях письменной речи обоих композиторов. Для писем Л. ван Бетховена и Р. Вагнера характерно использование трёх- либо четырехчастного

(superscriptio, adscriptio, salutatio с прямым обращением) прескриптума, что формирует их структурное отличие от принятых в XIX веке норм композиции письма.

2. Начиная с 1801г., прескриптум и prooemium полностью отсутствуют и заменяются простым обращением к адресату в письмах Л. ван Бетховена, в то время, как у Р. Вагнера уже в ранних письмах наблюдается ограничение лишь *formula valetudinis*, но простое обращение к адресату, заменяя *formula valetudinis* и/или полный прескриптум, появляются у Р. Вагнера только в частной переписке.

3. Роль письма для обоих композиторов заключатся в использовании письма как средства передачи/ мультипликатора собственного видения мира. В условиях недостатка информации о действиях партнера Л. ван Бетховен и Р. Вагнер показывают схожесть в избранной коммуникативной стратегии при наличии различных коммуникативных задач и целей.

4. Структура корпуса писем Л. ван Бетховена и Р. Вагнера схожа: после prooemium следует рефлексия относительно уже полученной корреспонденции с адресатом письма; далее приводятся рассуждения о собственных впечатлениях за последнее время (о действительности, личном состоянии здоровья, своих идеях). Следует отметить, что последнему пункту Р. Вагнер уделяет особое внимание. В завершение письма у Л. ван Бетховена всегда сформулированы просьбы адресату, у Р. Вагнера вместо просьбы адресату находятся обязательно связанные непосредственно с творчеством композитора требования. За исключением последнего элемента с композиционной точки зрения корпус письма Л. ван Бетховена и Р. Вагнера идентичны друг другу.

5. С позиции цели коммуникации Л. ван Бетховен и Р. Вагнер противопоставляют себя окружающему их обществу, что в языке писем выражается у Л. ван Бетховена как *die Anderen vs. Beethoven + Gott*, а у Р.

Вагнера *die, sie* vs. *Ich*, подразумевая, что он господствует над окружающим миром на одном уровне с Богом, видя не противников, а подчиненных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эпистолярный дискурс XIX века в Германии является результатом многовекового развития письма как исторического, культурологического и лингвистического явления. Он представляет собой совокупность текстов и некой коммуникативной ситуации, причем лингвистические и лингвокультурологические особенности, возникающие в языковой практике с определенной коммуникативной задачей в соответствии с определенной ситуацией, реализуются только на уровне текста в его взаимосвязи с экстралингвистическим контекстом.

В становлении эпистолярного дискурса в Германии значительную роль сыграли ее история и сложный процесс становления Немецкой Национальной Традиции в рамках формирования единого немецкого государства. Письмо подняло естественную человеческую потребность в обмене информацией и коммуникации на расстоянии на новый уровень, оно выделило суть из повседневности и обыденности беседы, так как в отличие от устной коммуникации, в письме коммуникация полностью подконтрольна адресанту, его составителю. Следовательно, в отличие от общепринятого мнения, письмо – не упрощенное, а усложненное средство коммуникации человека. Помимо этого, только письмо может уловить атмосферу и состояние пишущего во время его создания. Поэтому написание писем является частью духовной культуры человеческого общества в целом.

Культура письма породила возникновение специфических правил составления письма, которые четко выявляемы – не каждое событие может быть зафиксировано, не каждая мысль достойна сохранения и передачи. События должны быть проанализированы и оценены, грамматика и особенно лексика, избираемая для письменного сообщения, должна передавать характер события, так как ограниченное

пространство не допускает лишних слов, которые могли бы в устной речи добавить яркости рассказу. Так, письмовники играют чрезвычайно важную роль в процессе становления эпистолярного дискурса.

В работе принято определение эпистолярного дискурса как сложного коммуникативного явления, включающего текст как результат речевой деятельности и экстралингвистические факторы, обуславливающие понимание текста, что сближает понятие дикурса по смыслу с понятием «текст», однако подчеркивает динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения. В противоположность этому, текст в работе понимается как статический объект, результат языковой деятельности, способ отражения действительности, что позволяет найти точки соприкосновения в определениях текста и эпистолярного дискурса, так как именно отражение действительности является одним из определяющих элементов для эпистолографии.

Руководствуясь представлением о жанре как понятии, охватывающем группу дискурсов, в которой теоретически выявляется общая внешняя (например, структура) и внутренняя (например, замысел, тема и аудитория) форма [Уэллек, 1978: 248], письмо можно назвать жанром, так как письмо обладает как четкой структурой, так и тематикой, и адресатом, который рассматривается как условная аудитория.

В результате систематизации и обобщения научной литературы выявлена специфика эпистолярного дискурса как лингвистического объекта, даны определения понятий текста, жанра и дискурса во взаимодействии. В результате анализа основных этапов становления эпистолярного дискурса в работе предложена к использованию следующая формула:

Эпистолярный дискурс (ED) =

текст (Т) + экстралингвистический фон (Extralinguistischer Hintergrund, EH), т.е. ED=T+EH.

Аналитическая работа с основными структурными элементами эпистолярного дискурса, прежде всего, аспектами классификации, выделенными К. Нихольмом – психолого-антропологическим, социологическим, лингвоэстетическим и историческим – позволила определить основные компоненты эпистолярного наследия композиторов Л. ван Бетховена и Р. Вагнера по следующим позициям:

- акт осознания своего намерения при написании письма;
- восприятие автором письма как духовной разгрузки (признание, замена исповеди, самоанализ);
- диалектика между личностью и безличностным;
- проекция черт/структуры характера адресанта письма;
- представление о письме как о средстве коммуникации;
- представление о письме как о перенесенном по фазам разговоре;
- представление о письме как о способе выражения индивидуального отношения к адресату;
- представление о письме как о способе выражения степени интегрированности в современное составителю письма общество.

В результате лингвокультурологического анализа эпистолярного наследия композиторов выделены следующие основные составляющие:

- функционально-стилистическая (степень рациональности включенных элементов) с учетом лексико-семантического аспекта, включая роль эстетики как результат употребления стилистических и семантических средств;
- аутентичность, в сочетании с аспектом фикциональности (референциальность и когерентность дискурса);
- употребление устойчивых оборотов приветствия и

прощания;

- наличие *persuasio* (приверженности автора определенной точки зрения).

Как исходная точка анализа в работе использовались рекомендации К.Ф. Геллерта для составления письма, сформулированные им в письмовнике и имевшие при жизни композиторов чрезвычайно важное значение.

На основе перечисленных положений были проанализированы письма Л. ван Бетховена (194 письма) и Р. Вагнера (261 письмо), выявлены и описаны основные композиционные компоненты письма, рассмотрены функциональные проявления эпистолярного дискурса как специфичной формы коммуникативно-речевой практики, а также изучено соотношение выявленных и описанных компонентов эпистолярных текстов с теорией К.Ф. Геллерта.

С полным основанием можно констатировать, что в работе впервые установлена и описана значимость культурологических особенностей в языке эпистолографии на примере эпистолярного наследия композиторов Л. ван Бетховена и Р. Вагнера. Проведенное исследование позволило выявить роль автобиографических черт, комментариев жизни автора, осознанной интерпретации исторически объективного (социоэкономически-идеологического контекста) и интерпретации собственных трудов в становлении лингвистической специфики эпистолярного наследия композиторов.

В работе дается оценка и описание лингвистической ценности эпистолярного наследия Л. ван Бетховена и Р. Вагнера, осуществляется их лексико-стилевая характеристика, рассматривается антропологический, социологический, лингвоэстетический и исторический аспекты согласно теории К. Нихольма, на основе чего выделяются схожие и отличительные черты, такие как осознание авторами письма своего намерения при написании письма, восприятие

письма как душевного облегчения или духовной разгрузки, наличие диалектики между личностью и безличностным в эпистолярном наследии обоих композитров, а также проекции у обоих композиторов черт и структуры характера адресанта письма; отсутствие частого употребления конъюнктива II и замена его либо нестандартным для письма XIX века императивом, либо употреблением модальных глаголов в роли заменителей, особенно во фразах с просьбами.

На основании концепции Г.-Й. Клаука выделены индивидуальные композиционные характеристики и определены композиционные особенности писем Л. ван Бетховена и Р. Вагнера, заключающиеся в использование трёх- либо четырехчастного (*superscriptio*, *adscriptio*, *salutatio* с прямым обращением) прескриптума, а также в схожей структуре корпуса писем: после *prooemium* следует рефлексия относительно уже полученной корреспонденции с адресатом письма; далее приводятся рассуждения о собственных впечатлениях за последнее время.

Определены коммуникативная стратегия и значение когерентности в письмах Л. ван Бетховена и Р. Вагнера. Они находят выражение в письмах композиторов следующим образом:

1. лексически, что выражается в употреблении превосходной степени прилагательного – в письмах Р. Вагнера;
2. лексико-грамматически, о чем свидетельствует конструкция «личное местоимение второго лица единственного числа в именительном падеже + личное местоимение первого лица единственного числа в дательном падеже (*du mir*)» - как в письмах Л. ван Бетховена, так и в письмах Р. Вагнера;
3. семантически, что отражается в использовании лексики с исключительно положительным значением в отношении самого себя – в письмах Р. Вагнера.

Основной коммуникативной стратегией у Р. Вагнера можно назвать стратегию *Antonomasie zur Selbstverherrlichung* (Антономасия для прославления самого себя), так как Р Вагнер создает изоляцию себя нарочно и преднамеренно. Стратегию Л. ван Бетховена следует характеризовать как *defensives Schreiben* (защитное написание письма) – у Л. ван Бетховена преобладают выражения с отрицательным значением при описании его окружения, в том числе близких друзей, и можно выделить в стратегии две противодействующие стороны: *die Anderen* (другие/иные) и *Beethoven+Gott*. В эпистолярном наследии Р. Вагнера также встречается номинатив *die (denen)* в значении «все остальные». Превознося себя над окружающими, Р. Вагнер предпочитает взаимодействие с адресатами женского пола либо собирательным понятием адресата «общество», его письма адресатам мужского пола по лексике сдержаны и ограничиваются передачей необходимой информации.

Таким образом, проведенное исследование показало, что эпистолярный жанр в рамках эпистолярного дискурса нашел свое дальнейшее развитие в письмах (эпистолярных текстах) Л. ван Бетховена и Р. Вагнера, которые внесли в эпистолярный дискурс Германии XIX века не только новаторские тенденции, но создали предпосылки для современного этапа развития эпистолографии. Дальнейшее исследование проблем, затронутых в настоящей работе, возможно в направлении сравнительного описания эпистолографии XIX, XX и XXI веков.

Библиография

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс [Текст]/ Н.Д.Арутюнова// Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
2. Багрянцева Г.И. Филологический анализ документального текста (на материале служебной переписки периода коллегиального делопроизводства): Автореф. дис. ... канд. филол. наук/ Г. И.Багрянцева — Москва, 1986. — 24 с.
3. Баранов А.Г. Текст в функционально-прагматической парадигме [Текст]/ А.Г.Баранов. – Краснодар: КубГУ, 1988. – 148 с.
4. Баранов А.Г. Когнитивные формализмы текстовой деятельности [Текст]/ А.Г.Баранов // Вестник Пятигорского лингвистического университета, 1999. – № 2. – С. 34-37.
5. Белунова Н.И. Категория речевого общения и особенности ее реализации в тексте дружеского письма (на материале писем творческой интеллигенции конца XIX – начала XX вв.): научные доклады высшей школы [Текст]/ Н.И.Белунова // Филологические науки. 1998. – № 2. – С. 78 – 88.
6. Белунова Н.И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX - начала XX в. Жанр и текст писем [Текст]/ Н.И. Белунова. – СПб.:Изд-во С-Пб ун-та, 2000. – 140 с.
7. Беляева М.В. «Нейтральное» и «разговорное» в устном дискурсе: сильная и слабая синтаксические позиции (на материале немецкого языка) [Текст]/ М.В.Беляева// Известия Высших Учебных Заведений. Поволжский Регион. Гуманитарные Науки, вып. 1/2011. – Пенза, 2011. – С. 123-130.
8. Бельчиков Ю.А. Композиционно-стилистические особенности письма Белинского к Гоголю [Текст]/ Ю.А. Бельчиков // Русский язык в школе, № 3/1988. – М.: Русский язык в школе , 1988. – с. 61-67.

9. Бенвенист Э. Общая лингвистика [Текст]/ Э.Бенвенист. – М.: изд-во Прогресс, 1974. – 447 с.
- 10.Беттузия Н. Особенности текстов эпистолярного жанра [Текст]/ Н.Беттузия // Русский язык за рубежом, № 3/1984. – М.: изд-во Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, 1984. – с. 81—84.
- 11.Бухаркин П.Е. Письма русских писателей 18 века и развитие прозы (1740—1780): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. / П.Е.Бухаркин. – Л., 1982. – 21 с.
- 12.Болдырев Н.Н. Исследование оценочных смыслов в контексте познавательных процессов [Текст]/ Н.Н. Болдырев // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК, вып. 8. – Ставрополь, 2001. – с. 24—84.
- 13.Большая Российская Энциклопедия [Текст]/ Научное издательство. – М., 2007. – 9 том. – 767 с.
- 14.Васильев А.Д. Лексика посланий А. М. Курбского Ивану Грозному: традиционность и своеобразие (к вопросу о формировании стилистических норм литературного языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст]/ А.Д.Васильев. – Томск, 1982. – 19 с.
- 15.Веселое П.В. Современное деловое письмо в промышленности [Текст]/ П.В. Веселое. – М.: Изд-во стандартов, 1990. – 159 с.
- 16.Виденеева Е.Г. Частные письма как источник изучения истории русского языка[Текст]/ Е.Г.Виденеева // Вопросы изучения русского языка XIX—XX в. / Отв. ред. Г. И. Добродомов. – М.: Московский гос. пед. ин-т им. В.И.Ленина, 1988. – с. 18-27.
- 17.Викторова Н.В. Лингвотекстологический анализ переписки заводчиков Демидовых с приказчиками уральских заводов конца 18-на- чала 19 вв. (по материалам гос. архива Челябинской обл.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст]/ Н.В. Викторова. – Орел, 1994. – 23 с.

18. Виноградов В.В. Сюжет и стиль. Сравнительно-историческое исследование [Текст]/ В.В. Виноградов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 192 с.
19. Виноградова Е.М. Эпистолярные речевые жанры: прагматика и семантика текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. [Текст]/ Е.М.Виноградова. – М., 1991. – 20 с.
20. Вольф В. К проблеме идейной эволюции Вагнера [Текст]/ В.Вольф//Рихард Вагнер. Сб. статей / ред.-сост. Л. В. Полякова. – М.: Планета, 1987. – С. 76-95.
21. Выготский Л.С. Мышление и речь [Текст]/ Л.С. Выготский. — Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1934. — 271 с.
22. Выготский Л.С. Психология искусства [Текст]/ Л.С. Выготский. — М.: Педагогика, 1987. — 344 с.
23. Гайнулина Н.И. Заимствование лексики в письмах и бумагах императора Петра Великого (к проблеме освоения слов иноязычного происхождения в петровскую эпоху): Автореф. дис. ... канд. филол. Наук [Текст]/ Н. И.Гайнулина.— Алма-Ата, 1973. — 24 с.
24. Гайнулина Н.И. Эпистолярный жанр петровской эпохи как историческая категория и приемы познания [Текст]/ Н. И.Гайнулина // Семантико-стилистические исследования / Науч. ред. В. А. Исенгалиева. — Алма-Ата: изд-во Казахского государственного университета, 1989. — С. 19-26.
25. Гончарова, Н.Н. Школа слов и вещей. Эстетическая школа, ареальная лингвистика как прообразы лингвокультурологии и когнитивной лингвистики [Текст]/ Н.Н.Гончарова. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 18 с.
26. Григорьева А.С. Статистическая структура русского эпистолярного текста (лексика частных писем): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. [Текст]/ А.С. Григорьева. — Ленинград, 1981. — 19 с.

27. Григорьева Л.Н. Диалогические высказывания с побудительной интенцией [Текст]/ А.С. Григорьева. // Языковые единицы в речевой коммуникации / Отв. ред. Г.Н.Эйхенбаум, В.А. Михайлов. — Л.: изд-во ЛГУ, 1991. — С. 125-130.
28. Гиндин С.И. Биография в структуре писем и эпистолярного поведения [Текст]/ С.И.Гиндин // Язык и личность / Отв. ред. Д. Н. Шмелёв. — М.: изд-во «Наука», 1989. — С. 63-76.
29. Данилевская Н.В. Стилиевые функции речевых разновидностей [Текст]// Стилистический энциклопедический словарь русского языка под ред. М.Н.Кожинной. – М.: Флинта,2003. – С.401-403.
30. Данкер З.М. Функционально-семантическая организация текста частного письма: Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст]/ З.М.Данкер. — Санкт Петербург, 1992. — 16 с.
31. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация[Текст]/ Т.А. ван Дейк. – М.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — 308 с.
32. Жанэ Д.Э. Французский язык в письмах персонажей романа «Война и мир» [Текст]/ Д.Э.Жанэ // Вопросы романской филологии. — Москва, 1979. — Ч. 1. — С.3-25.
33. Захарова Е.В. Метафора в письмах А. П. Чехова [Текст]/Е.В.Захарова // Русская речь, 1976. — № 3. — С. 40-44.
34. Захарова Е.В. О функциях и структуре начального обращения в частных письмах А. П. Чехова [Текст]/ Е.В.Захарова // Языковое мастерство А. П. Чехова / Отв. ред. Л.В.Баскакова. — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1988. — С. 110-115.
35. Захарова В.К. Средства экспрессивно-публицистического синтаксиса в письмах А. П. Чехова [Текст]/ В.К. Захарова // Типы текста и специфика функционирования языковых средств. — Куйбышев: Изд-во КГУ, 1986. — С. 122-130.

36. Зернецкий В.П. Лингвистические аспекты теории речевой деятельности [Текст]/ В.П.Зернецкий // Языковые процессы и единицы: Межвуз. сб. научн. трудов, Калинин: КГУ, 1988. — С. 36-41.
37. Зиндер Л.Р., Строева Т.В. Практикум по истории немецкого языка [Текст]/ Л.Р.Зиндер. Т.В.Строева. – Л.: Просвещение, 1977. – 300 с.
38. Зорина Т.П. Лингвистическая характеристика современной немецкой коммерческой корреспонденции как жанра деловой прозы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст]/ Т.П.Зорина. — Москва, 1971. — 24 с.
39. Иванчук И.А. Оказиональная метафора в эпистолярной А. С. Пушкина и его современников [Текст]/ И.А.Иванчук // Типы текста и специфика функционирования языковых средств. — Куйбышев: Изд-во КГУ, 1986. — С. 130-140.
40. Иванчук И.А. Влияние А. С. Пушкина на становление стилистических норм разговорной речи (по материалам писем Пушкина и его современников) [Текст]/ И.А.Иванчук // Функционирование языка и норма: Межвуз. сб. науч. тр./Отв. ред. Ю. С. Языкова. — Горький: Горьков. гос. пед. ин-т им. М. Горького, 1986. — С. 42-50.
41. Иссерс О.С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий [Текст] / О.С. Иссерс // Вестник Омского университета. Омск, 1999, Вып. 1. – С. 74-79.
42. История теоретической социологии [Текст] / сост. А. Б. Гофман. В 4 т. Т. 1. М.: Канон, 1997. – 469 с.
43. Казеко Т.Н. Разговорная речь и бытовые письма [Текст] / Т.Н.Казенко // Вопросы стилистики / Отв. ред. О. Б. Сиротинина. — Саратов: изд-во Саратовского университета, 1989. — Вып. 23. — С. 97-112.
44. Каирова Т.С. Интеграция содержательно-концептуальной информации в эпистолярных текстах (на материале эпистолярного наследия Франции 18 в): Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Т.С.Кайрова. — Москва, 1989. — 24 с.

45. Карасик В.И. Язык социального статуса [Текст]/ В.И.Карасик. Москва: Ин-т языкознания. РАН — ВГПУ, 1992. — 330 с.
46. Кецба Л.Н. Речевая реализация эпистолярного стиля в литературных письмах Томаса Манна и Райнера Марии Рильке [Текст] / Л.Н.Кецба // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М.Тореза. — Москва, 1974. — Вып. 77. — С. 168-175.
47. Киров, Е.Ф. Теоретические проблемы моделирования языка [Текст] / Е.Ф. Киров. — Казань: Изд-во КГУ, 1989. — 256 с.
48. Климова Н.В. Структура и стилистические функции обращений в письмах И.С.Тургенева [Текст] / Н.В.Климова // Исследования по русскому языку: Сб. работ каф. рус. яз. Днепропетров. ун-та — Днепропетровск, 1970. — С. 127-133.
49. Кнабе Г.С. Древо познания - древо жизни [Текст] / Г.С.Кнабе. — М.: РГГУ, 2006. — С. 502-525.
50. Ковалева Н.А. Авторское фразообразование, коммуникативная стратегия, текста Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Н.А.Ковалева. — Москва, 1992. — 19 с.
51. Ковалева Н.А. Русское частное письмо XIX века. Коммуникация. Жанр. Речевая структура [Текст] / Н.А.Ковалева. — М.: СпортАкадемПресс, 2001. — 284 с.
52. Ковалева Т.В. Лингвопрагматический аспект текста «письмо» (на материале современной немецкой литературы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Т.В.Ковалева. — Москва, 1993. — 21 с.
53. Колпакова В.Г. Функционирование языковых средств в письме- отклике как жанре публицистического стиля [Текст] /В.Г.Колпакова// Функционирование языковых единиц и категорий в синхронии и диахронии / Отв. ред. А. Баудер. — Таллинн: изд-во Таллинского пед. ин-та им. Э. Вильде, 1989. — С. 72-84.
54. Кормилицына М.А. Языковая личность В.В.Виноградова в его письмах к жене [Текст] / М.А. Кормилицына // Вопросы стилистики / Отв. ред. О.

- Б. Сиротинина. — Саратов: изд-во Саратовского университета, 1996. — Вып. 26. — С. 63-71.
55. Кравцов, Н.А. Проблема капитализма и революции в политическом учении, творчестве и деятельности Рихарда Вагнера [Текст] / Н. А. Кравцов. // Правоведение: Научно-теоретический журнал -2006, № 1. – С. 183 -196.
56. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
57. Кухаренко В.А., Нижникова Л. В. Письмо как текст: письма Э. Хемингуэя в оригинале и переводе [Текст]/ В.А.Кухаренко// Перевод и интерпретация текста. — М.: Просвещение, 1988. — С. 204-215.
58. Курьянович, А.В. Роль внутренней речи в организации когнитивного пространства писем М.И. Цветаевой [Текст]/ А.В. Курьянович // Художественный текст: Слово. Концепт. Смысл: материалы VIII Всероссийского научного семинара / под ред. проф. Н.С. Болотновой. – Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2006. – С. 89-93.
59. Курьянович, А.В. Функциональные возможности эпистолярного дискурса как особой формы межличностной коммуникации [Текст]/ А.В. Курьянович // Вестник Томского педагогического университета. – 2009. – Выпуск 9 (87). – С. 146-150.
60. Крючкова О.Ю. Рефлексивность диалектной речи [Текст]/ О.Ю. Крючкова // Язык. – Сознание. – Культура. – Социум. Саратов: ИЦ «Наука», 2008. – С. 214-223.
61. Лазурчук Р.М. Дружеское письмо 2-ой половины 18 века как явление литературы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст]/ Р.М.Лазурчук. — Ленинград, 1972. — 19 с.
62. Левик Б.В. Рихард Вагнер [Текст]/ Б.В.Левик. М.: Музыка Формат, 1978. – 447 с.

63. Леонтьев А.А. Понятие текста в современной лингвистике и психологии[Текст]/ А.А.Леонтьев// Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. – Киев: Вища школа, 1979 – С.7-18.
64. Леонтьев А.А. Психология общения[Текст]/ А.А.Леонтьев. – Москва: изд-во «Смысл», 1997 – 365 с.
65. Летутина И.А. Русская разговорная речь (лексика) в «почтовой прозе» первой трети XIX столетия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук[Текст]/ И.А.Летунина. — Москва, 1999. — 21 с.
66. Лиштанберже А. Рихард Вагнер как поэт и мыслитель[Текст]/Анри Лиштанберже. – Москва: изд-во «Алгоритм», 1997. – 477 с.
67. Лосев А.Ф. Исторический смысл эстетического мировоззрения Рихарда Вагнера [Текст]/А.Ф.Лосев// Вагнер Р. Избр. работы. Москва: изд-во «Искусство», 1978. – С.7- 48.
68. Лысакова И.П. Указательные местоимения в языке русской частной переписки 17-начала 18 века: Дис. ... канд. филол. наук[Текст]/ И.П.Лысакова. – Ленинград, 1971. — 227 с.
69. Макаров М.Л. Основы теории дискурса [Текст]/ М.Л.Макаров. – М.: изд-во «Гнозис», 2003. – 280 с.
70. Максимова Н.В. Функционирование чужой речи в письмах-откликах (на архивном материале отдела писем «Учительская газета»): Автореф. дис. ... канд. филол. Наук [Текст]/ Н.В.Максимова. – Санкт Петербург, 1995. — 19 с.
71. Маркин В.А. Дружеское послание в русской поэзии 1820—1830-х годов и романтизм [Текст]/ В.А. Маркин // Проблемы стиля и жанра в русской литературе 19-начала 20 века / Отв. ред. Ю.М.Проскурина. — Свердловск: изд-во Свердловского пед. института 1989. — С. 32-42.
72. Никитина О.В. Семантико-стилистический анализ писательского эпистолярия: Автореф., дис. ... канд. филол. наук [Текст]/ О.В.Никитина. – Саратов, 1999. — 20 с.

73. Обухова Ю.В. Эпистолярная форма литературной критики у А. П. Чехова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст]/ Ю.В.Обухова. – Москва, 1990. — 24 с.
74. Радченко О.А. Исследование агрессивного дискурса: проблемы и перспективы [Текст]/О.А.Радченко// Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка.Языковое образование». – Москва, 2009. – № 1(3), С.60-66.
75. Рид Д.-Ф. Корпус письма. Структура [Текст]/ Д.Ф. Рид// Correspondence as a Medium of Reception and Appropriation. – Лондон, Екатеринбург, 2008г. – 260 с.
76. Паперно И.А. Переписка как вид текста. Структура письма[Текст]/ И.А.Паперно // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. — Тарту: изд-во Тартуского университета, 1974. — № 1. (5) — С. 214-215.
77. Попова А.Н. Роль глаголов в организации эпистолярного текста (на материале писем А.П.Чехова): Автореф. дис. ... канд. филол. наук[Текст]/ А.Н.Попова. – Томск, 1992. — 20 с.
78. Папян Ю.М. Словесные ряды в письмах русских писателей XVIII в. (на материале писем Н.И.Муравьева, Д.И.Фонвизина, С. Г. Домашнева, Н.А.Львова, Н.М.Карамзина, А.Н.Радищева): Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст]/ Ю.М.Папян. — Воронеж, 1992. — 17 с.
79. Паремская Д.А. Структурные и функциональные черты именного способа оформления высказывания (именного стиля) в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук.[Текст]/ Д.А.Паремская. – Минск, 1978. — 24 с.
80. Подъяпольская О.Ю. Явление имплицитности в эпистолярном тексте (на материале писем Ф. Кафки) [Текст]/ О. Ю. Подъяпольская // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2007. № 3. Ч. 3. – С. 174-178.
81. Прокуровская Н.А. Самоименование М.В.Ломоносова в письмах [Текст]/ Н.А. Прокуровская // Русская речь, 1993. — № 4. — С. 79-82.

82. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс [Текст]/ Ю.Е.Прохоров. – Москва: Флинта, Наука, 2004. – 224 с.
83. Седова О.Н. Эпистолярный стиль в системе функциональных стилей русского языка [Текст]/ О.Н.Седова // Научные доклады высшей школы. Филологические науки, 1985. — № 6. С. 57-62.
84. Сибирякова С.Н. Реализация коммуникативной стратегии в структуре писем-прошений (на материале немецкоязычных писем-прошений XIX века [Текст]/Диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / [Место защиты: Алт. гос. ун-т]. – Барнаул, 2010. – 183 с.
85. Степанов Н.Л. Дружеское письмо начала XIX в. [Текст] /Н.Степанов // Русская проза. Л.: изд-во Academia, 1926. — С. 74-101.
86. Степанов Н.С. Дружеское письмо начала XIX в. [Текст] /Н.С.Степанов // Поэты и прозаики. — М: изд-во Художественная литература, 1966. — С. 66-90.
87. Сурманина Р.С. Некоторые особенности языка коммерческих писем [Текст] / Р.С. Сурманина// Русский язык за рубежом. — Москва, 1881. — № 6. — С. 37-40.
88. Тичер С., Мейер М., Водак Р. Методы анализа текста и дискурса [Текст]/ С.Тичер, М.Мейер, Р.Водак. – Харьков: Гуманитарный центр, 2009. – 354 с.
89. Тураева З.Я. Лингвистика текста, Текст: структура и семантика [Текст] / З.Я. Тураева// Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». — М., 1986. — 127 с.
90. Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы [Текст] / Р. Уэллек. –М.: изд-во Прогресс Язык, 1978. – 326 С.
91. Фуко М. Археология знания [Текст]/ М. Фуко. – С.-Пб.: Изд-во Гуманитарная Академия, 2004. – 416 с.
92. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия Текст/ Ю. Хабермас// Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 1993. – № 4. – С.43-63.

93. Цыцарина О.Ф. К понятию «эпистолярный жанр» в современной лингвистической литературе [Текст] / О. Ф. Цыцарина // Функционально-семантические аспекты языковых явлений / Отв. ред. А.А. Харьковская. — Куйбышев: изд-во Куйбышевского государственного университета, 1989. — С. 103-110.
94. Цыцарина О.Ф. Структурно-композиционные и лексико-семантические особенности текстов эпистолярного жанра (на материале переписки английских и американских ученых XVIII в.-1-ой половины XX вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / О. Ф. Цыцарина — Москва, 1991. — 16 с.
95. Чепкина Э.В. Внутритекстовые автор и адресат газетного письма: Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Э.В.Чепкина — Екатеринбург, 1993. — 16 с.
96. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия [Текст] / В.Е.Чернявская. — М.: Флинта, Наука, 2006. — 134 с.
97. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность [Текст]/ В.Е.Чернявская. — М.: Либроком, 2009. — 248 с.
98. Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований [Текст]/ В.Е.Чернявская // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса : сб. науч. ст. СПб.: Изд-во СПб. ГУЭФ. 2001. — С.11-22.
99. Чигридова Н.Ю. Речевое поведение коммуниканта в жанре деловых эпистолярных писем (на материале немецкого языка) Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст]/ Н.Ю. Чигридова. — Волгоград, 1999. — 13 с.
100. Чуркина И.В. Переписка И. А. Бодуэна де Куртенэ со словенскими учеными [Текст]/ И.В.Чуркина // Переписка славистов как исторический источник / Отв. ред. И.Г.Воробьева. — Тверь: изд-во Тверского государственного университета 1995. — С. 72-82.

- 101.Шейнова Т.В. Письма Г.Р.Державина как лингвистический источник [Текст]/ Т.В.Шейнова // Вопросы истории русского языка XIX—XX в. / Отв. ред. И. Г. Добродомов. — М.: Московский гос. пед. ин-т им. В.И.Ленина, 1988. — С. 28-36.
102. Abels H. Interaktion, Identität, Präsentation: Kleine Einführung in interpretative Theorien der Soziologie (Studentexte zur Soziologie) [Text]/ H.Abels. Heidelberg: Verlag für Sozialwissenschaften, 1998. – 212 S.
- 103.Altman J. G. Epistolary conduct: the evolution of the letter manual in France in the nineteenth century [Text]/ J.G.Altman. Chicago: «University of Chicago Press», 1992. – 304 p.
104. Altmann W. Richard Wagners Briefe nach Zeitfolge und Inhalt: ein Beitrag zur Lebensgeschichte des Meisters [Text] / W.Altmann. Berlin, 1905 (Charleston, USA, 2010): Sändig Reprint – 560 S.
105. Améry J.: Der verlorene Brief. Vom Niedergang einer Ausdrucksform des Humanen [Text] // Schweizer Rundschau 75, № 9/1976, S. 21-24.
106. Anderegg J. Schreibe mir oft! Zum Medium Brief zwischen 1750 und 1830 [Text] / J.Anderegg. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2001. – 144 S.
107. Anon. (Hrsg.): Les Correspondances. Leur importance pour l'historien des Sciences et de la Philosophie. Problèmes de leur édition. Journées de Chantilly 5.-7.5.1975 [Text] // Revue de Synthèse 97, 1976 – 116 p.
108. Anton A. C. Authentizität als Fiktion : Briefkultur im 18. und 19. Jahrhundert [Text] / A.C. Anton. – Stuttgart: J.B. Metzler, 1995. – 169S.
109. Arto-Haumacher R. Gellerts Briefpraxis und Brieflehre : der Anfang einer neuen Briefkultur [Text] / R. Arto-Hausmacher. Wiesbaden: Deutscher Universität-Verlag 1995. – 351 S.
110. Baasner R. Briefkultur im 19. Jahrhundert. Kommunikation, Konvention, Postpraxis [Text] // R.Baasner Briefkultur im 19. Jahrhundert. – Tübingen: Niemeyer-Verlag 1999. – S.1-36.
111. Bauer H. J. Die Wagners: Macht und Geheimnis einer Theaterdynastie [Text] / H.J.Bauer. – Bergisch-Gladbach: Bastei-Lübbe, 2003. – 230 S.

112. Bausinger H., Behringer W., Abels N. et al. Der Brief: Eine Geschichte der schriftlichen Kommunikation [Text] /; K. Beyrer, H.-Chr. Täubrich (Hrsg.). – Heidelberg: Edition Braus, 1998. – 307 S.
113. Beaugrande R.-A. de; Dressler, U. Einführung in die Textlinguistik (Konzepte Der Sprach- Und Literaturwissenschaft) [Text] / R.-A. de Beaugrande, U. Dressler. – Berlin: De Gruyter, 1981. – 304 S.
114. Becker-Cantarino B. Leben als Text : Briefe als Ausdrucks- und Verständigungsmittel in der Briefkultur und Literatur des 18. Jahrhunderts [Text] // Frauen Literatur Geschichte: Schreibende Frauen vom Mittelalter bis zur Gegenwart / B. Becker-Cantarino, H. Gnüg, R. Möhrmann. Stuttgart: J.B.Metzler, 1999. – 760 S.
115. Beethovens Briefe [Text] / dt. Bibliothek in Berlin, H. Leichtentritt (Hrsg.). – Berlin: Deutsche Bibliothek, 1912. – 249 S.
116. Beethoven-Briefe [Text] / Volksverband der Bücherfreunde, Wegweiser-Verlag Berlin, 1922. – 213 S.
117. Beethoven L. van Beethovens Briefe [Text] / H. Schaefer (Hrsg.). – Berlin: Henschelverlag, 1977. – 253 S.
118. Bermbach U. Richard Wagner: Stationen eines unruhigen Lebens [Text] / U. Bermbach – Hamburg: Ellert & Richter, 2006. – 256 S.
119. Brandt M., Koch W., Motsch W., Rosengren I., Vieweger D. Der Einfluß der kommunikativen Strategie auf die Textstruktur – dargestellt am Beispiel des Geschäftsbriefes [Text] // Inger Rosengren (Hrsg.): Sprache und Pragmatik. Lunder Symposium 1982 – Stockholm: Alrttqvist ü. Wikseil, 1983., S. 105-135.
120. Breig W. Probleme einer Gesamtausgabe der Briefe Richard Wagners [Text] / W. Breig//Lothar Bluhm, Andreas Meier (Hrsg.): Der Brief in Klassik und Romantik. Aktuelle Probleme der Briefedition – Würzburg, 1993. – S. 121-153
121. Briefkultur im 19. Jahrhundert [Text] / R. Baasner (Hrsg.) – Tübingen: Niemeyer, 1999. – 279 S.

122. Brockhaus, Universallexikon [Text]/ Brockhaus Universallexikon A-Z in 26 Bänden. Band 3 Beset-Bz, Leipzig, Mannheim: F.A. Brockhaus, 2003 – 672S.
123. Brüggemann D. Vom Herzen direkt in die Feder. Die Deutschen in ihren Briefstellern [Text]/ D. Brüggemann. München: Deutscher Taschenbuch-Verlag, 1968. – 161 S.
124. Bublitz W. In the eye of the beholder: the rather mystical notion of coherence [Text] // Carlon, K., Davidse, K. & B. Rudzka-Ostyn (eds). Perspectives on English – Leuven: Peeters, 1994. – pp. 213-230
125. Buch deutscher Briefe [Text] / W. Heynen (Hrsg.) – Berlin, Darmstadt: Insel-Verlag, 1957. – 974 S.
126. Bürgel P. Der Privatbrief. Entwurf eines heuristischen Modells [Text] / P. Bürgel // Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte № 50, 1976. – S. 281-297
127. Chamberlain H.S. Richard Wagner et le Genie français [Text]/ H.S. Chamberlain // Revue des deux mondes, Vol. LXIVC, Nr. 123. Paris, 1894. – pp. 782—810
128. Cramer J., Andreas C. F. Gellerts Sämtliche Werke in Acht Theilen [Text]/ J.A. Cramer – Charleston, USA, 2011. – 425 S.
129. Dauphin C. Les manuelles épistolaires au XIXe siècle [Text]/ C. Dauphin // Rogier Chartier (Hrsg.): La correspondance. Les usages de la lettre au XIXe siècle – Paris, 1991. – S. 209-271
130. Delilkhan R.-G. Apologie der Briefkultur. Historische Geltung und hermeneutische Anforderungen der Briefe aus dem Gleimkreis [Text] / R.-G. Delilkhan – Konstanz: Hartung-Gorre, 1991. – 280 S.
131. Der Brief in Klassik und Romantik [Text] // Aktuelle Probleme der Briefedition / Bluhm Lothar, Meier Andreas (Hrsg.) – Würzburg, 1993. – 170 S.
132. Deutsche Briefe 1750-1950 [Text]/ Mattenklott, Gert; Hannelore Schlaffer, Heinz Schlaffer (Hrsg.) – Frankfurt am Main, 1988. – 752 S.

133. Dressler W.U., Beaugrande, R.-A. de. Einführung in die Textlinguistik. Konzepte Der Sprach- und Literaturwissenschaft [Text] / W.U. Dressler, R.-A. Beaugrande. – Berlin: de Gruyter-Verlag, 1981. – 304 S.
134. Ebert H. Zum Zusammenhang von Strategie, Struktur und Stil am Beispiel der »Anatomie« eines Privatbriefes [Text] // »Ich an Dich«. Edition, Rezeption und Kommentierung von Briefen. W. M. Bauer, J. John, W. Wiesmüller (Hrsg.) – Innsbruck, 2001. – 278 S.
135. Eiermann W. Gellerts Briefstil [Text] / W. Eiermann. – Berlin, Leipzig: Eduard Avenarius, 1912. – 161 S.
136. Epistolographi graeci [Text] / in 10 Bd. Bd. 9. Deepistolarum scriptoribus graecis / K. Westermann (Hrsg.). – Berlin, 1873 (Neuauf. 1965). – 794 S.
137. Ermert K. Briefsorten. Untersuchungen zu Theorie und Empirie der Textklassifikation [Text] / K. Ermert. Berlin, Tübingen: de Gruyter, 1979. – 227 S.
138. Ettl S. Anleitungen zu schriftlicher Kommunikation. Briefsteller von 1880-1980 [Text] / S. Ettl. Tübingen, 1984. – 263 S.
139. Feigs W. Descriptive Edition auf Autograph-, Wort- und Satzniveau, demonstriert an handschriftlich überlieferten, deutschsprachigen Briefen von H. Steffens. Teil 1: Methode; Teil 2: Briefe 1799-1844 [Text] / W. Feigs. Bern, Frankfurt a.M. 1982. – 708 S.
140. Fortmüller H.-J. Clemens Brentano als Briefschreiber [Text] / H.-J. Fortmüller. Frankfurt am Main, 1977. – 144 S.
141. Gellert Chr.F. Gedanken von einem guten deutschen Briefe [Text] / Chr.F. Gellert // Chr. F. Gellerts sämtliche Schriften, Teil 1. – Leipzig, Hahn-Verlag, 1853. – 480 S.
142. Gellert Chr.F. Gedanken von einem guten deutschen Briefe [Text] / Chr.F. Gellert // Chr. F. Gellerts sämtliche Schriften, Teil 3. – Leipzig, Hahn-Verlag, 1854. – 689 S.
143. Gerken A. B. Die sprachtheoretische Differenz zwischen Gottsched und Gellert [Text] / A. Gerken. Frankfurt a.M.: Peter Lang, 1990 – 169 S.

144. Gläser R. Fachtextsorten [Text] / R. Gläser. Tübingen: Narr Francke Attempto, 1990. – 331 S.
145. Gregor-Dellin, M. Richard Wagner: Sein Leben. Sein Werk. Sein Jahrhundert [Text] / M. Gregor-Dellin. – München: Piper, 1995. – 928 S.
146. Gill D. C. How We Are Changed by War: A Study of Letters and Diaries from Colonial Conflicts to Operation Iraqi Freedom [Text] / D. C. Gill. - New York: Routledge, 2010. – 294 S.
147. Gödden W. Die andere Annette. Annette von Droste-Hülshoff als Briefschreiberin [Text] / W. Gödden. – Paderborn: Schöningh, 1991. – 262 S.
148. Grosse S. Untersuchungen zur Pragmatik und Semantik von Texten aus der ersten Hälfte des 16. Jahrhunderts [Text] / S. Grosse. Berlin: Verlag der Akademie der Wissenschaften, 1987. – 579 S.
149. Haferkorn H. J. Entstehung der bürgerlich-literarischen Intelligenz im Briefe [Text] / H. J. Haferkorn // Literaturwissenschaft und Sozialwissenschaften, Deutsches Bürgertum und literarische Intelligenz, H. J. Haferkorn. Stuttgart: Theseus, 1974. – S. 113-275.
150. Hahn B. »Antworten Sie mir!«. Rahel Levin Varnhagens Briefwechsel [Text] / B. Hahn. – Frankfurt am Main, Basel: Stroemfeld, 1990. – 235 S.
151. Hansen W. Richard Wagner [Text] / W. Hansen. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2013. – 384 S.
152. Harris, Zellig S. Discourse Analysis: A sample text [Text] / Z. S. Harris // Language 28:4. Englewood Cliffs: N.J., 1970. – p. 349-379
153. Heer H.; Kesting J.; Schmidt P. Verstummete Stimmen. Die Bayreuther Festspiele und die ‚Juden‘ 1876 bis 1945 [Text] / H. Heer, J. Kesting, P. Schmidt. Berlin: Metropol, 2012. – 412 S.
154. Hilmes O. Cosimas Kinder: Triumph und Tragödie der Wagner-Dynastie [Text] / O. Hilmes. München: Pantheon, 2010. – 320 S.
155. Hilmes O. Cosima Wagner: The Lady of Bayreuth [Text] / O. Hilmes. – Yale University Press, London, 2010. – 354 S.

- 156.Hoesli I. Wolfgang Amadeus Mozart. Briefstil eines Musikgenies [Text] / I.Hoesli. – Zürich: Artemis, 1948. – 147 S.
- 157.Klauck H.-J. Ein Konzept der Brieffliteratur. [Текст] – Paderborn, München, Wien: UTB, 2008. – 332 S.
- 158.Koch F. Christian Fürchtegott Gellert: Poet u. Pädagoge der Aufklärung / Friedrich Koch. - Weinheim : Dt. Studien Verlag, 1992. – 203 S.
- 159.Kording I. Wovon wir reden können, davon können wir auch schreiben. Briefsteller und Briefknigge [Text] / I.Kording// Klaus Beyrer, Hans-Christian Täubrich (Hrsg.). Der Brief. Eine Kulturgeschichte. – Frankfurt am Main, 1996. – S. 27-33.
- 160.Lange I. Zum Briefnachlaß Arnold Zweigs[Text] / I.Lange// David Midgley (Hrsg.): Arnold Zweig. Psyche, Politik und Literatur. Akten des II. Internationalen Arnold-Zweig-Symposiums Genf 1991. Bern, 1993. – S. 77-84
- 161.Lewis D. General Semantics [Text] /D.Lewis// Synthese, 22/1970. Heidelberg, 1970. – pp. 18-67.
- 162.Louis R. Die Weltanschauung Richard Wagners [Text] / R.Louis. Leipzig: Breitkopf & Härtel, 1898. – 193 S.
- 163.Mann G. Der Brief in der Weltliteratur[Text] // Wir alle sind, was wir gelesen/ G. Mann. Berlin: Verlag der Nation, 1991. – 282 S.
- 164.Nikisch R.M.G. Die Stilprinzipien in den deutschen Briefstellern des 17. und 18. Jahrhunderts [Text] / R.M.G. Nikisch. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969. – 290 S.
- 165.Nikisch R.M.G. Der deutsche Brief [Text] / R.M.G. Nikisch. – Stuttgart: Metzler, 1991. – 214 S.
- 166.Nyholm K. Textsortenvarianten und Textsortenwandel am Beispiel des deutschen Briefs, [Text] // Der Ginkgo-Baum. – K. Nyholm. Helsinki, 1995. – № 13. – S. 202-216.
- 167.Obermeit W. Das unsichtbare Ding, das Seele heißt[Text]// Werner Obermeit. – Bodenheim: Athenaeum, 1987. – 190 S.

- 168.Prawy M. Richard Wagner, Leben und Werk [Text]// M.Prawy. – München: Goldmann, 1982. – 332 S.
- 169.Rammler O.F. Universal-Briefsteller oder Musterbuch zur Abfassung (...) [Text] / O.F.Rammler. – Leipzig: O. Wiegand, 1834. – 522 S.
- 170.Richter S. The ins and outs of intimacy. Gender, epistolary culture, and the public sphere [Text] / S.Richter // German Quarterly 69, Malden, USA, 1996. – S. 111-112.
- 171.Ritzer M. Es liegt mein Stil in meinem persönlichen Wesen. Individualitätsbegriff und Kommunikationstheorie im Briefwechsel des Realismus am Beispiel Gottfried Kellers [Text] / M.Ritzer//Rainer Baasner (Hrsg.): Briefkultur im 19. Jahrhundert. Tübingen, 1999. – S. 183-206.
- 172.Salmi H. Die Sucht nach dem germanischen Ideal. Bernhard Förster (1843-1889) als Wegbereiter des Wagnerismus [Text] / H.Salmi// Zeitschrift für Geschichtswissenschaft 6/1994, S. 485-496.
- 173.Scheibe S. Einige Bemerkungen zur Sammlung der Briefe eines Autors [Text] // S.Scheibe // Wissenschaftliche Briefeditionen und ihre Probleme / Hans-Gert Roloff (Hrsg.). – Berlin, 1998. – 167 S.
- 174.Sprache und Kommunikation im Kulturkontext [Text] / Hertel Volker (Hrsg.) –Frankfurt am Main [u.a.], 1996. – 370 S.
- 175.Schöttker D. Adressat: Nachwelt : Briefkultur und Ruhmbildung [Text]/ D. Schöttker. – München; Paderborn, 2008. – 234 S.
- 176.Schulz, J.G. Beschreibung der Stadt Leipzig [Text]/J.G. Schulz. – Leipzig: A.F. Böhmen, 1784. – 528 S.
- 177.Steinhausen G. Geschichte des deutschen Briefes: Zur Kulturgeschichte des deutschen Volkes [Text]/ G.Steinhausen. – München: R. Gaertners Verlagsbuchhandlung, H. Heyfelder, 1889. – 420 S.
- 178.Stockhausen Chr. Grundsätze wohleingerichteter Briefe [Text] / Chr. Stockhausen. – Helmstädt: Weygandt-Verlag, 1751. – 510 S.
- 179.Vater H. Einführung in die Textlinguistik: Struktur, Thema und Referenz in Texten [Text]/ H.Vater. – München, Stuttgart: UTB 1992 . – 206S.

180. Vellusig R. Schriftliche Gespräche: Briefkultur im 18. Jahrhundert [Text]/ R. Vellusig. – Wien, 2000. – 393 S.
181. Vellusig R. Medientheoretische Aspekte der Briefkultur [Text]/ R. Vellusig. – Hagen: Verlag der Fernuniversität Hagen, 1999. – 147 S.
182. Virtanen T. Dialectology and geolinguistic dynamics [Text]/ T. Virtanen// Reinhild Vandekerckhove. Discourse analysis – Jan-Ola Östman & Tuija Virtanen. – Amsterdam, Philadelphia, 1995. – 817 S.
183. Weikl B.; Bendixen, P. Freispruch für Richard Wagner? Eine historische Rekonstruktion [Text] / B. Weikl, P. Bendixen. – Leipzig: Universitätsverlag, 2012. – 375 S.
184. Weise Chr. Curiöse Gedancken Von Deutschen Brieffen [Text] / C. Weise. – Dresden, Leipzig: Mieth-Verlag, 1691. – 552 S.
185. Werr S. Heroische Weltsicht [Text] / S. Werr. – Köln: Böhlau-Verlag, 2014. – 320 S.
186. Widdowson H.G. Directions in the teaching of discourse [Text] / H. G. Widdowson // Theoretical Linguistic Models in Applied Linguistics. – Brüssel, Paris, London: Aimav, 1973. – P. 65-76.
187. Wiese B.v. Briefe des 18. Jahrhunderts [Text] / B. von Wiese. – Berlin: Schmit-Verlag, 1977. – 1086 S.
188. Wohlfarth P. Der Brief als Literaturgattung [Text] / P. Wohlfarth/ Der Gral. – Berlin, 1924/25. - № 19. – S. 485-489.
189. Zedler J.H. Grosses vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste, Halle/Leipzig: Zedler, Bd.4 – 1050 S.
190. Zweig St. Die Kunst des Briefes [Text]/ S. Zweig// Blätter der Stefan-Zweig-Gesellschaft. – Wien: Die Gesellschaft, 1963 - № 15. – S. 8-9.

Электронные ресурсы

1. Bayrisches Hauptstaatsarchiv online [электронный ресурс]
<http://www.bavarikon.de/de/institution/BayHStA>

Журналы

1. Goertz W. Wie klingen Gier, Wonne, Tod? [Text] / W.Goertz // Die Zeit 31/2013 7. August 2013
2. Zeit.Geschichte.Wagner [Text]// Die Zeit, 1/2013. – 114 S.

Словари

1. Шекасюк Б.П. Новый немецко-русский фразеологический словарь [Текст]/ Б.П.Шекасюк. – М.: Либроком, 2013 г. – 864 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сходства и различия в лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах эпистолярного наследия Л. ван Бетховена и Р. Вагнера можно систематизировано представить в следующих таблицах:

Таблица 1

Сравнение эпистолярного наследия Л.ван Бетховена и Р. Вагнера по критериям К.Ф. Геллерта

критерий	Бетховен	Вагнер
искусственная естественность	свободная трактовка, планомерное несоблюдение чередуется с отдельными фразами с элементами соблюдения языковые средства: • личное местоимения в Dativ; • сохранение общепринятой синтаксической структуры; • евфемизмы и гиперболы; • синекдохи и повторные преувеличения (Klimax); • большое кол-во инверсий и коллокаций	доведение до абсурда, особый отбор лексических единиц (сумбурность, беспорядочность) языковые средства: • редкое использование финитной формы глаголов; • «mir's» вместо «mir es» не встречается; • уменьшительно-ласкательные суффиксы с фамилиями

Продолжение таблицы 1

публичная интимность	самораскрытие личности без предполагаемого раскрытия тайны переписки языковые средства: • модальные глаголы вместо конъюнктива; • Präteritum Passiv; • Präteritum Passiv + элемент грамм. нарушения „werden“ (Бетховенское „wurd“); • Passiv + Dativobjekt (местоимение 1-го л.ед.ч.)	самораскрытие личности, преднамеренное раскрытие тайны переписки языковые средства: • императив вместо конъюнктива; • Präteritum & Plusquamperfekt Passiv; • Passiv + Dativobjekt (местоимение 1-го л.ед.ч.)

Окончание таблицы 1

Таблица 2

Сравнение эпистолярного наследия Л. ван Бетховена и Р. Вагнера по критериям К. Нихольма

<i>Элемент/ составляющая</i>	<i>Бетховен</i>	<i>Вагнер</i>
<i>Психолого-антропологический аспект:</i>		
акция/реакция	реакция	акция и реакция
духовная разгрузка	самоанализ, рефлексия, признания	псевдосамоанализ
единство целого во множественности	присутствует в каждом письме	диалектика между индивидом и обществом
проекция черт / структуры характера	да	да
<i>Социологический аспект:</i>		
письмо как средство коммуникации	используется вынуждено, ввиду недуга	используется вынуждено ввиду представляемой необходимости
письмо как перенесенный по фазам разговор	сообщение о себе	разговор со всем миром через адресата, содержание ответа не имеет значения

письмо как способ выражения индивидуального отношения к адресату	используется	используется утрированно
письмо как способ выражения степени интегрированности в современном составителю обществе	отсутствие интегрированности при стремлении к ее достижению	отсутствие интегрированности при отсутствии стремления к ее достижению
<i>Лингвоэстетический аспект:</i> <i>(+ функционально-стилистический & степень рациональности вкл. элементов)</i>		
функционально-стилистический	вместо конъюнктива → модальные глаголы в роли заменителей,	вместо конъюнктива → императив; Passiv Präteritum & Plusquamperfekt
критерии стилистической эстетики	• обильное употребление эллипсиса; • евфемизмы; • гиперболы; • синекдохи; • повторные преувеличения (Klimax)	• обильное употребление эллипсиса; • гиперболы

Продолжение таблицы 2

лексико-семантический аспект	• интенсификация (Intensivierung) индивидуальных словосочетаний; • изобилие составных существительных; • изобилие префикса Ge- у существительных	• редкое использование финитной формы глаголов; • «mirs» вместо «mir es» не встречается; • уменьшительно-ласкательные суффиксы с фамилиями
синтаксическое оформление	• преимущественно анаколуф; • большое количество инверсий и колокаций	• апосиопезы; • восклицания
критерий измерения, замененный на критерий аутентичности + фикциональности	да – трехмерно, атмосферно, <i>интравертно</i> когерентно	да – трехмерно, атмосферно, <i>экстравертно</i> когерентно
роль эстетики (как самоцель или как акциденция)	незначительна, отвергается как самоцель	незначительна

Продолжение таблицы 2

наличие устойчивых оборотов приветствия и прощания;	имеются, как правило, в частной переписке	имеются, как правило, в переписке с определенной категорией лиц (адресаты женского пола)
persuasio	противопоставление себя обществу, ища союзника в сверхестественном отражается в речи • формально – противопоставление «ihr/die Anderen» - «ich»; • лексически – в 74,9% данное противопоставление сопровождается аккумуляцией	собственное превосходство над окружающим миром отражается в речи • формально — употребления превосходной степени прилагательного и конструкции «личное местоимение второго лица единственного числа в именительном падеже + личное местоимение первого лица единственного числа в Dativ («du mir»)»;

Продолжение таблицы 2

		• семантически — исключительно лексика с положительным значением в отношении себя
<i>Исторический аспект:</i>		
авто- биографические черты	да	да
комментарии жизни автора	имеются, в первую очередь, в отношении физического недуга адресанта, не преволируют	имеются в незначительном количестве, не преволируют
осознанная интерпретация исторически объективного (социального, экономического, идеологического контекста)	не выражена, (оценка аспекта усложнена)	не выражена, (оценка аспекта не возможна)
интерпретация собственных трудов	письмо как <i>площадка</i> <i>для интерпретации</i> своей творческой деятельности	письмо как <i>площадка для</i> <i>определения</i> своей творческой деятельности

Окончание таблицы 2

Таблица 3

Сравнение эпистолярного наследия Л. ван Бетховена и Р. Вагнера по критериям Г.Й.Клаука и Г.Деллина

<i>Критерий/ структурная составляющая</i>	<i>Бетховен</i>	<i>Вагнер</i>
структура	3-х или 4-х частная	3-х или 4-х частная
особенности прескриптума/ структурные отличия от принятой в XIX веке организации письма	с 1801 г. → отсутствует (простое обращение к адресату)	простое обращение к адресату в замену прескриптума – только в частной переписке
основная часть	• proemium; • рефлексия (рассуждения о впечатлениях и действительности); • частое упоминание состояния здоровья	• proemium; • псевдо-рефлексия, (исключительно положительная); • большой объем информации о собственных впечатлениях и целях
завершение	просьбы к адресанту	просьбы в виде требований
наличие когерентности	да	да

роль / значимость формальности	неформальное отношение к письму	неформальное отношение к письму
коммуникатив- ная стратегия	«defensives Schreiben»: «die Anderen» на русском!(«другие/иные») vs.«Beethoven +Gott» языковые средства: • лексические (использование превосходной степени прилагательного); • лексико- грамматические (конструкция личное местоимение второго лица единственного числа в именительном падеже + личное местоимение первого лица единственного числа в Dativ – «du mir»); • семантические (аппозиции)	«Antonomasie zur Selbstverherrlichung» («Антономасія для прославления самого себя»): «die» (denen) «все остальные» vs. «Ich» языковые средства: • лексические (использование превосходной степени прилагательного); • лексико- грамматические (конструкция личное местоимение второго лица единственного числа /множественного числа либо третьего лица множественного числа в именительном падеже + личное местоимение первого лица единственного числа в Dativ («du mir»,

Продолжение таблицы 3

		«Ihr mir», «sie mir»»); • семантические (использование лексики с исключительно с положительным значением в отношении себя)

Окончание таблицы 3

Таблица 4

Данные количественного подсчета

Лингвистическое явление	Бетховен	Вагнер
синекдохи и повторные преувеличения (Klīmax)	• в 1779 случаях из 1801 (98,7%) данные риторические фигуры нарушают установленную Геллертом стандартную структуру письма	• в 1682 случаях (100%) данные риторические фигуры нарушают установленную Геллертом стандартную структуру письма
соотнесение индикатива, конъюнктива II императива	81% индикатив 6% конъюнктив II 13% императив	30% индикатив 7% конъюнктив II 63% императив

Продолжение таблицы 4

существительные с префиксом Ge-	20712 из 21340 существительных (97%)	—
Präteritum Passiv	948, из них 741, т.е. 78,1% - употребление Passiv в сочетании с объектом, состоящем из местоимения 1-го л.ед.ч. в Dativ	1293, из них 971, т.е. 75,1% - употребление Passiv в сочетании с объектом, состоящем из местоимения 1-го л.ед.ч. в Dativ
местоимения	6312, из них противопоставление «ihr... mir» - 5792 (т.е. 91,8%); в 4731 (т.е. 74,9%) данное противопоставление сопровождается аккумуляцией; 3196 местоимений являются личными местоимениями 1-го лица ед. ч. в дательном падеже «mir» (67,8%)	6980, в 5793 (83%) из них за ним следует прилагательное в Superlativ (в 100% - 5793 случаев имеющее положительное значение) 8462 противопоставления, из них 90% (7954) «sie»/«ich» каждое 3-е «я» в Dativ, сопровождается местоимением 2-го лица ед. ч./ 3-го лица мн. ч.)

Окончание таблицы 4